ЛИНДГРЕН

Расмус-бродяга

АСТРИД ЛИНДГРЕН

Расмус-бродяга

«ЛиК»

Перевод со шведского
Е. Милехиной и О. Шарковой

Печатается по изданию
Астрид Линдгрен „Расмус-Бродяга",
г. Ленинград, 1963 год.

Рисунки *Г. Фитингофа*
Послесловие *Л. Брауде*

Линдгрен А.
Л59 Расмус-Бродяга. Пер. со шведск. Автор послесловия Л. Брауде. – М.: „Лик", 1991. – 159 с.
ISBN 5–8364–0001–6

Астрид Линдгрен – знаменитая шведская детская писательница. Повесть „Расмус-бродяга" Международным советом детской книги во Флоренции была отмечена медалью Х. К. Андерсена.

В повести рассказывается о событиях, решивших судьбу девятилетнего Расмуса, круглого сироты. Не желая больше мириться со своей жизнью в приюте, Расмус убегает оттуда.

Во время скитаний Расмус знакомится с бродягой Оскаром. Бродяга и мальчик подружились. Вместе они переживают ряд опасных и необычайных приключений.

Л $\frac{480320000-001}{B28(02)-91}$ Без объявления

ISBN 5–8364–0001–6

Издание осуществлено при участии
МП „Сервис-А", г. Калининград

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Расмус, как обычно, сидел на своей излюбленной ветке у самой макушки липы и раздумывал о вещах, которым на земле вовсе не место. Во-первых, это картошка! Ну конечно, пусть остается отварная картошка, особенно когда ее с подливкой подают в воскресенье на обед. Но когда она дружно всходит на картофельном поле и ее нужно окучивать — вот тогда хоть бы ее и вовсе не было. Без фрёкен[1] Хёк[2] тоже можно было бы прекрасно обойтись. Ведь это она объявила: «Завтра мы целый день будем окучивать картошку». «Мы будем окучивать», — сказала она, но это вовсе не означало, что фрёкен Хёк собиралась помогать. Этим займутся Расмус, Гуннар, Стуре-Петер и другие ребята из приюта, которым придется весь долгий жаркий летний день батрачить на картофельном поле. А каково еще видеть, как мимо по дороге деревенские ребята спешат к речке купаться. Ну и задавалы эти деревенские ребята! Вот уж кому не место на земле!

Расмус немного призадумался, с чем бы еще не мешало покончить. Но приглушенный крик снизу прервал его мысли.

— Расмус! Прячься! Ястреб!

Мордочка Гуннара предостерегающе высунулась из дровяного сарая, и Расмус заторопился. Он проворно соскользнул с ветки и повис, ухватившись за нее руками, а когда мгновение спустя фрёкен Хёк подошла к дровяному сараю, Расмуса уже не было видно среди зеленых ветвей липы. И Расмусу повезло, потому что фрёкен Хёк не любила, когда мальчики, точно птенцы, торчали на деревьях, вместо того чтобы заниматься полезной работой.

---

[1] Фрёкен — обращение в Швеции к незамужней женщине.
[2] Хёк — по-шведски — ястреб.

— Ты, Гуннар, верно, накладываешь одни только еловые поленья?

И фрёкен Хёк грозным взглядом окинула дрова, которые Гуннар уже положил в корзину.

— Да, фрёкен Хёк, — ответил Гуннар именно таким голосом, каким надлежало отвечать фрёкен Хёк. Тем особым приютским голосом, каким обыкновенно разговаривали с наставницей или пастором, когда тот приезжал с ревизией и спрашивал их: «Разве не приятно вырастить такой красивый сад?» — или когда приходили родители какого-нибудь деревенского мальчишки и хотели разобраться, за что они побили их дитятю, который на школьном дворе кричал им вслед: «Приютские щенки!» Ответ звучал покорно и кротко, ведь было совершенно ясно, что как раз это желали услышать от них и фрёкен Хёк, и пастор, и все вокруг.

— Ты не знаешь, где Расмус? — спросила фрёкен Хёк.

От страха Расмус еще крепче уцепился за ветку. Он молил бога, чтобы фрёкен Хёк поскорее убралась восвояси. Долго так висеть он бы не смог, а стоило ему хоть чуточку расслабить руки, как он медленно опустился бы вниз и очутился бы перед фрёкен Хёк. Да к тому же на нем была казенная рубашка в голубую полоску, которая уже издали бросалась в глаза. Другое дело — птицы! На деревьях их почти невозможно заметить. Природа наделила их защитной окраской — объясняла им учительница в школе. А к приютским ребятам природа была не столь благосклонна и не наделила их защитной окраской, поэтому Расмусу оставалось только горячо желать, чтобы фрёкен Хёк уходила поскорее, пока он не сорвался с ветки.

Совсем недавно фрёкен Хёк ругала его за то, что он отличился из всех ребят и вымазался как чертенок, об этом он вспомнил именно сейчас. Вот если она повторит свои наставления еще раз, он непременно ответит ей: «Я занимаюсь тем, что приобретаю защитную окраску».

Понятно, он скажет это чуть слышно, совсем про себя, чтобы не услышала фрёкен Хёк. Попробуй только скажи ей это прямо в лицо! Ведь у нее такие суровые глаза, рот ее тоже сурово сжат, и часто она сурово хмурит лоб. Гуннар утверждал, что даже нос у нее весьма грозный. Но Расмус с ним не соглашался. Ему казалось, что у Ястреба очень красивый нос.

Правда, именно сейчас, когда Расмус болтался на дереве и чувствовал, как у него затекают руки, ему никак не удавалось припомнить у нее что-нибудь хорошее. А Гуннар, продолжавший боязливо накладывать дрова в корзину, не осмеливался поднять глаза настолько, чтобы увидеть ее нос, так что последний мог выглядеть, как ему заблагорассудится. Единственное, что Гуннар видел, была кромка ее накрахмаленного передника.

— Ты не знаешь, где Расмус? — переспросила фрёкен Хёк довольно нетерпеливо, поскольку ответа на свой первый вопрос она еще не получила.

— Я только что видел его около курятника, — ответил Гуннар.

Эта была истинная правда. Всего полчаса тому назад Гуннар и Расмус искали куриные яйца в зарослях крапивы за курятником, куда иногда забегали глупые куры, чтобы снести яйцо. Не мудрено, что Гуннар видел Расмуса около курятника совсем недавно. А где Расмус сейчас, Гуннар счел более разумным не рассказывать фрёкен Хёк.

— Если увидишь Расмуса, скажи ему, чтобы нарвал корзину крапивы, — сказала фрёкен Хёк и повернулась на каблуках.

— Да, фрёкен Хёк, — ответил Гуннар.

— Ну, что, слышал? — спросил он, когда Расмус кубарем скатился с липы. — Тебе нужно нарвать корзину крапивы.

И зачем только есть на свете крапива, сокрушался Расмус. Все долгое лето только и делай, что рви крапиву для кур. Ишь какие! Подавай им каждый день крапивную кашу.

— Неужели эти глупые твари не могут хоть немного пощипать крапивы. Ведь она растет у них под самым носом!

— Как же, дожидайся. Им подноси все на блюде,— сказал Гуннар, расшаркиваясь перед курицей, которая, громко кудахча, прошествовала мимо.

Расмус сомневался, нужно ли покончить с курами на земле, но в конце концов он все-таки решил, что их надо оставить, иначе приютские не получат яйца на завтрак в воскресенье. А если бы не яйцо, как бы они узнали, что это — воскресенье. Нет, уж пусть куры будут на свете.

Ничего не поделаешь, придется отправиться за крапивой.

Расмус был не ленивее своих девятилетних сверстников. Просто он оказывал свойственное его возрасту сопротивление всему, что мешало ему лазить по деревьям, купаться в речке, играть с ребятами в братья-разбойники или за картофельным погребом устраивать засаду какой-нибудь девчонке, которую послали за картошкой. Он полагал, что как раз этим следует заниматься, когда у тебя летние каникулы. Но ничего не поделаешь, раз уж фрёкен Хёк не в состоянии уразуметь это.

Приют Вэстерхага числился за коммуной,[1] но существовал главным образом за счет торговли овощами и яйцами. А сироты служили в качестве дешевой и необходимой рабочей силы и вполне оправдывали свое пребывание в приюте. Требования фрёкен Хёк, пожалуй, чрезмерными не были, хотя Расмусу казалось, что заставлять мальчишек целый день окучивать картошку просто бесчеловечно. Но поскольку ему вместе с другими сиротами придется уже в тринадцать лет содержать самого себя, ему было необходимо заблаговременно научиться работать, и это фрёкен Хёк осознала как нельзя лучше. Зато она никак не могла понять, как необходимы игры и развлечения и для приютских детей. Но, может, этого от нее и требовать было нельзя, ведь она сама никогда не любила играть.

Расмус послушно рвал крапиву за курятником. Но тем не менее он все же сказал курам несколько теплых слов.

«Дармоедки! Лучше бы вас вовсе не было! Здесь кругом столько крапивы, что с ума можно сойти, но вас она, видите ли, не устраивает! А я рви и рви для вас крапиву, словно черный раб на плантации».

И чем больше он думал об этом, тем сильнее он чувствовал себя негром-рабом. В прошлом семестре учительница в школе читала им книжку о рабах в Америке. Нет ничего прекраснее в жизни, чем слушать, как учительница читает книжки, а из всех книг, какие Расмусу когда-нибудь приходилось слушать, эта о неграх-рабах была самой замечательной.

---

[1] Коммуна — низовая административно-территориальная единица в скандинавских странах.

Он рвал крапиву и тихонько стонал. Сейчас над ним нависла плеть надсмотрщика, а за погребом лежали ищейки, подстерегавшие его. Если он не сумеет достаточно быстро наполнить корзинку, они набросятся на него. И сейчас он собирал хлопок, а вовсе не крапиву. Работая под знойным солнцем южных штатов, рабы-негры вряд ли надевали большие шерстяные рукавицы, которые он натянул, чтобы не обжечься крапивой, — без них-то никак обойтись нельзя было.

Расмус работал не разгибая спины. Но и у черных рабов тоже иногда бывают маленькие радости. Там у погреба росла очень высокая крапива. Расмус уже нарвал полную корзину, но не поленился пойти туда и срезать ее только для того, чтобы подразнить собак. Вдруг он увидел в стружках возле погреба что-то блестящее, похожее на монетку в пять ёре.[1] У Расмуса забилось сердце. Неужели это пять ёре? Нет, не может быть! Но он все-таки осторожно стянул рукавицу и протянул руку, чтобы извлечь находку из-под стружек.

Да, это в самом деле была монетка в пять ёре! Хлопковое поле исчезло, ищейки рассеялись как дым, бедный раб-негр был вне себя от радости.

Ведь чего только не купишь на пять ёре! И большой пакет карамели, и пять леденцов, и плитку шоколада. Все это есть в деревенской лавке. Он может сбегать туда во время обеда и, может, даже завтра. Или он вовсе может не бегать туда, не тратить монетку. А день и ночь радоваться своему богатству, на которое он сможет купить все, что пожелает.

Да, пусть на земле остаются куры, и крапива пускай остается, потому что, не будь кур и крапивы, и это не случилось бы. Он раскаивался, что совсем недавно так сурово обошелся с бедными курами. И хотя вид кур, шнырявших по птичьему двору, говорил о том, что они не обратили ни малейшего внимания на его слова, ему очень хотелось объяснить им, что он абсолютно ничего не имеет против них.

— Да, да, живите себе, — проговорил он, подходя к сетчатой изгороди, окружавшей птичий двор. — Так и быть, я буду каждый день рвать для вас крапиву.

И вот тогда-то произошло новое чудо. Вот тогда-то он увидел новое сокровище. Посередине птичьего двора, у самых ног кудахтающей курицы, лежала раковинка улитки. Прямо посреди куриного помета лежала красивая белая раковинка, вся в мелких коричневых крапинках.

— О! — воскликнул Расмус. — О!

Он быстро открыл калитку и, не обращая внимания на то, что куры, отчаянно кудахтая, бросились врассыпную, ринулся во двор и схватил раковинку.

---

[1] Ёре — самая мелкая разменная монета в Швеции.

Теперь его счастье было таким полным, что он должен был с кем-нибудь поделиться. Он должен пойти и рассказать все Гуннару. Бедный Гуннар! Ведь он всего какой-нибудь час назад был с ним возле птичьего двора и не нашел ни раковинки, ни пяти ёре. Расмус призадумался. А быть может, час тому назад там не было ни раковинки, ни пяти ёре. Быть может, они чудом попали туда, как раз когда Расмус начал рвать крапиву. Быть может, для него это был волшебный день, полный удивительных событий.

Лучше всего пойти и спросить обо всем Гуннара.

Расмус вприпрыжку сорвался с места, но сразу же остановился, вспомнив о корзине с крапивой. Он пошел назад, чтобы захватить ее, и с корзиной в одной руке, раковинкой и монеткой, крепко зажатыми в другой, побежал разыскивать Гуннара.

Он нашел его на площадке для игр, где обычно собирались дети, закончив дневную работу. Сейчас там в сборе была вся ватага, чем-то сильно взволнованная. Наверное, что-то случилось, пока Расмус гулял.

Расмусу очень хотелось отвести Гуннара в сторону и показать ему свои богатства. Но Гуннару было сейчас вовсе не до того.

— Завтра мы не станем окучивать картошку, — коротко сказал он. — Тут приедут какие-то выбирать себе малыша.

Такая новость отодвинула на задний план и раковинку и пять ёре. Разве что-нибудь сравнится с тем, что кто-то из них обретет свой дом. В Вэстерхаге не было ни одного ребенка, который не мечтал бы о таком счастье! Даже большие мальчики и девочки, которым предстояло в скором времени зарабатывать себе на жизнь, наперекор всякому здравому смыслу надеялись на такое чудо. Даже самые некрасивые, угрюмые и несносные из них питали надежду, что в один прекрасный день кто-нибудь приедет и, непонятно почему, захочет взять его или ее. И взять не как маленького батрака или служанку, чтобы помыкать ими, а как своего собственного ребенка. Большего счастья в жизни, чем иметь своих собственных родителей, дети из приюта представить себе не могли.

Правда, далеко не каждый был согласен открыть свою сокровенную мечту. Но Расмус, которому было всего девять лет, и не думал притворяться равнодушным.

— А что, если... — с жаром произнес он, — а что, если они захотят взять меня. О, мне так хочется, чтобы они взяли меня.

— И не мечтай об этом, — сказал Гуннар. — Они всегда берут девчонок с кудрявыми волосами.

Радостное оживление Расмуса исчезло, и на его лице появилось выражение глубокого разочарования. Серьезные глаза умоляюще смотрели на Гуннара.

— Значит, ты не думаешь, что могут найтись люди, которые захотят взять мальчика с прямыми волосами?

— Они берут девчонок с кудрявыми волосами, я же сказал.

Сам Гуннар был очень некрасивый мальчик, курносый, с жесткими, как щетина, волосами, и мечту о родном доме он хранил про себя. Никому и в голову бы не пришло, что его вообще интересовали предстоящие события.

Позднее, когда Расмус лежал на своей узкой кровати, стоящей рядом с постелью Гуннара в спальне мальчиков, он вспомнил, что еще не расс[illegible] раковинке и монете. Свесившись с кровати, [illegible]

— Послушай-ка, Гуннар, [illegible] произошло столько чудес.

— Чудес? — переспросил Гуннар.

— Да, я нашел пять эре и кра[illegible] красивую раковинку. Не говори об этом только н[illegible]

— Можно посмотреть? — с любо[illegible]ом прошептал Гуннар. — Идем к окну, я хочу посмо[illegible]

Они бесшумно выбрались из кроват[illegible] в одних рубашках встали у окна. В прозрачном сумраке летнего вечера Расмус показывал свои сокровища, осторожно, так, чтобы никто, кроме Гуннара, не увидел их.

— Ну и везет же тебе! — сказал Гуннар, поглаживая указательным пальцем гладкую поверхность раковинки.

— Да, мне везет. Потому-то я и думаю, что, может быть, те, которые приедут завтра, все таки возьмут меня.

— Ну что же, надейся, — ответил Гуннар.

На кровати около двери лежал Стуре-Петер, самый старший из мальчиков и, следовательно, их вожак. Он приподнялся на локте и напряженно прислушался.

— А ну-ка ложитесь, — прошептал он. — Ястреб... Я слышу ее шаги на лестнице.

Гуннар и Расмус так стремительно бросились к своим кроватям, что рубашки, словно крылья, захлопали по их

голым ногам. И, когда вошла фрёкен Хёк, в спальне царила мертвая тишина.

Воспитательница совершала вечерний обход. Она переходила от одной кровати к другой и проверяла, всё ли в порядке. Иногда, что случалось очень редко, она небрежно, почти с отвращением гладила по щеке какого-нибудь мальчика.

Расмус не любил фрёкен Хёк, но все-таки каждый вечер надеялся, что она погладит его. Почему надеялся, он и сам не знал, просто ему очень хотелось, чтобы она погладила его.

«Если она погладит сейчас меня, — думал Расмус, лежа в кровати, — то это значит, что у меня и завтра будет день чудес. Это значит, что те, которые приедут завтра, захотят взять меня, хотя у меня и прямые волосы».

Сейчас фрёкен Хёк была у кровати Гуннара. Расмус застыл в ожидании. Сейчас, вот сейчас она подойдет к нему.

— Расмус, не [illegible] одеяло, — сказала фрёкен Хёк.

Затем она [illegible] и через минуту спокойно, решительно закрыла за собой дверь.

В спальне было тихо. Только там, где стояла кровать Расмуса, послышался тяжкий вздох.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В это утро у мальчишек ушло много мыла на умывание. Блистающие чистотой уши и добросовестно вымытые руки очень нравятся приемным родителям, по словам Ястреба, и сегодня надо показать себя в самом выгодном свете.

Расмус положил порядочный кусок мыла в таз и начал оттирать грязь с таким усердием, какое у него появлялось только накануне сочельника. Волосы у него были прямые — тут уж ничего не поделаешь. Но ведь речь шла об ушах. Поэтому он твердо решил, что в этот день чище его ушей не найдется во всей Вэстерхаге, а более красных, безжалостно надраенных рук тоже ни у кого не будет. Правда, у девочек и здесь было преимущество — они ведь ужасные чистюли. Грязь будто не пристает к ним так, как к мальчикам. Да, впрочем, они только и делают, что моют, убирают, пекут и всякое такое, от чего можно стать только чище.

Посреди умывальной стоял Стуре-Петер. Он еще не брал в руки ни мыла, ни щетки. Осенью ему исполнится тринадцать лет, и тогда он должен будет покинуть Вэстерхагу, хочет он того или нет. Он знал, что ему придется наняться батраком к какому-нибудь местному крестьянину. А еще он знал, что никакие, даже очень старательно вымытые уши не смогут изменить этого обстоятельства.

— Не буду я сегодня мыться, плевал я на это дело, — заявил он во всеуслышание.

Воцарилась томительная пауза, щетки замерли в тазах. Стуре-Петер был вожак, и он не собирался мыться. Надо было спешно решать, что же делать.

— И я, и я не буду сегодня мыться, — плевать мне на все!

Гуннар решительно отложил щетку. Он тоже знал, что вода и мыло не сотворят с ним чуда.

— Ты что, с ума сошел? — сказал Расмус. С волос прямо в глаза капала вода, и он откинул их назад. — Ты ведь знаешь, кто приедет.

— А ты, верно, думаешь, что явится король Оскар собственной персоной. Плевать мне на того, кто приедет, пусть это будет сам король или торговец старым хламом из лавки в Чисе, — все равно я мыться не буду.

Кухарка тетушка Ольга, которая была немного болтливее фрёкен Хёк, рассказывала, что приедет торговец, не бедный торговец старым хламом, а богатый и важный, привезет с собой жену. Собственных детей, которые когда-нибудь смогут унаследовать лавку, у них нет. Поэтому-то они и приезжают в Вэстерхагу, чтобы приобрести малыша, — сказала тетушка Ольга. «Получить в наследство целую лавку — вот это здорово, — думал Расмус. — Лавку, полную конфет, леденцов и пастилы. Ну там мука, кофе, мыло и селедка у них, конечно, тоже есть».

— А я все-таки буду мыться, — твердо заявил он и принялся скрести локти.

— Да, валяй мойся, — сказал Гуннар. — Я тебе помогу.

Он схватил Расмуса за затылок и быстро окунул его голову в таз. Расмус [illegible], сердито отфыркиваясь. А Гуннар стоял, залившись смехом.

— Ты ведь не рассердился, правда? — лукаво спросил он.

Взглянув на его добродушное курносое лицо, Расмус тоже рассмеялся. На Гуннара он никогда не мог долго сердиться. Но все же это не пройдет ему даром! Он схватил таз и угрожающе двинулся на Гуннара, который стоял в дверях спальни, ожидая его нападения. Расмус поднял таз — сейчас Гуннар примет такой душ, что надолго его запомнит. Но только Расмус собрался напасть, как его жертва проворно отскочила в сторону. В ту же секунду дверь отворилась, и, подобно бурному тропическому ливню, содержимое таза с шумом обрушилось на того, кто появился на пороге.

Это была фрёкен Хёк. К сожалению, в таких случаях только один-единственный человек может удержаться от смеха, а именно тот, кто принимает душ на себя. Фрёкен Хёк отлично справилась со своим смехом, но среди мальчиков послышалось сдавленное хихиканье. И, заглушая

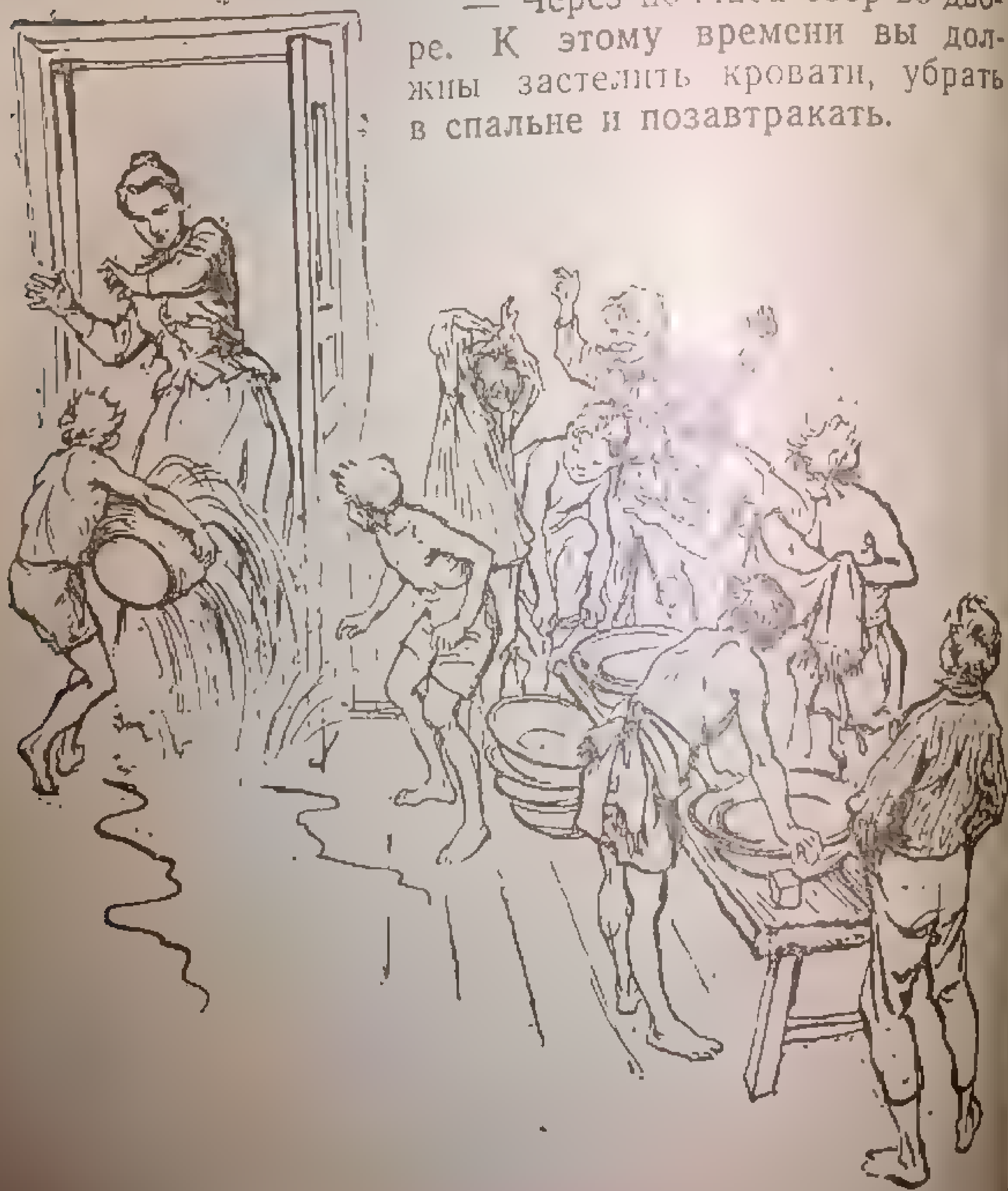
это хихиканье, раздался чей-то отчаянный смех. Это смеялся Расмус. Какое-то одно мгновение он смеялся, словно сумасшедший, а потом замолк и стоял в ужасе, ожидая катастрофы. Ибо катастрофы теперь не избежать, это он понимал.

Фрёкен Хёк превосходно умела владеть собой, и это она доказала сейчас еще раз. Она только встряхнулась, словно мокрая собака, и устремила на Расмуса неодобрительный взгляд.

— Сейчас мне не до тебя, — сказала она. — Но позднее мы непременно поговорим.

Потом она громко хлопнула в ладоши и объявила:

— Через полчаса сбор во дворе. К этому времени вы должны застелить кровати, убрать в спальне и позавтракать.

И она ушла, даже не взглянув на Расмуса. Когда она исчезла, разразилось ликование:

— Красота, под хороший дождичек она попала! — воскликнул Стуре-Петер — Вот так Расмус! Метко угодил!

Но Расмус не мог вместе со всеми радоваться своей меткости. День начался неудачно. Этот день не будет для него днем чудес, днем, когда он получит своих собственных родителей. Наказание — вот что ждет его. И, наверное, самое ужасное наказание, потому что он натворил таких дел. От беспокойства и тревоги его начало знобить, его худое тело била мелкая дрожь.

— Одевайся, — сказал Гуннар. — Ты же замерз, у тебя даже нос посинел.

И, понизив голос, добавил:

— Это я виноват, что ты облил водой Ястреба.

Расмус натянул на себя рубашку и штаны. Не все ли теперь равно, кто виноват. Ведь ни он, ни Гуннар не думали, что все выйдет шиворот-навыворот. Но ему становилось страшно, так страшно при мысли о том, что придумает фрёкен, чтобы наказать его. За тяжелый проступок фрёкен Хёк [illegible] собственноручно порола провинившегося плеткой [illegible] ростника. Один раз так был наказан Стуре-Петер, [illegible] он наворовал яблок в саду священника, и Эле[illegible] выпороли в то утро, когда он, рассердившись на [illegible] Ольгу, обозвал ее «кухонной крысой», а фрёкен Хёк услышала это. Но выплеснуть целый таз воды на саму фрёкен Хёк — это, конечно, куда хуже, чем наворовать яблок и обозвать кого-то «кухонной крысой». Конечно, Ястреб выпорет его плеткой в своей комнате.

— Но если она ударит меня, я умру, — думал Расмус. — Просто возьму и умру, вот и все.

Если ты всего лишь приютский мальчуган с прямыми волосами, которого никто не хочет взять, то не все ли равно, жить или умереть.

Когда он вместе с другими ребятами вышел во двор, настроение у него было все еще подавленное. Фрёкен Хёк была уже там в нарядном черном платье и накрахмаленном белом переднике. Она хлопнула в ладоши и сказала:

— Вы, может быть, уже слышали, что у нас сегодня будут гости. Приедет один господин со своей женой. Они

хотят посмотреть на вас и немного с вами поговорить. А вы должны играть и держать себя, как всегда. Разумеется, было бы хорошо, если бы вы вели себя чуть-чуть получше, чем обычно. Ну, а теперь играйте.

Расмусу совсем не хотелось играть. Он подумал, что у него вообще больше никогда не будет желания играть. Он пошел и забрался на свое обычное место на липе. Там он мог спокойно посидеть и подумать; кроме того, оттуда можно вести наблюдение за аллеей и увидеть, когда приедет торговец с женой. И хотя [illegible] надежды, что эти люди выберут его, не остав[illegible] все же интересно было посмотреть на них.

Он сидел под зеленым [illegible] Раковинка и пять ёре лежали у него [illegible] Он вытащил их, чтобы полюбоваться. До[illegible] держать их в руке.

«Мои миленькие, — с [illegible] подумал он. — Мои миленькие, мои хороши[illegible]

Несмотря на все несчасть[illegible] [illegible]нное богатство хоть чуточку, но все же [illegible]

В дальнем конце аллеи послышался слабый стук лошадиных копыт. Цокот приближался, и вот на повороте аллеи показалась коляска. Две лошади [illegible] масти бежали рысью, поднимая клубы пыли на дороге. Когда же экипаж поравнялся с калиткой, кучер осадил их звучным «тпру!».

В коляске сидели господин и дама, о, до чего же красивая дама! Маленькая голубая шляпка с белыми перьями, которые покачивались на ее высоко зачесанных светлых волосах, украшали ее голову. В руке она держала белый кружевной зонтик от солнца, откинув его назад, и Расмус мог видеть ее красивое лицо. А какое было на ней нарядное светлое платье с широкой длинной юбкой. Выходя из коляски, она приподняла юбку, придерживая ее маленькой белой ручкой. Расмус подумал, что она выглядит совсем как фея из сказки. Низенький толстый мужчина, который помог ей выйти из коляски, был совсем не такой красивый. В нем не оказалось ни капельки сказочного, но зато у него была лавка, полная конфет и пастилы, а это немало значило.

Мелкими шажками дама с зонтиком прошла через калитку, которую ее муж раскрыл перед ней. Расмус, рискуя свалиться, наклонился вперед, чтобы не упустить

ни одного жеста этого сказочного существа. Вот бы иметь такую маму! Какое это счастье!

— Мама, — словно репетируя, тихонько произнес про себя Расмус. — Мама!

О, если бы все-таки это был день чудес! Тогда эта красивая госпожа поняла бы, что из всех детей в Вэстерхагс лучше всего взять его и только его. Тогда бы она сказала, едва увидев его: «Нет, вы только посмотрите! Вот как раз такой мальчик с прямыми волосами, которого нам так хочется взять себе». И тогда торговец кивнул бы и сказал: «Да, он будет мне помогать в лавке. Ну, скажем, продавать карамель».

А когда бы пришла фрёкен Хёк, чтобы увести его в свою комнату и там выпороть, торговец сказал бы: «Будьте так добры, не троньте нашего ребенка».

А потом бы они сразу же посадили его в коляску, и он держал бы красивую госпожу за руку, а у калитки стояла бы фрёкен Хёк с плеткой в руке, широко открыв рот от изумления. А коляска [illegible] бы по аллее, и стук лошадиных копыт удалялся [illegible] дальше и дальше от фрёкен Хёк. Наконец, ко[illegible] исчезла бы из виду, она немножко поплакала [illegible] Вот и уехал Расмус».

Он вздохнул. Ах, если [illegible] было все-таки поменьше кудрявых девч[illegible] Сина и Эльна — три красотки в одном [illegible] доме. И Элин тоже, но она какая-то стр[illegible] и наверняка не захотят взять.

Он заторопился и быстро [illegible] дерева. Торговец и его жена были уже во дворе и могли в любой момент приметить какую-нибудь кудрявую девчонку. По крайней мере, он должен появиться вовремя, пускай они потом сами себя винят, если не захотят взять его.

Решительно направился он во двор, где фрёкен Хёк только что поздоровалась с посетителями.

— В саду накрыт кофе. Мы посидим там и спокойно побеседуем, — сказала она, приветливо улыбаясь. — И тем временем вы, господа, сможете посмотреть на детей.

Красивая госпожа улыбнулась в ответ несколько смущенной улыбкой, нерешительно оглядывая детей.

— Да, мы посмотрим, кто. . .

Ее муж ободряюще похлопал ее по плечу.

— Да, да, — сказал он. — Да, да, сейчас мы попьем кофе. Все будет отлично.

Рядом на площадке дети играли в лапту. Им велели играть, и они послушно выполняли приказание. Но это было печальное зрелище, которое никому не могло доставить удовольствия. Нельзя же, в самом деле, играть, когда, может быть, все твое будущее зависит от того, как ты себя ведешь и как выглядишь именно в это утро. Дети то и дело украдкой бросали взгляды туда, где за столом около кустов сирени сидели трое и пили кофе. На площадке стояло тягостное молчание. Ни ссор, ни смеха — слышался только звон мяча, ударявшегося о битку, и этот звук казался удивительно раздражающим в это тихое летнее утро.

Робко, словно ягненок, отбившийся от стада, Расмус бежал за кустами сирени. Он и не подозревал, что фрёкен Хёк и ее гости сидят в саду за столом. Когда же он обнаружил это, было уже поздно возвращаться и идти другим путем. Ему пришлось пройти мимо них; ноги у него при этом словно одеревенели, и он чувствовал себя в высшей степени неловко. [illegible] он посмотрел на фрёкен Хёк. Он был так близко от нее, гораздо ближе, чем ему бы хотелось. Он спотыкался на каждом шагу, норовя поскорее отойти и присоединиться к остальным ребятам на площадке для игр. Мельком он бросил взгляд и на красивую госпожу, и как раз в это мгновение она посмотрела на него. Чувствуя, что не может двинуться с места, он стоял в смущении, не отрывая от нее глаз.

— Расмус! — резко сказала фрёкен Хёк, но больше она ничего не добавила. Раз уж на то пошло, то эти господа за тем и приехали, чтобы посмотреть на детей.

— Тебя зовут Расмус, да? — спросила красивая госпожа.

Отвечать Расмус был не в состоянии, он только кивнул.

— Когда здороваешься, надо поклониться, — произнесла фрёкен Хёк.

— Хочешь пряника? — осведомилась красивая госпожа и взяла пряник из хлебной корзинки.

Расмус покраснел и поспешно поклонился. Он бросил быстрый взгляд на фрёкен Хёк — разрешит она взять пряник или нет? Фрёкен Хёк кивнула, и Расмус взял пряник.

не зная, ...
ник и н...
остался.
— Те...
тогда Ра...
прочь. О...
грызть пр...
он вел се...
и даже н...
перь она, ...
болван.

— Когда берешь пряник, надо поклониться, — сказала фрёкен Хёк.

Расмус покраснел еще больше и снова поклонился. Он стоял в нерешительности, не зная, что ему делать. Он не осмеливался есть пряник и не знал, чего от него хотят — чтобы он ушел или остался.

— Теперь беги поиграй, — сказала фрёкен Хёк, и тогда Расмус, круто повернувшись, в смятении побежал прочь. Он сел на траву около детской площадки и начал грызть пряник, испытывая огромную досаду. Только что он вел себя как последний болван, был таким неловким и даже не догадался поклониться и поблагодарить. Теперь она, жена торговца, обязательно подумает, что он болван.

Летнее солнце поднималось все выше над горизонтом. Стоял ясный погожий день, и не надо было окучивать картошку. Но для детей из приюта Вэстерхага это все же был трудный день, полный мучительного ожидания. Игра в мяч быстро прекратилась. Дети были не в силах даже притворяться, что им весело. Они не знали, как использовать эту странную свободу, которая продлится ровно столько времени, сколько нужно этим людям, чтобы сделать свой выбор. Никогда еще утро не казалось детям таким длинным. Подавленные и хмурые, они стояли во дворе небольшими группами и украдкой следили глазами за дамой с зонтиком. Ее муж по-прежнему сидел за столом и читал газету. Было ясно, что выбор будет делать она. И жена торговца переходила от одной группы к другой. Она по очереди разговаривала с ними, немного нерешительно, немного смущенно, не зная, что же сказать всем этим несчастным детям, которые так странно глядели на нее.

Вот этот малыш Расмус, его взгляд настойчивее других следовал за ней. Словно мольба была в его глазах, в этих темных глазах, которые казались слишком большими на его веснушчатом узком личике.

Но были и другие глаза, которые молили и просили. Вот, например, эта девочка, маленькая резвушка с румяными щечками и облаком светлых вьющихся волос. Ее невозможно было не заметить, она так усердно следовала за вами, куда бы вы ни пошли. Эта отважная малышка единственная из всех детей осмеливалась отвечать улыбкой на улыбку.

Жена торговца ободряюще потрепала ее по щеке.

— Как тебя зовут, моя дорогая?

— Грета, — ответила светловолосая девочка и мило присела. — Какой у тети красивый зонтик, — сказала она.

Тетя взмахнула белым кружевным зонтиком и сама подумала, что он изящный. И вдруг она уронила его на траву. Прежде чем она успела наклониться за ним, Грета была уже там. Но не только Грета. Расмус тоже стоял недалеко от красивой госпожи, подойти к ней совсем близко у него не хватало смелости. И он тоже бросился к зонтику. О, наконец-то, он покажет, что он тоже умеет быть вежливым

— Пусти, — сказала Грета, дергая зонтик.

— Нет, я... — сказал Расмус.

— Пусти, — повторила Грета и дернула еще раз.

Внезапно Расмус остановился, в ужасе уставившись на оторванную ручку зонтика, которую держал в руке. Половина зонтика осталось у Греты. Она также напугалась. Когда она, наконец, поняла, что произошло, она расплакалась.

В этот момент подбежала фрёкен Хёк.

— Ну что за несносный ребенок этот Расмус! Мне кажется, ты сегодня не в своем уме. Когда ты научишься вести себя прилично.

Жгучие слезы стыда и обиды выступили на глазах у Расмуса. Краска залила ему лицо. Жена торговца явно расстроилась, что она причинила детям столько огорчений.

— Ничего страшного, — сказала она примирительно. — Ручку можно снова привинтить. Мой муж сейчас все исправит.

Она забрала свой растерзанный зонтик и поспешила к мужу, который все еще сидел за столом. Грета быстро осушила свои слезы и последовала за ней, словно любопытная собачонка. Она остановилась в двух шагах и с интересом смотрела, как [illegible] привинчивал ручку, приводя в порядок зонтик.

— Как хорошо, что его [illegible] чинить, — весело сказала она и улыбнулась. [illegible] волнистые волосы светились на солнце.

А Расмус исчез. Он [illegible], спрятав свой позор и недостойные мужчины слезы в уборной. Это было место отдыха для оскорбленных душ, место, где скорее всего забываются все несчастья. Если порыться в стопке нарезанной газетной бумаги, всегда можно было прочесть что-нибудь интересное. Может, и сейчас ему посчастливится найти такое, что он сразу позабудет всяких там красивых жен торговцев с кружевными зонтиками и все несправедливости в этом мире.

Расмус глубоко погрузился в чтение. Право же, ему повезло — попалось кое-что весьма занимательное. Широко раскрыв глаза, он по слогам читал то, что было напечатано на клочке газетной бумаги.

ОГРАБЛЕНИЕ ЗАВОДА В САНДЕ

Вчера был совершен дерзкий налет на завод в Сандё. Двое мужчин в масках ворвались в контору завода. Угрожая писто-

летами, они захватили все деньги, находившиеся в кассе — недельную зарплату рабочих. Затем преступники скрылись, не оставив никаких следов.

Расмус представил себе грабителей в масках, и у него по спине забегали мурашки. В этот момент он и не думал вспоминать жену торговца.

Но когда несколько часов спустя торговец и его жена покидали Вэстерхагу, он стоял у калитки и долго смотрел вслед коляске. Там на заднем сиденье сидела Грета, ее светлая головка покачивалась рядом с голубой шляпкой с перьями. Вот и уехала Грета. Она сидела в коляске и, наверное, держала за руку красивую госпожу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Ну что ты теперь скажешь? — спросил Гуннар, когда коляска скрылась из виду. — Они всегда берут девчонок с кудрявыми волосами, я же говорил.

Расмус кивнул. Так оно и есть. Мальчикам не на что рассчитывать, пока рядом кудрявые девчонки.

И все-таки неужели где-нибудь на свете не найдется человек, который захочет взять в сыновья мальчика с прямыми волосами. В[illegible]... где-нибудь... далеко вон за тем поворотом до[illegible]

— Послушай, я знаю, что надо делать, — с воодушевлением сказал Расмус [illegible] самому поискать родителей.

— Что ты? Каких [illegible]

Гуннар был в пол[illegible]

— Каких-нибудь, к[illegible] тебя взять. Им не из кого будет выбирать [illegible] взять и того, у кого волосы не вьются.

— Да ты просто гений, — [illegible] Гуннар. — Знаешь, мне кажется, что тебе надо пойти к Ястребу и сказать: «Очень извиняюсь, но я сегодня не могу окучивать картошку. Я должен пойти и поискать, не захочет ли кто-нибудь взять меня».

— Дурачок, надо удрать, не спрашиваясь у Ястреба, понимаешь? Убежать и все.

— Ну и беги, — сказал Гуннар. — Когда проголодаешься, ты вернешься домой, как пить дать. Если тебя раньше никогда не пороли, то уж тут выпорют обязательно.

«Выпорют», — сказал Гуннар. Расмуса всего передернуло. Как мог он забыть об этом! Ведь Ястреб выпорет его плеткой; по крайней мере, он был почти уверен, что порки ему не миновать. При мысли об этом у него на лбу выступил холодный пот.

— Идем поиграем с ребятами в лапту, — предложил Гуннар. — Ты ведь не собираешься сейчас бежать?

Гуннар положил руку ему на плечо. Он был такой добрый, Гуннар, и его рука словно защищала Расмуса от всех невзгод. Расмус почувствовал себя спокойнее и пошел за ним на площадку для игр.

Остальные ребята стояли там, столпившись вокруг Стуре-Петера, который, жеманно улыбаясь, семенил ногами, изображая жену торговца.

— Как тебя зовут, мой дорогой? — говорил он, гладя по голове Элофа. — Тебе нравится здесь в Вэстерхаге, не правда ли? Ты когда-нибудь видел этот, как его, мотор? Ты когда-нибудь делал в штанишки?

Чтобы жена торговца задавала последний вопрос, никто не слышал, но все с удовольствием смеялись. Она доставила столько тайной тревоги и разбудила столько тайных желаний, а сама никогда больше не придет сюда, такая красивая в голубой шляпке и с кружевным зонтиком. Так хоть посмеяться над ней!

— Глядите-ка, вот и мальчик с газом, — закричал Стуре-Петер, завидев Расмуса и Гуннара.

— Какие водные фокусы ты думаешь проделать с Ястребом завтра?

Расмусу совсем не хотелось говорить о водных фокусах, но если Стуре-Петер снисходит до разговора с кем-нибудь, то надо было отвечать в тон.

— Я могу взять хотя бы садовый шланг и окатить ее водой, — небрежно сказал он.

Все одобрительно засмеялись, а Расмус, поощренный успехом, продолжал:

— Или, например, я могу взять большую пожарную кишку и задать ей трёпку.

Как ни странно, но это никого не рассмешило. Внезапно все затихли и уставились на что-то позади Расмуса. Почувствовав, как заныло в животе, Расмус стремительно обернулся посмотреть, в чем дело.

Ястреб — вот, оказывается, в чем дело. В черном пальто с буфами на рукавах и нарядной шляпке. Тетка Ольга говорила, что Ястреба пригласили к священнику на чашку кофе. Боже милосердный, почему ей надо было нагрянуть именно сейчас и именно сюда?

— Вот как, это ты-то задашь мне трепку? — сказала она так, словно ее это забавляло. — Зайди завтр

ко мне в комнату в восемь часов утра, и тогда мы увидим, кто получит трепку.

— Да, хёкен Фрёк...— пробормотал Расмус, не помня себя от страха.

Фрёкен Хёк сокрушенно покачала головой.

— «Хёкен Фрёк» — не могу понять, Расмус, что с тобой сегодня стряслось.

И она ушла, а Расмус остался стоять удрученный, сознавая, что погиб. На этот раз ничто не спасет его, это ясно. Его выпорют плеткой, и он заслужил такое наказание, он сам так считал. Нельзя безнаказанно натворить столько глупостей в один день.

— Фи, она бьет не очень-то больно,— сказал, утешая, Стуре-Петер.— Не так уж и страшно. Нечего тебе из-за этого киснуть.

Но Расмуса ни разу в жизни не пороли плеткой, и он чувствовал, что не вынесет этого. О, почему он не сидит сейчас рядом с женой торговца в коляске, которая катится все дальше и дальше от Вэстерхаги!

Раз уж на то пошло, ему оставалось только одно — он должен бежать. Он не [illegible] в кровати целую ночь, зная, что, как только [illegible] утро, он должен пойти к фрёкен Хёк и [illegible]. Но один он, пожалуй, не мог отправиться в [illegible] Гуннар должен пойти вместе с ним. Он должен [illegible] поговорит с ним, будет просить и умолять его, [illegible] он бежал. Нельзя терять время. Через несколько [illegible] они должны отправиться.

Длинный день кончался. Наступило время ложиться спать, но всем хотелось как можно дольше оставаться на улице. Сегодня вечером дежурила тетка Ольга, потому что фрёкен не было дома. Тетку же Ольгу никто не боялся. Когда она позвала девочек, то те, как всегда, послушно пошли в дом, но мальчиков ей пришлось загонять, словно стадо упрямых бычков. Ни у кого не было желания идти ложиться спать в светлый чудесный летний вечер.

Расмус держался все время рядом с Гуннаром, и, когда они раздевались, он прошептал ему:

— Гуннар, я все-таки убегу сегодня ночью. Давай убежим вместе!

Но Гуннар с досадой оттолкнул его.

— Не болтай чепухи! Зачем тебе бежать?

Даже Гуннару Расмус не хотел признаться в том, что он бежит из-за предстоящей порки.

— Надоел мне детский дом, — заявил он. — Я решил поискать какое-нибудь другое место, где можно жить.

— Ну что же, удирай, — сказал беззаботно Гуннар. — Но когда ты вернешься назад, мне будет тебя жаль.

— Я никогда не вернусь.

Это прозвучало жутко и грозно. Расмуса самого бросило в дрожь, когда он произнес эти слова. Он не помнил другого дома и другой матери, кроме фрёкен Хёк. В самом деле, было жутко представить себе, что он должен исчезнуть навсегда. Как странно будет никогда больше не видеть Ястреба, в самом деле будет очень странно. Не потому, чтобы он любил ее, но все-таки... Несколько лет тому назад, однажды вечером, когда у Расмуса было воспаление уха, она взяла его к себе на колени. Он приложил свое больное ухо к ее руке, и она пела ему песню: «Самая надежная защита...» Он тогда очень любил ее и потом еще долго, долго после этой болезни любил ее, ходил и горячо желал, чтобы у него снова было воспаление уха. Но ухо у него больше не заболело, и фрёкен Хёк больше никогда не печалилась о нем и почти никогда не гладила его по голове, когда совершала вечерний обход. А теперь она хотела выпороть его. Ну так он убежит, и поделом ей. Все же ему стало ужасно не по себе, когда он произнес эти слова: «Я больше никогда не вернусь назад».

А тут еще Гуннар. Если Гуннар не пойдет с ним, то и его он тоже никогда больше не увидит. Это будет похуже всего остального. Ведь Гуннар его лучший друг! Подумать только, что они никогда больше не встретятся!

В спальне их кровати стояли рядом, в школе они сидели за одной партой, а однажды за курятником они побратались: каждый до крови порезал себе руку и потом они смешали свою кровь. И вот теперь Гуннар не хотел бежать вместе с ним. Расмус почти разозлился на него за это.

— Ты и в самом деле хочешь остаться в Вэстерхаге насовсем?

— Мы поговорим об этом, когда ты вернешься, — ответил Гуннар.

— Я никогда не вернусь, — заверил Расмус и снова содрогнулся, произнося эти слова.

В спальне в этот вечер был настоящий шторм. Фрёкен Хёк сидела в гостях, а прижать хвост тетке Ольге ничего не стоило, как говорил Стуре-Петер. В ее дежурство они могли драться и дурачиться, шуметь и не ложиться спать до тех пор, пока не приходила тетка Ольга с багровым от ярости лицом и не заявляла, что доложит фрёкен Хёк. Тогда приходилось забираться в кровати. Но и в постели можно было болтать и не спать.

— Я принц крови, — начинал Альбин из своего угла, он всегда начинал так. «Принц крови Альбин» называли они его. Он утверждал, что его отец родом из королевской семьи, а сам он попал в Вэстерхагу по чистой случайности.

— Это случилось, когда я был маленьким красивым ребенком, — говорил Альбин. — Но, когда я вырасту большой, я разыщу своего отца, и тогда вы увидите, черт возьми! Кто был добр ко мне, получит от меня подарки, много всяких подарков.

— Спасибо, Ваше Величество, — говорил Стуре-Петер. — Расскажи, что мы получим.

Эта игра повторялась часто. Никто, кроме самого Альбина, не верил, что он принц крови, и никто, кроме того же Альбина, не верил, что он когда-нибудь сможет подарить хотя бы пять ёре. Но все они тосковали по удивительному, непохожему на их будничную тусклую жизнь без сказок, без игрушек, без детских радостей. Поэтому они охотно слушали Альбина, который, лежа по вечерам в своей кровати, налево и направо раздаривал коньки и веселые игры, велосипеды и книги.

Обычно Расмус тоже любил эту игру. Но сегодня вечером у него было только одно желание, чтобы все заснули как можно скорее. Все его тело покалывало, словно все злоключения этого дня заползли ему под кожу и подстрекали его пуститься в дорогу. За открытым окном стояла летняя ночь, светлая и тихая. Там за окном царила тишина, там не было плеток, которых надо бояться. И, может быть, где-нибудь далеко отсюда найдется место, где мальчику с прямыми волосами будет лучше, чем в Вэстерхаге.

Он ненадолго задремал, но проснулся от внутренней тревоги и почувствовал, что время пришло. Как обычно, слышался только храп Элофа и тихое сопение остальных

мальчиков. Расмус осторожно сел в своей постели и начал пристально всматриваться в ряды кроватей, желая убедиться, что все заснули. Да, все спали. Что-то бормотал во сне принц Альбин; Эмиль, как всегда, метался во сне, но спать-то все спали. И Гуннар тоже. Он спал спокойно и безмятежно, положив на подушку свою лохматую голову. Нисколько не заботясь о том, что в эту ночь его лучший друг навсегда покинет приют Вэстерхагу. Расмус вздохнул. И будет же Гуннар жалеть, когда, проснувшись утром, увидит, что Расмус в самом деле убежал. Гуннар не сказал бы так спокойно «ну и беги», если бы в глубине души верил, что Расмус действительно решится бежать. Он не понимал, что иногда приходится бежать, спасаясь от плетки. Расмус опять вздохнул. Остальные мальчики, видно, считают наказание плеткой сущим пустяком. Но он скорее согласился бы умереть, чем дать себя выпороть.

Стараясь не шуметь, он выскользнул из кровати и тихонько натянул на себя одежду. Сердце так странно колотилось, и ноги тоже были какие-то странные и непослушные, они, наверно, не хотели бежать, раз так дрожали.

Он сунул руку в карман штанов. Там лежала раковинка и монетка. Конечно, пять ёре — не очень-то большие деньги, когда начинаешь самостоятельную жизнь, но от голодной смерти они могут спасти. Пару булочек и стакан молока он всегда сможет получить за свои пять ёре. Раковинку, такую красивую на вид и приятную на ощупь, он оставит. Гуннар получит ее от своего навеки потерянного друга детства. Когда он проснется утром, Расмуса не будет, зато на краю его кровати будет лежать красивая-прекрасивая раковинка.

Расмус судорожно глотнул и положил раковинку на край кровати. Он постоял немного, стараясь не расплакаться, прислушиваясь к спокойному дыханию Гуннара. Потом протянул руку к голове на подушке и грязным шершавым пальцем осторожно погладил жесткие волосы Гуннара. Это, собственно, была не ласка, просто он хотел притронуться к своему лучшему другу, потому что он, наверное, прощался с ним навсегда.

— Прощай, Гуннар, — тихо пробормотал он.

На цыпочках он добрался до двери. Остановился на мгновение с бьющимся сердцем. Открыл дверь потной от

волнения рукой и остановился, прислушиваясь. О, как скрипела эта проклятая дверь!

Лестница, ведущая в кухню, тоже скрипела. А вдруг сейчас он встретит Ястреба, что он тогда скажет? Что у него заболел живот и ему надо выйти — нет, так просто Ястреба не проведешь.

Надо попытаться раздобыть на дорогу что-нибудь съестное. Он потрогал дверь кладовки. Она была заперта. Жестяные коробки для хлеба в кухне были тоже досадно пусты. Он нашел всего лишь один жалкий сухарик и сунул его в карман.

Теперь можно было отправиться. Ему оставалось только взобраться на стол перед окном, потом всего один прыжок — и он свободен.

Но как раз в это мгновение он услышал шаги по песку перед домом. Шаги, которые нельзя было не узнать. Это фрёкен Хёк возвращалась из гостей домой.

Расмус почувствовал, как ноги стали ватными. Теперь он погиб. Если Ястреб пойдет через кухню, он погиб безвозвратно. Ну как тут объяснить, что ты делаешь в кухне в одиннадцать часов вечера.

Он прислушивался, холодея [illegible]. Может быть, еще не все потеряно и она [illegible] веранду...

Но не тут-то было! Вот он [illegible] на крыльце, вот она взялась за ручку [illegible] ные ноги Расмуса внезапно ожили — он [illegible]. Он тянул и дергал скатерть на себя, [illegible] прикрыться. Через секунду фрёкен Хёк во[illegible] Расмусу показалось, что настал его последний [illegible] Невозможно после такого испуга остаться в живых — сердце наверняка сейчас разорвется, так сильно оно колотится.

Каждый уголок в большой старомодной кухне был ясно виден в сумеречном свете летней ночи. Стоило только фрёкен Хёк чуть-чуть опустить глаза, и она увидела бы Расмуса, который сидел под столом, словно перепуганный кролик.

Но, видно, мысли фрёкен Хёк были заняты другим. Остановившись посреди кухни, она что-то бормотала себе под нос.

— Заботы... заботы,— повторяла она.— Ничего, кроме забот!

Хотя Расмус был очень испуган, он не мог не удивиться. Что имела в виду Ястреб, бормоча эти слова? Ка-

кие у нее могли быть заботы? Подумать только, ведь этого он никогда не узнаст! Вот она стоит и вытаскивает булавку из шляпы, не подозревая, что Расмус видит ее в последний раз. По крайней мере, он на это надеется. Тяжело вздохнув, фрёкен Хёк вышла из кухни. Легкий стук захлопнувшейся за ней двери показался Расмусу самым божественным звуком, который ему доводилось слышать в своей жизни.

Он сидел неподвижно под столом и напряженно прислушивался. Несколько томительных секунд ожидания, потом быстро залез на подоконник и прыгнул... Тяжело шлепнувшись, он приземлился на траве. Она была мокрая от росы и холодила его босые ноги. Ночной воздух был тоже прохладным, но зато дышалось легко. Это был воздух свободы. Да, он был свободен, слава богу, теперь он свободен!

Но он ликовал преждевременно. Новый звук снова напугал его до полусмерти. Неожиданно отворилось окно в комнате фрёкен Хёк в верхнем этаже. Он услышал стук оконного крючка и увидел в окне фрёкен Хёк, высокую и черную. Она стояла и смотрела в его сторону. В отчаянии он прижался к стволу яблони так крепко, словно хотел слиться с ним. Затаив дыхание, он ждал.

— Кто там? — тихонько окликнула она.

Расмус вздрогнул при звуке этого хорошо знакомого голоса. Он понимал, что лучше всего ответить, пока она не обнаружила его. Молчание только ухудшит дело. Но его дрожащие губы не могли произнести ни слова, он только стоял, в страхе уставившись на темную фигуру в открытом окне. Ему казалось, что она смотрит прямо на него, и он ждал, что вот-вот она назовет его по имени.

Как ни странно, она этого не сделала. Неожиданно закрыв окно, она исчезла в глубине комнаты. Расмус облегченно вздохнул. Теперь он неясно различал ее фигуру за окном. Вот она зажгла свечу, и в мерцающем свете он увидел ее тень на стене, оклеенной обоями в голубой цветочек.

Ему не терпелось поскорее уйти, но он не мог оторваться от яблони, пока там наверху по стенам танцевала тень. Было страшновато, но ужасно интересно стоять под окном и смотреть на фрёкен Хёк, когда та ничего не подозревала.

«До свидания, Хёк, до свидания, Ястреб, — подумал

он. — Ты могла бы немного почаще гладить меня вечерами по щеке. Тогда я, наверное, остался бы здесь. А теперь до свидания; видишь, как получилось».

Может быть, Ястреб подслушала его мысли, потому что она опустила штору. Словно сказала ему «до свидания». Словно закрыла перед ним приют Вэстерхагу и оставила его одного в ночи.

Он постоял еще в тени яблони, глядя на старый дом, где он прожил столько лет. Старый белый дом сейчас ночью казался очень красивым — темные окна, а кругом ветвистые деревья. Хотя тетка Ольга все время говорит, что приютский дом — это старое воронье гнездо, которое даже грешно содержать в чистоте. Найдутся дома и получше, где можно будет жить. Не стоит огорчаться из-за того, что приходится уходить. Он обязательно найдет какое-нибудь хорошее место — ведь жена торговца не одна на свете.

Он побежал... Побежал по [illegible] траве, проскочил между яблонями, метнулся к [illegible] уже петляла проезжая дорога. Словно серая [illegible] она в легнюю ночь. И он пустился по ней [illegible].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вспомнилось ему одно стихотворение, которое учительница читала им в школе:

«Мне не страшно идти по тропинке
В этом старом дремучем лесу...»

В стихотворении говорилось о мальчике угольщике, который вечером тоже шел один по лесной тропинке.

Чем же он хуже маленького угольщика? Но одному так жутко, он совсем не привык ходить в одиночку. В приюте его всегда окружал народ, и если там хотелось побыть одному, то приходилось искать убежища в уборной или карабкаться на липу.

В Вэстерхаге можно было только мечтать об одиночестве. А сейчас Расмус остался наедине с летней ночью, и это было так ново и удивительно. Прохладная безветренная ночь с бледными звездами и кругом глубокая тишина и полное безмолвие — все было незнакомо и пугало его. Он боялся и тишины, и необычных предрассветных сумерек, при которых все становилось таким причудливым. Лес, казалось, плыл в неподвижном призрачном свете. Раньше он не знал, что летние ночи могут быть такими.

Испуганный и замерзший, он бежал по дороге, бежал со всех ног, стуча по земле голыми пятками. Он торопился. Проселочная дорога опасна. Здесь можно встретить людей, которые догадаются, что он беглец. Но была и другая дорога, через выгон, она тоже вела в большой мир. Это была узкая петляющая дорога; по ней зимой проезжали лишь сани с дровами, а летом, когда коровы паслись на лугах, — одни возки с молоком. Там ему нечего бояться случайной встречи с прохожим, который заподозрил бы что-то неладное, увидев его ночью одного в лесу. Все же он немного помедлил у поворота. По обеим сторонам старой заброшенной дороги, окутанный

дымкой, словно заколдованный, стоял орешник и печально шумели осины, хотя ветра почти не было. Как умудряются они, эти осины, издавать такой шум, и почему он звучит так печально?

«Мне не страшно идти по тропинке
В этом старом дремучем лесу...»

Не страшно? Ах, если бы Гуннар был сейчас с ним! Если бы кто-нибудь держал его сейчас за руку. Тени такие черные. Весь мир молчит, словно умер. Спят все звери и птицы, и все люди тоже, только один он идет, и ему так страшно. «Очень страшно идти по тропинке, что ведет в сумрак чащи лесной», — вспомнил он еще одну строчку из стихотворения. И в самом деле, лес такой густой и темный, — вот как надо говорить ему, ведь он совсем не такой молодец, как маленький угольщик.

Кроме того, он ужасно проголодался. Он сунул руку в карман и вытащил сухарь. Съел его, но в животе было все так же пусто, и он с тревогой подумал о том, есть ли на свете добрые люди, которые кормят одиноких приютских мальчиков, даже если никто не хочет усыновлять их из-за прямых волос.

Как хочется поесть и [illegible]. Нужно попытаться найти место, где можно [illegible] не сейчас. Ему еще рано отдыхать. Он [illegible] дальше от Вэстерхаги, прежде чем начнет [illegible]. Прежде чем обнаружат, что его нет в постели. [illegible] суматоха же поднимется, когда они узнают [illegible]! Ястреб, может быть, даже пошлет за ним полицию.

Одна эта мысль заставила его прибавить ходу. Засунув руки в карманы и ссутулив плечи, он трусил по дороге. Смотрел только вперед, остерегаясь бросать взгляды по сторонам, в темноту, где обитали тени. Шел и чувствовал всю горечь одиночества. Все шел и шел.

Короткая летняя ночь кажется долгой, когда шагаешь по дорогам. Шагаешь целую вечность, пока ноги от усталости отказываются передвигаться. Пока веки не начинают слипаться и до того хочется спать, что идешь и клюешь носом. Начинает светать, солнце бросает в просветы между деревьями первые снопы своих лучей. Но этого не замечаешь. Блестит паутина на траве, капли росы сверкают на листьях кувшинки, легкие утренние туманы исчезают неизвестно куда, а на верхушке бли-

жайшей березы сидит ранний дрозд и шлет ввысь первые утренние ликующие трели. Но и этого не замечаешь, потому что одолевают усталость и сон. Всесильный сон!

Но вот, наконец, подходишь к серому маленькому сараю, как раз такому, в каких любят спать бродяги. Стоит он прямо посреди лужайки и выглядит таким гостеприимным. В это время года такие луговые сараи бывают полны сена.

С трудом отворяет Расмус тяжелую дверь. Внутри — сумрак, тишина и запах свежего душистого сена. Из его груди вырывается глубокий вздох, похожий на всхлипывание, он бросается на сено, он уже спит.

Он проснулся от холода и еще от того, что соломинка щекотала ему нос. Одним рывком вскочил на ноги, не понимая, как он здесь очутился. У него на глаза навернулись слезы, когда он подумал, до чего он одинок. Он был так несчастен: быть беглецом гораздо хуже, чем он думал. Ему уже хотелось назад в Вестерхагу, к Гуннару, к теплой постели и утренней каше. Он горевал о приюте, как о потерянном рае. Конечно, там иногда могли выпороть, но ведь гораздо страшнее быть совсем одному на свете и вот та́к мерзнуть и голодать.

Через щель в стене в сарай тонкой струйкой лился поток солнечного света. Погода и сегодня стояла хорошая, почему же здесь такой собачий холод? На нем была верхняя куртка и, как обычно, старые штаны из серого домотканого сукна, залатанные на коленях теткой Ольгой. Но он все-таки мерз так, что зуб на зуб не попадал. Больше всего ему хотелось бы лечь и снова уснуть, но какой тут сон, когда так холодно. Он сидел на сене и дрожал, мрачным взглядом следя за пылинками, кружившимися в полоске солнечного света.

Вдруг он что-то услышал. Что-то настолько ужасное, что все его тело с головы до ног пронизал страх. Совсем рядом с ним кто-то зевнул. В сарае он был не один. Кто-то еще спал здесь этой ночью. В страхе он повел глазами, чтобы обнаружить, кто же это. И, наконец, увидел клок курчавых каштановых волос, торчавших из-за большой охапки сена совсем рядом с ним. Кто-то шумно вздохнул за охапкой сена, и он услышал, как чей-то голос сказал:

День и ночь,
Сутки прочь,
Утром встать
Мне невмочь.

А вот и вся голова вынырнула из-за охапки сена, показалось лицо, круглое, небритое, с темной щетиной на подбородке. Два мигающих глаза в недоумении уставились на него, потом круглое лицо расплылось в широкой улыбке. В нем, собственно, не было ничего страшного, в этом незнакомце. Казалось, он с трудом удерживал смех и наконец заговорил:

— Привет! С добрым утром!

— С добрым... утром, — нерешительно ответил Расмус.

— Ты чего испугался? Думаешь, я ем детей?

Расмус не ответил, и он продолжал:

— Ты что за паренек, как тебя зовут?

— Расмус.

Ответ прозвучал едва слышно — он боялся отвечать, но промолчать тоже не решался.

— Расмус... так, значит, [illegible], — сказал бородатый и в раздумье кивнул голо[illegible] Из дому убежал?

— Нет, не из дому, — ска[illegible] и про себя решил, что он не врет. Во всяком случае, приют Вэстерхага не был настоящим домом. И как мог бородач подумать, что кому-нибудь захочется сбежать из настоящего дома!

— Да ты не бойся, — продолжал бородач. — Я не ем детей, я же сказал.

Расмус приободрился.

— А дядя из дому убежал? — осторожно осведомился он.

Бородатый рассмеялся.

— Дядя... разве я похож на дядю, а? Убежал ли я из дому... да, да, так оно и есть, — ответил он и засмеялся еще громче.

— Значит, дядя — бродяга? — спросил Расмус.

— Не называй меня дядей, сделай милость. Меня зовут Оскар.

Он поднялся с сена, и Расмус подумал, что он, должно быть, в самом деле бродяга, потому что одежда у него была порядком потрепана — клетчатый потертый пиджак и брюки пузырями на коленях. Он был высокий, широко-

плечий и выглядел довольно добрым, а когда смеялся, на его бородатом лице сверкали белые зубы.

— Бродяга, говоришь... Ты когда-нибудь слышал о Рай-Оскаре? Это и есть я. Рай-Оскар, или Праведная Кукушка, это я и есть.

Праведная Кукушка! Расмуса взяло сомнение, в своем ли уме этот бродяга.

— Почему Оскар — Праведная Кукушка? — спросил он.

Оскар глубокомысленно покачал головой.

— Кого-нибудь ведь нужно так называть. Должен ведь кто-нибудь бродяжить и быть Праведной Кукушкой. Богу угодно, чтобы на свете были бродяги.

— Угодно? — недоверчиво переспросил Расмус.

— Да, угодно, — подтвердил Оскар. — Раз он так утруждал себя, сидел и корпел над сотворением всей земли, — значит, он хочет, чтобы на ней все имелось, понимаешь? Да и что получилось бы, если бы было все, кроме бродяг?

Оскар с довольным видом покачал головой:

— Праведная Кукушка, да, да!

После этого он запустил руку в вещевой мешок, который лежал рядом с ним на сене, и вытащил большой пакет, завернутый в газету.

— Сейчас неплохо бы позавтракать!

Когда он сказал это, Расмус почувствовал, как у него от голода подвело живот. Он был так голоден, что готов был, как бык, жевать сено.

— У меня еще есть бутылка молока, стоит где-то там за дверью, — продолжал Оскар.

Он проворно подскочил к двери. Когда Оскар открывал ее, она заскрипела, словно нехотя двигаясь на своих петлях. Он распахнул ее настежь, и в сарае широким ковром раскинулся солнечный свет. Освещенный солнцем, Оскар стоял в дверях и потягивался, а потом исчез. Быстро вернувшись назад, он принес плотно закупоренную литровую бутылку молока.

— Как уже сказано, неплохо бы позавтракать, — проговорил он, устраиваясь на сене поудобнее. Он развернул газетную бумагу и извлек бутерброды, большие, толстые сходни[1] из ржаного хлеба. С довольным ворчанием

[1] Сходень — традиционный шведский длинный бутерброд, на котором располагают разные закуски, в данном случае — шпик.

он вонзил зубы в один такой сходень. Расмус увидел, что он был со шпиком, а ничего вкуснее шпика Расмус не знал.

Оскар, очевидно, тоже любил шпик. Он жевал, с любовью поглядывая на бутерброд, и снова жевал. У Расмуса от голода побелел нос. Он старался глядеть в другую сторону, но это было совершенно невозможно. Помимо его воли бутерброд притягивал его взгляд, и он почувствовал, что у него потекли слюнки.

Оскар перестал жевать. Наклонив голову набок, он лукаво взглянул на Расмуса.

— Ты, наверно, не станешь есть простой бутерброд со шпиком, — сказал он. — Такие, как ты, по утрам едят, наверно, одну кашу с изюмом? Обыкновенного, простого бутерброда со шпиком ты, наверно, не захочешь?

Отказаться от самой вкусной еды на свете, когда тебе ее предлагают?

— Да, спасибо, — судорожно глотая слюну, сказал Расмус. — Спасибо, если можно.

Не говоря ни слова, Оскар протянул ему бутерброд. Он был восхитительно толстый и восхитительно длинный, и на нем лежало два больших куска шпика. Расмус запихнул его в рот и откусил... О, блаженство, вкус соленого шпика чудесно смешивался с ароматом ржаного хлеба! Он закрыл глаза и ел.

— Молока, — предложил Оскар, и только тогда Расмус открыл глаза.

Оскар протягивал ему оловянную кружку, наполненную до краев, и Расмус стал пить большими глотками. В животе у него похолодело, и он замерз еще больше, но это ничего не значило. Он все-таки выпил все до последней капли.

— Еще бутерброд, — сказал Оскар и протянул ему новый сходень.

— А можно?.. У вас хватит?

— Да, пожалуйста, — ответил Оскар. — Не все крестьянки жадные, та, что дала мне этот пакет, словно предчувствовала, что я встречу тебя.

Они молча сидели на сене и жевали, пока не осталось ни крошки. Они выпили все молоко, и Расмус почувствовал, что в животе у него стало еще холоднее.

— Большое спасибо, — сказал он, насытившись, но дрожа от холода. — Такого вкусного я еще ни разу не ел.

— Да ты весь посинел, — сказал Оскар. — Выйди да пройдись немного: смотришь — и согреешься.

Оскар поднялся и вскинул на спину вещевой мешок. Он направился к двери. Расмус увидел его высокую фигуру в дверях и подумал, что Оскар собирается исчезнуть. Эта мысль показалась ему невыносимой. Оскар не может, не должен уйти и оставить его опять одного.

— Оскар, — сказал он. От страха у него заплетался язык. — Оскар, я тоже хотел бы стать таким же райским бродягой.

Оскар обернулся и посмотрел на него.

— Нет, такие, как ты, не должны бродяжничать. Такие, как ты, должны [illegible] дома у отца и матери.

— У меня нет ни [illegible] матери, — сказал Расмус.

О, как Оскар не [illegible]нять, до чего он одинок, и пожалеть его! Он [illegible] сена и кинулся к бродяге.

— У меня нет ни [illegible] матери, — повторил он, — но я как раз их ищу.

Он схватил Оскара за руку и умоляюще произнес:

— Можно мне побродить с тобой, только пока я ищу?

— Чего ты ищешь? — спросил Оскар.

— Кого-нибудь, кто захочет взять меня, — ответил Расмус. — Как ты думаешь, может найдется человек, который захочет взять мальчика с прямыми волосами?

С высоты своего роста Оскар озадаченно посмотрел вниз на худое веснушчатое лицо, с надеждой обращенное к нему.

— Н-ну, да, конечно, такие, которые захотят взять мальчика с прямыми волосами, найдутся. Лишь бы парень был правильный.

— Я правильный, — заверил Расмус. — Почти правильный, — добавил он. Может быть, нельзя считать правильным того, кто удрал из детского дома?

Оскар строго взглянул на него.

— Вот что, давай-ка выкладывай начистоту, откуда ты убежал.

Расмус опустил глаза и стал смущенно ковырять землю большим пальцем ноги.

— Из Вэстерхаги... из детского дома. Но я не хочу туда опять, — сказал он, уже забыв, что ему толь-

к[illegible] что так ужасно хотелось назад. Он знал теперь только одно: что он хотел идти с Оскаром, с которым познакомился всего час назад.

— Почему ты убежал? — спросил Оскар. — Натворил что-нибудь?

Расмус стал еще усерднее ковырять землю большим пальцем.

— Да, — сказал он. — Я облил водой фрёкен Хёк.

Оскар захохотал, но тут же опять сделался серьезным.

— А ты не из тех, про которых говорят: «Плохо лежит, — брюхо болит», а? Ты ничего не стянул?

— Да... — виновато ответил Расмус.

— Тогда ты не годишься мне в товарищи, — сказал Оскар. — Если воруешь, когда бродяжничаешь, то тебе крышка. Тогда ленсман[1] забе[illegible] тебя раньше, чем ты успеешь высморкаться. Нет, бр[illegible] ты мне в товарищи не годишься.

Расмус в отчаянии ухват[illegible]

— Милый, милый Оскар[illegible]

— «Милый», ну [illegible] жет, — сказал Оскар. — Что ты стянул?

Расмус опять начал ковыр[illegible] пальцем.

— Сухарь, — тихо сказал [illegible] когда я собирался бежать... надо было взять чего-нибудь поесть.

— Сухарь?

Оскар засмеялся, сверкнув белыми зубами.

— Сухарь не в счет.

У Расмуса отлегло от сердца.

— Значит, все-таки можно стать такой же Праведной Кукушкой, как ты?

— Да, сухарь — это пустяки, — заверил Оскар.

— Мне, значит, можно быть твоим товарищем?

— Гм, — сказал Оскар. — Вот побродишь со мной немного, и мы посмотрим, будет ли нам вместе хорошо.

— Спасибо, дорогой Оскар, — ответил Расмус. — Мне... мне уже хорошо.

И так они пустились в путь. Солнце еще не успело подняться высоко над горизонтом. Все вокруг начинало просыпаться. Они слышали, как вдали кукарекал петух, лаяли собаки, а по дороге мимо них громыхала пустая

[1] Ленсман — чиновник полиции в скандинавских странах.

телега, запряженная двумя тощими клячами. Солнц... батрак, стоя во весь рост, правил лошадьми.

— Может быть, крикнуть и попросить его подвезти нас, — предложил Расмус.

— И не вздумай. Пока тебе надо держаться от людей подальше. Кто знает, может, фрёкен Хёк так влюблена в тебя, что поднимет на ноги ленсмана, чтобы заполучить тебя назад.

— Думаешь, она это сделает? — спросил Расмус, вздрагивая от холода и страха.

— Первые дни она будет спокойно ждать. Она, наверное, думает, что ты вернешься назад, как только проголодаешься.

— Не пойду я назад, — заявил Расмус. Потом он зевнул во весь рот.

— Я почти не спал сегодня ночью, — сказал он в оправдание.

Он по-прежнему хотел спать и чувствовал себя усталым, но он не хотел быть в тягость Оскару, беззаботно шагавшему по дороге.

— Вот как, ты хочешь спать?

Оскар испытующе поглядел на невыспавшегося посиневшего мальчугана, который, чтобы не отстать, скорее бежал, чем шел рядом с ним.

— Пошли разыщем одно местечко, где ты согреешься и поспишь.

— Но нельзя же ложиться спать среди бела дня, — с удивлением возразил Расмус. — Я же только что встал.

— Бродягам можно, — заверил Оскар.

И тогда до Расмуса дошло, что значит быть бродягой. В одно коротенькое мгновение он уяснил себе всю прелесть этой новой жизни. Можно делать все, что захочется. Можно есть, спать и бродить, когда вздумается. Бродяга свободен, свободен, как птица в лесу.

Совершенно опьяненный своим открытием, он бежал рысцой рядом с Оскаром. Он уже чувствовал себя бродягой, смотрел на мир глазами бродяги. Он видел дорогу, которая, мягко извиваясь, уходила вдаль, суля новые тайны за каждым поворотом. Он видел зеленеющие луга, на которых, освещенные солнцем, мирно паслись коровы, видел красные дома хуторян, возле которых заспанные служанки мыли молочные бидоны, а батраки качали для лошадей воду в корыта. В домах плакали

дети, собаки, лая, рвались с цепей, а в хлевах мычали стельные коровы, скучая в одиночестве по свободе полей. Он смотрел и слушал так, как смотрят и слушают бродяги.

Рядом с ним маршировал Оскар, что-то весело напевая про себя. Неожиданно он свернул с дороги и остановился в солнечной прогалинке между высокими кустами можжевельника.

— Здесь ты можешь соснуть, — сказал он. — Здесь тишь и благодать, и ни одна рожа не увидит тебя с дороги.

Расмус открыл было рот, собираясь зевнуть, но одна беспокойная мысль заставила его встрепенуться.

— Оскар, ты верно не уйдешь от меня, пока я сплю?

Оскар качнул головой.

— Спи себе, — только [illegible] он.

Расмус бросился на тр[illegible] лег на живот и уткнул нос в согнутую руку. Со[illegible] приятно пригревало, и он почувствовал себя ра[illegible]ным. Уже засыпая, он заметил, что Оскар накинул на него свой пиджак. Он больше не мерз.

Лежа на ковре из чабреца, он вдыхал его приятный запах. Хорошо пахло также разогретым на солнце можжевельником. Пахло летом. Да, пока Расмус жив, запах чабреца и нагретого солнцем можжевельника будут означать для него лето и скитание по дорогам.

Над его головой прожужжал шмель, и он с трудом открыл один глаз, чтобы посмотреть на него. И тогда он увидел, что Оскар сидит рядом и жует травинку.

Потом он уснул.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Дорогая хозяюшка, не дадите ли вы мне и моему товарищу чего-нибудь поесть?

Оскар стоял в дверях кухни и вежливо кланялся, держа кепку в руке.

— Рай-Оскар опять ушел из дому, опять бродяжит, — неодобрительно сказала хозяйка. — Ведь совсем недавно ты получил от меня целый круг колбасы.

— Получить-то я получил, — ответил Оскар. — Но, как ни странно, этой колбасы давно нет и в помине.

Расмус потихоньку ухмыльнулся, и хозяйка бросила неодобрительный взгляд на него.

— Что это за парнишку ты таскаешь с собой?

— Ах, это бедный некрещеный отрок, о котором я пекусь, — серьезно ответил Оскар. — Мы ищем для него пристанища в какой-нибудь христианской семье. Не нужен ли вам в дом, хозяюшка, маленький расторопный язычник?

— Сам ты язычник!

Хозяйка в сердцах накинулась на кухонный стол с тряпкой, сметая прочь хлебные корки, картофельную шелуху и пролитое молоко. Всем своим видом она выражала, что терпеть не может бродяг. У Расмуса появилось желание повернуться и уйти. Но в крестьянской кухне он был впервые, и ему хотелось не упускать случая и все как следует рассмотреть. Пахло здесь не как на кухне в Вэстерхаге, совсем не так вкусно. Здесь пахло кислятиной от помойных ведер, стоявших у стола для мытья посуды, засаленными тряпками и еще чем-то, каким-то особенным, присущим крестьянскому дому запахом, который раньше был ему незнаком. Это даже хорошо, что на этом хуторе его не хотят брать. Он и сам не захотел бы здесь остаться. К тому же здесь уже есть малыши и без него, целая куча бледных, толстых, будто опухших ребятишек. Они молча стояли и таращили на

него глаза, наверное, потому, что Оскар назвал его язычником.

— Если ты наколешь мне немного дров, то я вас после накормлю, — нехотя сказала хозяйка.

Оскар наклонил голову набок и умоляюще посмотрел на нее.

— Нарубить дров? Нельзя ли вместо этого сыграть и спеть?

— Спасибо, мне хорошо и без песен, — заверила хозяйка, но лицо ее чуточку просветлело.

Оскар тяжело вздохнул.

— Ну и ну, — сказал он и горестно покачал головой. — Опять коли дрова... что за напасть на человека, а он-то ходит себе и ничего плохого не подозревает. Нельзя ли сперва взглянуть на меню?

— Убирайся в сарай, нечего тут чушь городить, — прикрикнула на него хозяйка, но вид у нее был совсем не такой злой, как раньше.

Оскар и Расмус [illegible] лись к двери.

— А как мы узнаем, [illegible] сарай, — недоумевал Расмус.

— Ха, да я могу [illegible] хоть с завязанными глазами. Как только [illegible] юсь с дровяным сараем, у меня все тело [illegible] чинает ломить, и тогда я говорю себе: «Вон, он [illegible] голову даю на отсечение, что он вон там.

Оскар вошел в сарай — и точно, там лежали дрова. Он взял топор, сидевший в колоде, и начал колоть дрова. Быстро и ловко разделывал он толстенные чурбаны, и в воздухе только мелькали поленья.

Расмус подбирал их и укладывал в тачку, на которой, как видно, подвозили дрова к дому.

— Как здорово ты рубишь, — сказал Расмус. — Оскар, ты и в самом деле лентяй?

Оскар утвердительно кивнул головой.

— Да, когда речь идет о работе, я довольствуюсь малым.

— Неужели тебе никто никогда не предлагал стоящей работы?

— Нет, почему же, иногда случалось. Но на людей я не жалуюсь, обычно они хорошо ко мне относятся.

Он продолжал задумчиво:

— Понимаешь, дело вот в чем. Другой раз я хочу

работать, и тогда я работаю как вол. А порою совсем не хочу работать. Но люди почему-то считают, что работать надо все время, и вот это никак не укладывается в моей бедной голове.

— И в моей бедной голове это тоже никак не укладывалось, когда я был в Вэстерхаге, — подхватил Расмус.

Между тем тачка была полна, и Оскар отложил топор. Из недр вещевого мешка, который он оставил у двери сарая, он извлек гармонику, бережно завернутую в кусок красного сукна.

— А сейчас мы устроим концерт, и пусть потом хозяйка говорит, что хочет.

Он слегка прошелся по клавишам, гармоника несколько раз вздохнула, но вот он развернул ее вовсю, и сарай наполнился звуками песни и музыки, чудесней которой Расмус не слыхал в своей жизни.

Словно черная ночь, ее волосы.
День и ночь дорогой слышу голос я, —

пел Оскар сильным задушевным голосом, от которого внутри у Расмуса все затрепетало — это было несравненно лучше, чем когда фрёкен Хёк в детском доме исполняла на органе вариации на библейские темы. Расмус уселся поудобнее на колоде и наслаждался безмолвно от всей души.

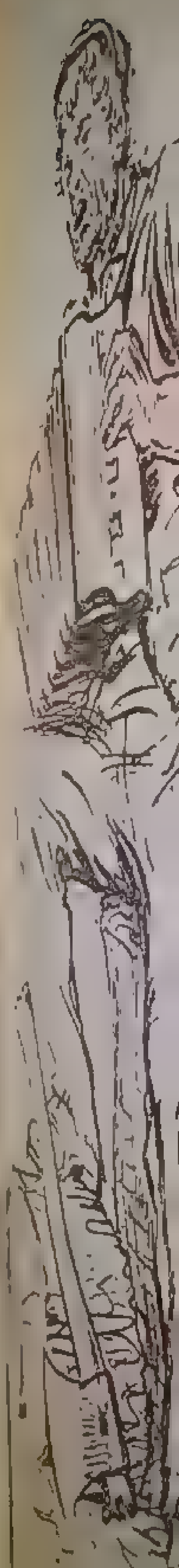
Из-за угла высыпали бледные ребятишки. Остановившись на почтительном расстоянии, они молча стояли, таращили глаза и слушали.

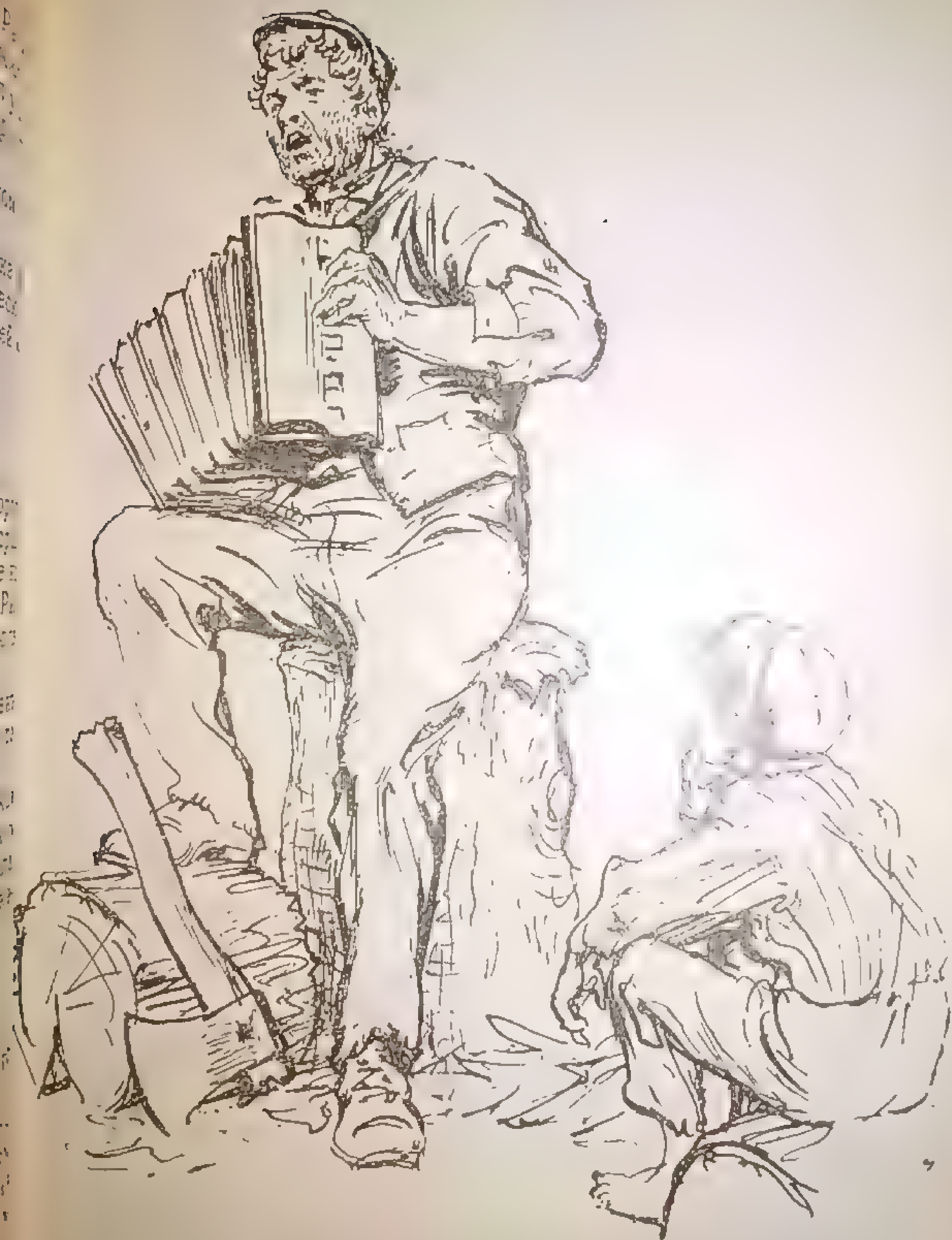
Хозяйка с самым деловым видом прошла к грядкам ревеня за сараем. Она рвала стебли ревеня с таким усердием, словно ничего не видела и ничего не слышала. Но когда Оскар спел свою песню, она подошла и сказала почти приветливо:

— Заходите покушайте!

Жареная селедка и горячая картошка — вкуснота-то какая!

Подсев к кухонному столу, Оскар удовлетворенно шлепнул себя по коленям. Расмус примостился рядом с ним. Он не ел горячей пищи с тех пор, как ушел из Вэстерхаги, и поэтому с удовольствием втягивал носом запах селедки и лука. Хозяйка, расщедрившись, положи-

ла ему на тарелку пять крупных картофелин и почти целую селедку, после чего Расмус сразу проникся симпатией к этой женщине. Пока он ел, она все время бросала на него пытливые взгляды и, наконец, сказала:

— Знаешь, Оскар, этот еще слишком мал бродяжить.

Набив полный рот, Оскар усердно жевал, так что с трудом смог ответить:

— Да, конечно, — сказал он. — Но это же ненадолго. Я просто пошутил. Мальчик направляется к своим родителям.

«А ведь это правда», — подумал Расмус. Как только он отыщет кого-нибудь, кто захочет его взять, он больше не будет бродяжить. Но это не к спеху, теперь уж совсем не к спеху отыскивать [illegible] отца и мать. Сперва он хочет осмотреться, и притом [illegible] Оскаром так весело бродить. Пока он ни за что [illegible] хотел бы с ним разлучаться. А Оскар, он, может [illegible] думает, что иметь дело с Расмусом хлопотно [illegible] быть, Оскар хочет побыстрее найти ему родителей [illegible] сбыть его с рук?

Он спросил его [illegible] когда они вышли на дорогу.

— Ты хочешь поскорее от меня отделаться, Оскар?

Оскар уже шагал обычным размеренным шагом.

— Когда я захочу от тебя отделаться, я сам объявлю тебе об этом.

Не очень-то его успокоил такой ответ. Что, если Оскар «объявит» до того, как Расмус отыщет себе новый дом. Что же, скажите на милость, ему тогда делать? Однажды ночью ему уже пришлось испытать, что значит быть одному, и у него не было ни малейшего желания, чтобы это повторилось. Он бросил боязливый взгляд на Оскара: о, он будет таким хорошим, он постарается не быть ему в тягость, только бы Оскару не надоело с ним возиться!

— Оскар, свою куртку я могу нести сам, — с воодушевлением предложил он.

Но Оскару это предложение совсем не понравилось.

— Это еще зачем? Пусть себе лежит в мешке. От твоей куртки мой мешок тяжелее не станет.

Оскар прибавил ходу, и Расмус все ускорял шаг, чтобы не отставать.

— Оскар, хочешь, я возьму тебя за руку? — спросил он задыхаясь, когда окончательно выбился из сил. Тогда Оскар остановился и испытующе посмотрел на него.

— Вот спасибо, — сказал он. — Так и сделай. Возьми меня, пожалуйста, за руку, чтобы я не отставал.

Расмус сунул свою руку Оскару, и они двинулись дальше, но уже не так быстро.

— Я еще не очень привык, — пробормотал в оправдение Расмус. Он прекрасно понимал, что Оскар умерил шаг из-за него.

— Понятно, настоящим бродягой в один чих не станешь, — согласился Оскар.

И он показал Расмусу, как надо ходить, как надо без остановки ровным размеренным шагом отмахивать милю[1] за милей.

— Нам совсем не обязательно нестись вперед, словно мы к вечеру должны быть на краю света. Неплохо будет, если мы придем туда хоть завтра.

Расмуса распирало от чувства благодарности к Оскару за его доброту. Ему хоте[illegible]-то вознаградить его, принести ради Оскара [illegible]будь большую жертву или что-нибудь подарит[illegible] Оскар без слов понял, как сильно он его [illegible]

У дороги им попала[illegible]большой такой сельский магазинчик, где [illegible] все, от конных граблей, сапог и керосина [illegible]рамели. Но этот рай был доступен лишь т[illegible] деньги. Расмус бросил вожделенный взгляд [illegible]рытую дверь, и его ноги словно сами по себе зам[illegible]. Хотя бы остановиться и посмотреть! Но Оскар не позволял себе задерживаться возле каких-то сельских лавок. Он уже отмахал порядочный кусок.

Вздохнув, Расмус пустился догонять Оскара. И тут, случайно сунув руку в карман штанов, он обнаружил там пять ёре. О них он совсем забыл во время удивительных событий за последние сутки. Когда его пальцы коснулись монетки, он встрепенулся от радости: какая она все-таки большая и чудесная!

— Оскар, ты любишь леденцы? — спросил он голосом, полным скрытой радости и ожидания.

— Ясно дело, люблю, — ответил Оскар. — Наверное, все люди любят леденцы. Но, понимаешь, как раз сейчас у меня нет денег, так что я ничего не могу купить.

— А я могу, — сказал Расмус, протягивая на раскры-

[1] Шведская сухопутная миля, равная 10 км.

той ладони пять ёре. Он немного опасался, как бы Оскар не призвал его к бережливости, но его опасения были совершенно напрасны.

— Вот это да, — сказал Оскар. — Беги-ка купи леденцов.

Расмус повернулся и побежал. Какая поразительная удача, что он вспомнил о монетке как раз у магазина! И какая поразительная удача, что он не потратил ее раньше.

Ликуя, он возвратился к Оскару, сидевшему на краю дороги и поджидавшему его. Он испытал минуту незабываемого счастья, когда открыл пакетик и показал Оскару пять больших леденцов в бумажной обертке.

Оскар наклонил голову набок и с жадностью взглянул на леденцы.

— Сейчас посмотрим, какой взять!

— Можешь брать все, живо откликнулся Расмус. — Я хочу, чтобы ты взял все

Но Оскар протестующе замахал рукой:

— Нет уж, все хорошо в меру. Одного такого фунтика с меня вполне хватит.

То, что Оскар знал меру и не был сладкоежкой, сделало его в глазах Расмуса еще более достойным обожания. Он от всего сердца хотел отдать Оскару все пять фунтиков, но он был всего лишь ребенок и сам очень любил леденцы.

Сидеть у придорожной канавы и снимать обертку с такого вот фунтика — что может быть приятнее в жизни? Обертка прилипла довольно крепко — пришлось немного подержать весь фунтик во рту, пока не размякла бумага. После чего она легко отстала, и твердый прозрачный леденец лежал у вас на ладони. Если быть бережливым и сосать медленно, то его хватит очень даже надолго.

— Вот как надо, — поучал Расмус и с нарочитой медлительностью отправил леденец в рот. Если Оскар учил его, как надо ходить, то он может показать Оскару, как есть леденцы.

Долго сидели они на солнышке у дороги и сосали леденцы. Как они ни стремились продлить удовольствие, леденцы незаметно, но неуклонно таяли. Наконец во рту остался лишь легкий привкус сиропа, ничего больше.

— Остальные мы сбережем, — предложил Оскар. —

В жизни могут встретиться испытания, и тогда неплохо иметь в запасе леденец.

Оскар и сам не знал, насколько он был прав. Он не знал, как близки эти испытания.

Под вечер они сделали привал у небольшого озера. Позади остался жаркий день и долгий путь. Расмус устал, и ему больше всего хотелось растянуться на каменной плите и отдохнуть, но желание выкупаться одержало верх. За кустом он быстро сбросил с себя одежду.

— Не заходи слишком далеко, — крикнул Оскар, — не то приплывет русалка и заберет тебя!

— Подумаешь, я умею плавать! — ответил Расмус. Он вспомнил, как они с Гуннаром учились плавать в речке, там дома, и сердце защемило. [illegible]сь, с тех пор прошли тысячи лет.

Вода теплой, ласковой в[illegible]ась ему навстречу. Как чудесно плавать в [illegible]ой воде — всю усталость словно рукой сн[illegible]и покачивались взад и вперед, когда он по[illegible]им. Какие они красивые и до чего же ослепит[illegible]! А что если это сад самой русалки, и она [illegible] собирает здесь цветы?

Расмус перевернулся на спину. Лежа неподвижно на спине, он в философском раздумье рассматривал большие пальцы ног, торчавшие из воды. На озере было так тихо. Вдали, на другой стороне, куковала кукушка — красивые печальные звуки невольно настраивали на добрый лад.

— Эта кукушка не в своем уме, — сказал Оскар. — Середина лета уже миновала, она уже должна превратиться в ястреба, разве ей это неизвестно?

Оскар сидел на берегу и брился, глядясь в осколок зеркала, который он извлек из своего бездонного мешка.

— Учительница в школе говорит, что кукушка не может стать ястребом, мол, это суеверие, — отозвался из воды Расмус.

— Докажи, — сказал Оскар.

— Все докажи да докажи! Вот ты, Праведная Кукушка, не станешь же ты праведным ястребом во второй половине лета.

— Да, в этом ты, пожалуй, прав. — Оскар кончил

бриться и, достав медный гребешок, стал приглаживать свои курчавые волосы. — Нет, ястребом я не стану. Надо же, ты хоть и маленький, а смекалистый.

Рядом на выгоне паслись коровы. Они подошли к изгороди и остановились поглазеть на непрошеных гостей. Одна из коров, тяжело и размашисто ступая, спустилась к воде напиться, и ее колокольчик дробно позвякивал при каждом ее движении.

«Звуки лета», — подумал Расмус. Он лежал на спине, плескался и не слышал ничего, кроме позвякивания колокольчика, кукования кукушки на другой стороне озера и всплесков воды. Все это были звуки лета.

Оскар тоже не мог не поддаться обаянию лета — сидя на берегу и приводя в порядок свою прическу, он вдруг бездумно запел вполголоса:

Вот [illegible]
И солн[illegible]
В [illegible] ..

Потом он умолк, разочарованно оглядывая результаты своих стараний в [illegible]. Волосы вились так же буйно, как и раньше, и он отправил гребешок обратно в вещевой мешок.

— А разве ты не будешь купаться, Оскар?! — крикнул Расмус.

— Нет, я только вымою ноги.

Оскар завернул брюки и, вздрагивая от холода, зашел в воду.

— Купаться-то я уже купался, — сказал он.

— Когда же?

— В прошлом году, — ответил Оскар. — Тогда я сделал это в честь нашего любимого королевского дома. Это было в день имении королевы Софии, пятнадцатого мая. В такую пору вода чертовски холодная. Больше уж я этого не сделаю. Можно содержать себя в чистоте и вот так, моясь по частям.

— Докажи это, — предложил Расмус.

— Это доказывается тем, что... — начал Оскар, но тут он поскользнулся и плюхнулся в озеро. Сидя по пояс в воде, он с удивлением оглядывался вокруг. Расмус залился звонким смехом, и Оскар бросил на него злой взгляд.

— Как уже сказано... это доказывается тем, что... —

насупившись продолжал он, когда ему удалось снова подняться на ноги. Но его плохое настроение быстро улетучилось. Усевшись на камень и тщательно вымыв ноги, он зашлепал к берегу в своих мокрых брюках, потихоньку напевая про себя:

Вот снова лето
И солнца свет,
Пойдем на речку купаться. .

— Оскар, я тебя люблю, — крикнул Расмус ему вслед, он и сам не знал, почему сказал это именно сейчас.

Немного погодя они ужинали. На уступе скалы Оскар развел костер, чтобы, как он сказал, высушить брюки и отогнать комаров.

— И чтобы у нас был костер, как у индейцев, — обрадовался Расмус и подполз поближе к огню.

В этот день они побывали [illegible] красивой усадьбе и там им дали бутербродов [illegible] Оскар играл и пел так хорошо — за это они [illegible] бутерброды. Он спел «Могилу Иды», «Невест[illegible] и еще много песен, которых Расмус никогда ра[illegible]ывал.

Мальчик развернул бут[illegible] завернутые в газетную бумагу. Надо же, и в [illegible] газете тоже говорилось о тех вчерашних ворах. «Никаких следов грабителей из Сандё,— гласил заголовок. - Полиция прочесывает местность».

Расмус поднес Оскару газетный лист к самому носу и указал на маленькую заметку:

— Оскар, это где — Сандё?

— Да это, пожалуй, не больше трех—четырех миль отсюда, — ответил Оскар.

Расмус разложил бутерброды на каменной плите.

— Эти с сыром — бутерброды «невеста льва», - сказал он. — А остальные — с колбасой — «могила Иды».

— А это — «шум водопада Авеста», — подхватил Оскар, поднося ко рту бутылку с молоком.

Расмус с аппетитом уписывал бутерброд с колбасой.

— Она добрая и красивая, хозяйка этой усадьбы, — мечтательно произнес он. — Но у нее две свои кудрявые девочки.

— А то бы она могла взять тебя, ты это хотел сказать?

— Да, — ответил Расмус, и его глаза заблестели в свете костра, — да, вот тут бы я хотел жить. Мне хотелось бы найти кого-нибудь красивого и богатого.

— Охохонюшки, хо-хо! — произнес Оскар.

Вокруг них вытанцовывали комары, и по мере того как пламя съеживалось, они становились все назойливей и назойливей.

— Сейчас мы одурачим этих кровососов, пойдем и всхрапнем, — предложил Оскар.

Неподалеку находился хутор. Оскар ходил туда еще раньше, чтобы попросить разрешения переночевать на сеновале.

Весь дом спал, когда они на цыпочках прошли по мосткам и устр[illegible] сеновале.

Расмус взб[illegible] своем ложе, натрусил сена на себя сверху, так [illegible]ся торчать один нос. Комары были и здесь, и [illegible]ось оставить им поменьше поживы.

— Ну, как себя чувствуешь? — спросил Оскар, когда он тоже улегся.

— Хорошо, только пятки немного болят, — ответил Расмус.

— «До свадьбы заживет», — сказал парень, свалившись с телегой с обрыва в озеро. Ну, а теперь спать!

Несколько минут Расмус лежал с открытыми глазами и прислушивался. В сене что-то так странно потрескивало и пощелкивало. Не будь в темноте рядом с ним Оскара, он бы испугался. Из хлева под ними слышался тихий звон цепей, там внизу беспокойно двигалась корова. А над ними тянули свою нудную песню комары. Это были последние звуки, которые он услышал, прежде чем им завладел сон.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Несколько часов спустя он проснулся. Начинало светать. Он проснулся потому, что чей-то голос произнес слова, заставившие его оцепенеть от ужаса:

— Ну конечно, вот он лежит.

В нескольких метрах от себя он увидел двух полицейских и Оскара, сидевшего на сене и ничего не понимавшего спросонок. Но больше он ничего не увидел — Оскар быстро набросил на него охапку сена.

Сердце у Расмуса стучало, [illegible]олоток.

«Сейчас... сейчас придет [illegible] и заберет меня! Сейчас меня поведут назад и [illegible]

— В чем дело? — услыш[illegible] Оскара.

— Это ты после узнаешь. [illegible] один из полицейских. — А сейчас идем с на[illegible].

Оскар разозлился.

— Уж и спросить нельзя, зачем. Что я такого сделал?

— Все бродяги должны пройти допрос. Пошевеливайся.

Оскар рассердился еще больше.

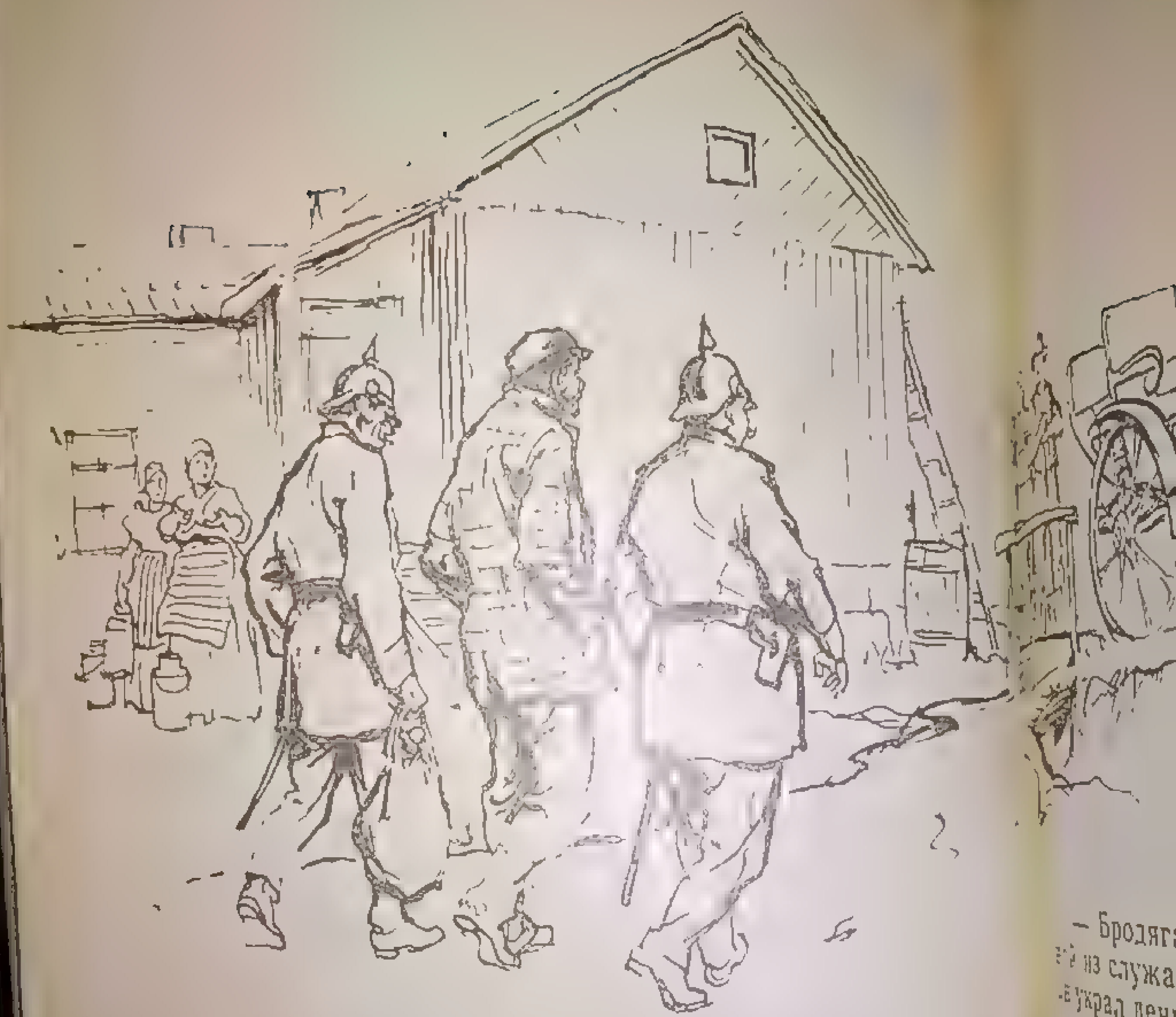
— Катитесь ко всем чертям! Человек спит невинный, как невеста, а вы тут приходите и поднимаете его ни свет ни заря. Смотрите, как бы я не разозлился.

Не спеша он перевернулся в сене, чтобы встать на ноги, и, улучив секунду, шепнул Расмусу:

— Лежи смирно! Не шевелись!

И вот полицейские ушли, уводя с собой Оскара.

Они отняли у него Оскара — что могло быть хуже. Они просто увели его, и Расмус даже не знал, куда. Его мешок они тоже забрали. Расмус заглянул в щелку двери и увидел, как Оскар влезает в одноколку. Один из полицейских сел рядом с ним и взял вожжи. Другой расположился на заднем сиденье. Неподалеку стояли хозяин и работник, а из окна кухни высунулись любопытные

физиономии хозяйки и служанок, чтобы посмотреть на позорный отъезд Оскара. Полицейский на переднем сидении дернул вожжи, и коляска тронулась. Раздался стук лошадиных копыт. Этот звук показался Расмасу ужасным — теперь он, наверное, больше никогда не увидит Оскара. В отчаянии он бросился на сено, стараясь подавить рыдания.

Вдруг он услышал, как внизу кто-то вошел в хлев. Загремели молочные бидоны. Коровы замычали так, словно начался пожар. А служанки — их было двое — принялись с увлечением болтать друг с другом. Он осторожно подполз к фуражному окошечку и прислушался: вдруг они заговорят об Оскаре.

— Бродяга на все способен, — услышал он голос одной из служанок. — Я не удивлюсь, если узнаю, что это он украл деньги в Сандё

— Значит, ленсман будет его допрашивать, — сказала другая.

— Очень может быть, — подтвердила первая. — Подумать только, ведь если он сделал это, ему не миновать тюрьмы, — заключила она с удовлетворением.

— Подумать только, если он сделал это! — шепотом передразнил ее взбешенный Расмус, выглядывая из фуражного окошка. — Дуры-служанки, как они смеют так плохо думать о Праведной Кукушке!

Он не мог больше оставаться на сеновале, он не выдержал бы... Он должен попытаться узнать, где находится Оскар. Где находится ленсман? Только бы ему разведать, где живет ленсман, тогда бы он как-нибудь ухитрился поговорить с Оскаром. Правда, это все равно, что совать голову прямо в львиную пасть. Ленсман, мо-

жет быть, заберет его и отправит назад в детский дом. Но если Оскара посадят в тюрьму, то не все ли равно, что будет тогда с ним самим.

Он осторожно приоткрыл дверь сарая и, убедившись, что поблизости никого нет, помчался как угорелый вниз по мосткам, потом по дороге вслед за скрывшейся повозкой.

Он бежал, пока хватило сил. Потом попытался трусить рысцой, как его учил Оскар. Далеко ли до ленсмана, он не знал, и надеялся встретить кого-нибудь и спросить. Но в такую рань на дороге не было ни души.

Наконец из лесу все-таки вышла какая-то старуха. «Совсем как в сказке,— подумал Расмус.— Там всегда появляется старуха, когда нужно узнать дорогу в крепость дракона или еще что-нибудь».

Согнувшись в три погибели, старуха тащила на спине вязанку дров. Она заметила Расмуса, почти наткнувшись на него. Она чуть приподняла голову, и он смог разглядеть под платком ее старые, усталые глаза.

— Не скажете ли, где живет ленсман,— запинаясь проговорил Расмус.

Глаза старухи подозрительно блеснули.

— У меня ведь есть разрешение собирать дрова в лесу,— сказала она и для убедительности подняла вверх костлявый изуродованный палец.— У меня есть разрешение. И ленсмана это не касается.

И она заспешила прочь от Расмуса, оборачиваясь и ворча: «У меня есть разрешение!»

Приуныв, Расмус продолжал путь. Так старухи в сказках не отвечали.

Но прошло немного времени, и Расмуса догнала повозка с молоком. Правил ею мальчик немногим старше, чем он сам. Это был славный паренек, он тут же остановил лошадь и спросил:

— Хочешь подвезу?

Расмус, довольный, залез на козлы и уселся рядом с возницей. Какое блаженство, что не надо идти и, кроме того, он, может быть, узнает, где ему искать Оскара.

— Ленсман, говоришь? Да он живет вон там в городке,— ответил мальчик.— Я везу туда молоко. Могу тебе показать, мы как раз поедем мимо тюрьмы, за которой он и живет. Вон в том доме.

Очевидно, ленсман еще не выходил из своего дома,

потому что, когда повозка протарахтела мимо тюрьмы, Расмус заметил Оскара, сидевшего на скамейке под бдительной охраной уже знакомых ему полицейских. Расмус не осмелился ни крикнуть, ни остановить повозку. Он проехал до самого молочного завода. Там он дал мальчику один из своих драгоценных леденцов в знак благодарности и, торопясь изо всех сил, начал пробираться назад по той же узкой улочке, по которой они только что ехали.

Оскара уже не было на скамейке. Зато из конторы ленсмана через открытое окно слышался гул голосов. Расмус подкрался поближе, насколько у него хватило смелости. Там, к счастью, росли кусты жасмина, за которыми он и укрылся.

— Разве меня можно принять за двоих, да еще в масках? — услышал он рассерженный голос Оскара. — Собачья жизнь у бродяг в этой стране, ведь все, что ни случись, валят на нас.

— Спокойно, Оскар, спокойно, — сказал голос, который, по-видимому, принадлежал ленсману. — Нам бы хотелось только узнать, что вы делали в прошлый четверг?

— В прошлый четверг... в тот день я ел горошек со свининой, — ответил Оскар.

— И это все? — спросил голос ленсмана.

— Да, пирожным меня никто не угостил.

— Я спрашиваю: это все, что Оскар д е л а л в тот день? — терпеливо повторил ленсман.

— Откуда мне помнить? Бродяга помнит только то, что ест. Я не веду счет дням. Но я точно помню, что я н е раздваивался, н е надевал маски, н е крал денег. За всю жизнь я не украл и двух эре.

— Что ж, придется этому поверить, — произнес голос ленсмана. — Но не знаете ли вы, Оскар, кто сейчас из ваших коллег в этих краях?

— «Коллег» — что вы хотите этим сказать? Это что, воры? — спросил Оскар.

— Нет, я имею в виду бродяг.

— Елки-палки... Так это называется «коллеги» на вашем языке! Человек может ходить-бродить всю жизнь и думать, что он обыкновенный простой бродяга, а он, оказывается, «коллеги».

Ленсман перебил его.

— Кого же из других бродяг вы видели в этих краях за последнее время?

На минуту наступила тишина, потом Оскар ответил:

— Вшивика я встречал, и Семь Дьяволов, и Домового. Но они не грабители. Это так же верно, как то, что меня зовут Рай-Оскар.

Ленсман высморкался, подошел и встал у открытого окна спиной к Оскару.

— Ну хорошо, — сказал он и снова высморкался. — Тогда мы, пожалуй, выпустим Рай-Оскара.

— Еще бы, когда человек невинен, это все-таки смягчающее обстоятельство, — высказал предположение Оскар.

На это ленсман [illegible] ответил.

Немного погодя [illegible] вышел из конторы с мешком за плечами и [illegible] прочь из городка.

Расмус побежал за ним с легким сердцем, а когда Оскар завернул за угол [illegible] оказался вне поля зрения ленсмана, Расмус сунул ему свою руку и сказал:

— Что, удивил я тебя?

Оскар улыбнулся широкой улыбкой.

— Да это же мой дружок. А я уже подумал, что ты один отправишься бродяжить, раз я попал в кутузку.

— Ну что ты, я не такой. И потом я знал, что ты скоро выйдешь, ведь ты же не виноват.

— Ты этого не мог знать наверняка. Они хотели пришить мне кражу, которая произошла в Сандё в прошлый четверг. А тогда мы даже не знали друг друга.

— Ну теперь-то я знаю тебя, — серьезно сказал Расмус. — Поэтому я уверен в тебе.

— Вот если бы ленсманы были такими же проницательными, — сказал Оскар и обнял Расмуса за плечи. — Но ленсманы всех бродяг считают мошенниками, охохонюшки, хо-хо!

Они сели на скамейку в сквере и съели каждый по бутерброду «могила Иды» — все, что у них оставалось.

— А теперь надо играть и петь не за страх, а за совесть, не то умрем с голоду, — сказал Оскар. — Послушай, одну вещь я все же выудил у тех полицейских, которые везли меня. Кажется, еще никто ни поднимал шума из-за парнишки, сбежавшего из приюта, по крайней мере до сих пор; но может быть, ваша фрёкен не очень-то расторопна?

— Иногда она такая расторопная, что ты и не поверишь, — заверил Расмус.

Он порылся в кармане и вытащил пакетик с леденцами.

— Теперь уже начались испытания, — сказал он. — Мы, пожалуй, можем съесть леденцы.

Так они и сделали. Они съели два оставшихся леденца, и Оскар сказал:

— Очень любезно, что [illegible] подвез меня, мне ведь все равно надо было сюда. Здесь я обычно хожу по дворам и играю. Тут выручка больше, чем на хуторах. Крестьяне дают только еду.

— Ну и это не так уж плохо, — заметил Расмус. Он был голоден, хотя съел бутерброд и леденец.

Оскар встал со скамейки.

— Я предпочитаю наличные [illegible] наличных: надо, пожалуй, пойти [illegible].

— Кто эта Хедбергша?

— О, это мировая [illegible] хоть пруд пруди, и она легко с ними [illegible] частенько пою для нее. Спою ей «В каж[illegible]», а она заплачет и даст мне пять[illegible]

Расмус подпрыгнул [illegible]

— «В каждом лесу [illegible]». Ее пела наша кухарка тетка Ольга.

— Правильно делала [illegible] кухарка тетка Ольга. — Ну что же, тогда пошли к Хедбергше. Будем для нее куковать вдвоем.

Расмус вприпрыжку бежал по тротуару. Вот будет весело петь вместе с Оскаром. И подумать только, за это еще и денег дадут! Он посмотрел на Оскара преданными глазами.

— Вот бы выучить мне все твои песни, Оскар. Вдруг ты когда-нибудь охрипнешь.

Оскар утвердительно кивнул головой.

— Да, если я охрипну, тогда ты позаботишься о «Невесте льва» и «Могиле Иды».

Дом Хедбергши находился далеко, на окраине городка. Старая зеленая вилла, гордо сторонясь своих соседей, пряталась в тени развесистых кленов.

У калитки Расмус и Оскар, как благовоспитанные люди, замедлили шаг. Неприлично уличным музыкантам

подходить слишком бесцеремонно, приближаться надо медленно, нерешительно.

В саду благоухал жасмин, пламенели «разбитые сердца» На газонах по обеим сторонам дорожки, в зарослях лебеды, мокрицы и других сорняков кой-где проглядывали фиалки и резеда.

— Фрёкен Хёк с ума сошла бы, если бы увидела такой сад, — сказал Расмус.

— Она старая, фру[1] Хедберг, — пояснил Оскар. — Ей теперь трудно поддерживать здесь порядок. А ее служанка не очень то старается.

По садовой дорожке они подошли к дому. Он стоял молчаливый, с [illegible]щенными шторами. Даже не верилось, что там кто-[illegible].

— У[illegible] она, моя добрая фру Хедберг, — сказал Оскар.

Кругом [illegible]молчание. Лишь веселое чириканье воробьев нару[illegible] тишину.

— Сейчас мы весь дом расшевелим, — сказал Оскар, доставая гармонику. — Ну, начали.

Расмус проглотил слюну и запел. В первый раз он выступал публично.

> **В каждом лесу свой ручей,**
> **А на лугу — свой цветок. . .**

О, как красиво звучала песня. Расмусу казалось, что они с Оскаром поют как ангелы.

> **В сердце есть сказка своя. . .**

Больше они не успели. Потому что в этот момент взвилась штора и через открытое окно высунулась голова служанки фру Хедберг. По крайней мере, Расмус решил, что это служанка, потому что на ней было голубое платье, какие обычно носят господские служанки, и белый передник.

— Здесь нельзя петь, — сказала она. — Госпожа больна и просит не шуметь. Уходите!

Оскар приподнял кепку:

— Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон фру Хедберг. Скажите, что Рай-Оскар желает ей поскорее поправиться, пожалуйста, не забудьте!

---

[1] Фру — обращение в Швеции к замужней женщине.

Служанка не ответила. Она просто-напросто опустила штору.

— Ну и злыдня, — сказал Оскар. — Раньше у старухи была добрая служанка, угощала кофе, куда она подевалась.

Расмус был глубоко разочарован. Он так радовался, что фру Хедберг даст им полкроны. Оскар тоже был раздосадован.

— Не жизнь, а малина, — сказал он, направляясь к калитке.

Расмус остановил его:

— Оскар, я умираю пить хочу. Как ты думаешь, можно мне пойти и попросить воды, хотя фру Хедберг и больна?

— Почему бы нет, — ответил Оскар. — Не откажется же служанка дать тебе воды. Давай живо, а я подожду тебя здесь.

Расмус повернул к дому. О[illegible] по лестнице на веранду, спугнув бедных [illegible], которые, словно брызги, разлетелись в ра[illegible]. Он постучал в наружную дверь, но, не пол[illegible], прошел в переднюю. Там было три двер[illegible] среднюю и опять постучал. В ответ — ти[illegible] крикнул «войдите». С минуту он помедли[illegible] рил дверь и вошел в комнату.

В кресле сидела старая дама. Она уставилась на него, словно увидела привидение. Та самая служанка, которая прогнала их, стояла рядом, и тоже как-то странно посмотрела на него. Расмусу стало не по себе.

— Я хотел попросить воды, я хочу пить, — робко произнес он.

Старая дама не сводила с него глаз. Она сидела словно парализованная, потом через силу произнесла:

— Анна-Стина, дай мальчику напиться!

Та, которую звали Анной-Стиной, неохотно пошла в кухню, и Расмус остался наедине с фру Хедберг — потому что эта старая дама, конечно, была фру Хедберг.

Расмус топтался на месте. Почему она так смотрит на него, почему у нее такой до смерти испуганный вид? И почему она не лежит в постели, раз ей нездоровится?

— Вы, тетя, очень больны? — наконец сказал он, не выдержав больше устремленного на него взгляда.

— Нет, я не больна.

Ответ прозвучал так, словно произнести эти слова ей стоило большого труда.

«Не больна? Почему же тогда служанка наврала, что ей плохо?»

Вернулась Анна-Стина и недовольно сунула ему ковшик с водой.

Вода была свежая, холодная, он пил большими глотками, обводя глазами комнату. Это был господский дом, красивый и богатый. До сих пор таких домов он даже близко не видел. В комнате стоял красный плюшевый диван, очень кр[illegible]. Потом кресла, тоже обитые красным плюшем, [illegible] стол из какого-то блестящего красивого дерева, [illegible]р с украшениями, наверное, из золота. На [illegible] ковер, яркий-преяркий, на двери в [illegible]мнату висела портьера из темно-зеленого [illegible] с нею — лестница, ведущая в верхни[illegible] портьерой происходило что-то странное. Он[illegible]лась, да, в самом деле шевелилась. Глаза Р[illegible]льзнули вниз, к полу. Из-под бахромы портьер[illegible]ался ботинок, мужской ботинок из светлой [illegible] черным лакированным кантом.

Странные же привычки у людей, живущих в таких красивых домах! За портьерой стоял мужчина, это было совершенно очевидно. Собственно, Расмусу незачем ломать себе над этим голову. Может быть, они здесь играют в прятки. Но его пугали глаза фру Хедберг. Никогда еще он не видел таких испуганных глаз. Госпожа Хедберг смотрела на портьеру так, словно за ней скрывалось что-то опасное.

Может быть, Анне-Стине стало жаль фру Хедберг, и, чтобы хозяйку не пугал этот ботинок, она под каким-то предлогом прошла к двери и мимоходом поправила портьеру так, что ботинок исчез. Или, может быть, Анна-Стина не хотела, чтобы Расмус узнал, что там за портьерой стоит мужчина?

Страх, стоявший в глазах фру Хедберг, частично передался ему самому. Что-то неладное происходило здесь, он чувствовал это. И ему захотелось поскорее уйти из красивой комнаты с опущенными шторами, застывшими испуганными взглядами и неизвестными кошмарами за портьерой. Ему захотелось на солнечный свет, к Оскару.

— Спасибо за воду, — сказал он, отдавая ковш Анне-Стине.

— Ты уже уходишь? Может быть, ты смог бы... — раздался ему вслед отчаянный голос фру Хедберг.

Расмус обернулся и посмотрел на нее.

— Что я смог бы?

— Нет, ничего... Лучше иди.

Расмус пошел, удивленный и обеспокоенный. Может быть, она хотела сказать, что он смог бы как-то помочь ей?

Он рассказал все Оскару и спросил его, что тот думает.

— Ты что, рассказываешь мне историю из книжки о разбойниках?

— Нет, там что-то неладно, я в этом уверен.

Они пошли, но когда вилла уже скрылась из виду, Оскар остановился и [illegible]

— Нет, мы не можем [illegible] Надо все-таки разузнать, что за чудеса у [illegible] дят. Пошли обратно.

Тихо и осторожно они [illegible] через калитку. Но, вместо того чтобы [illegible] садовой дорожке к вилле, они прокрались [illegible] смородины в обход и приблизились к дому [illegible] стороны.

В окнах по-прежнему [illegible] было никаких признаков жизни. Но при мысли, что там, может быть, кто-то стоит и наблюдает за ними из-за опущенных штор, все же становилось неприятно.

— Здесь спокойно, как в церкви, — тихо произнес Оскар. — Как нам узнать, что делается за этими шторами, можешь ты мне это сказать?

У Расмуса ответ был наготове.

— Мы заберемся в дом и подсмотрим.

— А как это сделать, ты подумал?

Расмус задумался. Если бы можно было как-нибудь попасть в верхний этаж, то с лестницы очень удобно подглядывать. Можно также лечь плашмя и подслушивать, что у них там творится в комнате с портьерой. Он сообщил свой план Оскару. Но Оскар отрицательно потряс головой.

— Входить в дома к чужим людям — опасная штука, особенно для такого бродяги, как я. Да к тому же я не смогу пробраться туда.

— А я смогу, — с жаром прошептал Расмус. Он указал на открытое окно гардеробной в верхнем этаже. Оно было небольшое и узкое. Такой широкоплечий парень, как Оскар, не смог бы протиснуться через него. Но у самого Расмуса это получится прекрасно. Ветви одного из старых кленов простирались до самой крыши виллы. А уж лазить-то по деревьям он умел. Опытным глазом он прикинул расстояние между ветвями и окном. Не больше метра. Это для него пустяки.

— Ты вгонишь меня в гроб, — сказал Оскар. — Ведь это опасно для жизни. Нет, я не могу тебе этого позволить.

— Ничего другого не придумаешь, — ответил Расмус. — Только помоги мне забраться на клен.

Расмус боялся очень многих вещей в этом мире. Он боялся порки, боялся [illegible], боялся фрёкен Хёк, боялся подраться с кем-нибудь из старших мальчиков в приюте, боялся, как бы учительница в школе не подумала о нем плохо и как бы она не наказала его. Он боялся оставаться один в темноте, вообще боялся одиночества, боялся, боялся... Зато у него было мужество совершенно иного рода. Когда он лазил, прыгал или нырял, он не ведал, что такое страх. Он безгранично верил, что ни один мускул не подведет его. В его худом теле не было ни капли страха. И поэтому он не обратил внимания на протесты Оскара.

— Только помоги мне забраться на клен.

Нижние ветви росли слишком высоко, и до них ему самому было не добраться.

— Ты вгонишь меня в гроб, — повторил Оскар. Но он взял Расмуса и, будто маленькую рукавичку, подбросил вверх, так, что мальчуган достал до ветки. Расмус крепко уцепился за нее и подтянулся на руках. Его руки, ноги, пальцы были полны нетерпения поскорее достичь цели.

Но Оскар нервничал. Стоя в тени клена, он со страхом смотрел, как его дружок исчезает в маленьком окошке.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Расмус очутился в гардеробной, заваленной одеждой. На полке стояло чучело попугая. Вот было бы интересно разглядеть его хорошенько. Но не сейчас. Ему сейчас не до попугаев.

Он остановился перед открытой дверью гардеробной. Не опасно ли открыть ее? Что-то там за этой дверью?

Медленно нажимал он на дверь, отворял ее миллиметр за миллиметром. Он сознавал, что малейший звук может его выдать. Ему казалось, что прошла вечность, прежде чем щель стала настолько широкой, что он смог сквозь нее протиснуться в [illegible]

Потом он замер, [illegible] дыхание. Прислушиваясь, боясь пошевельнуться, [illegible] шаря глазами по комнате, в которой очутился.

Снова он попал в [illegible] красивой мебелью комнату. Здесь стоял [illegible] тастый диван и высокая пальма в горшке. Стар[illegible] часы тикали медленно и тяжело. А вот и лестница, [illegible] ущая в нижний этаж.

Снизу до него донесся приглушенный крик. Он испугался — бешено заколотилось сердце. Но это не могло удержать Расмуса. Он должен прокрасться к лестнице и посмотреть, что за ужасы там внизу.

Пока что он мог только слушать. А слышал он отвратительные звуки. Кто-то плакал беспомощно, в отчаянии. Кто-то быстрыми шагами прошелся по комнате. Все это вселяло в него страх. Иногда становилось совсем тихо. И тогда он слышал только тиканье часов за спиной, и этот звук казался чуть ли не отвратительнее, чем все другие.

Шаг за шагом начал он пробираться к лестнице, пробуя каждую доску в полу, не скрипит ли она, подбираясь все ближе и ближе. Мгновенно останавливался, затаив дыхание, когда внизу наступала тишина; двигался снова, как только внизу раздавался шум, который мог заглу-

шить его крадущиеся шаги. Наконец он был почти у лестницы. Тогда он скользнул вниз на пол и ужом прополз последний кусок до лестничных перил. Теперь он мог просунуть голову сквозь балясины перил и посмотреть вниз.

Он правильно рассчитал. Отсюда было очень удобно подсматривать.

Ему была видна не вся нижняя комната. Но фру Хедберг он видел. Она сидела в своем кресле в той же позе. Это она плакала. Рядом стояла Анна-Стина и успокаивающе похлопывала ее по руке. Потом... из угла комнаты, который ему не был виден, вышел мужчина, даже двое мужчин, о боже мой, и здесь двое в масках! Да, у них обоих на лицах были черные маски, и у одного те самые ботинки, которы[illegible] совсем недавно высовывались из-под портьеры.

Позади Расмус[illegible] [illegible] часы, и горячая волна страха прокатилась [illegible], прежде чем он понял, что это собираются б[illegible] [illegible]робило десять тяжелых ударов, и Расмусу [illegible], что это он поднимает шум. Он боялся, как бы [illegible] в черных масках не поднялись по лестнице и не [illegible] и его и часы.

— Нет, нет, только не шифоньер!

Это фру Хедберг умоляла грабителей. Ей никто не ответил. Мужчина у шифоньера, тот, в ботинках, начал выдвигать ящики и рыться в них молча и угрожающе.

В этот момент Расмус почувствовал, что кто-то дотрагивается до него. Господи помилуй, кто-то подошел сзади и трогает его. Он чуть не вскрикнул от страха, чуть не умер, так он испугался — а это черненький котенок подскочил и терся об его ноги. А ведь он так любил котят! Только не сейчас. Сейчас этот маленький зверек — черное несчастье — явился совсем не вовремя, да еще так громко мурлычет. Он попытался отогнать котенка и легонько ткнул его ногой, но тот был упрямый. Именно сейчас котенку так хотелось потереться около Расмуса, чтобы его приласкали. Он грациозно отпрыгнул в сторону, но через секунду снова был рядом с Расмусом, на этот раз у самого его лица. Он терся о нежную мальчишечью щеку, кружился и вертелся, мурлыча все с большим удовольствием и вдобавок засунул свой хвост в ухо Расмусу.

Расмус пришел в отчаяние. Подумать только, до чего

логы бестолковые, в доме такие ужасы, а он мурлычет и поет, хотя хозяйка его в смертельном страхе плачет там внизу. Он крепко схватил кота и на этот раз оттолкнул его более бесцеремонно. Котенок порядком проехался по полу, сел и неодобрительно посмотрел на Расмуса. Потом круто повернулся и, задрав хвост, ушел от него с гордым видом: дескать, я и не думал с тобой играть.

Теперь фру Хедберг рыдала еще громче.

— Нет, нет, только не ожерелье! — молила она. — Берите всё, только не ожерелье. Оно достанется моей дочери, моей дочери в Америке!

Тот, у шифоньера, спокойно разглядывал ожерелье, пропуская золотую цепь между пальцами. Казалось, он вовсе не слышал фру Хедберг. Не спеша он засунул ожерелье в карман и продолжал свои поиски. Другой же застыл у двери. Теперь Расмус [illegible] у него в руке пистолет, направленный на [illegible] Хедберг и Анну-Стину. О ужас! Расмус в страхе [illegible] руками балясины лестничных перил.

И тут вдруг случилось [illegible] — маленькая деревяшка отскочила [illegible] Она отклеилась уже давно, еще до того, [illegible] Расмус, но все эти годы она безмятежно [illegible] на своем месте. Вплоть до этих пор. Вплоть до [illegible] минуты, когда Расмус случайно задел ее. Деревяшка довольно громко стукнулась о пол позади грабителя у шифоньера.

Он резко обернулся, и в руке у него тотчас появился пистолет.

— Кто там наверху?! — раздался возглас, словно удар хлыста.

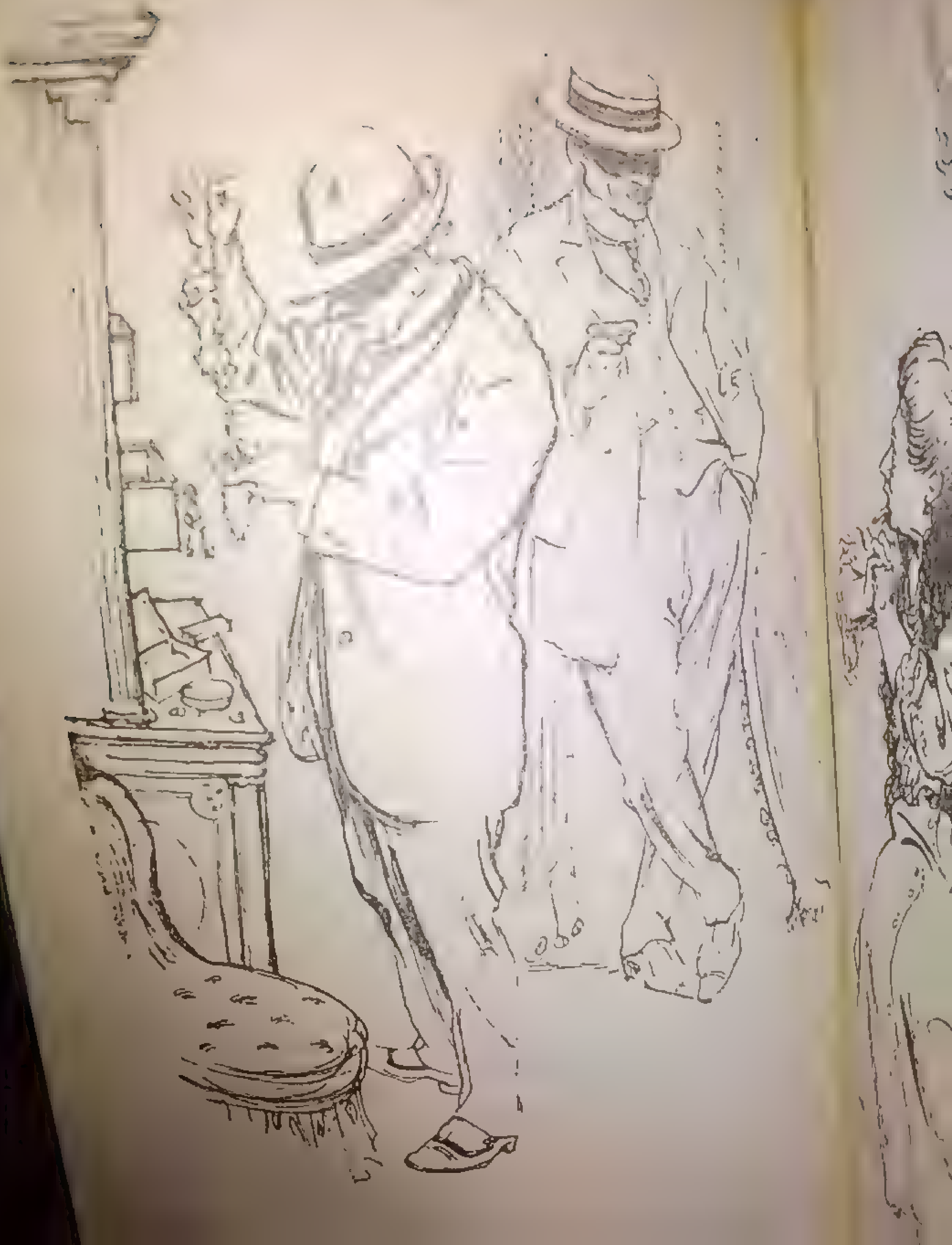
«Сейчас я умру, — в отчаянии подумал Расмус. — Оскар, помоги мне!»

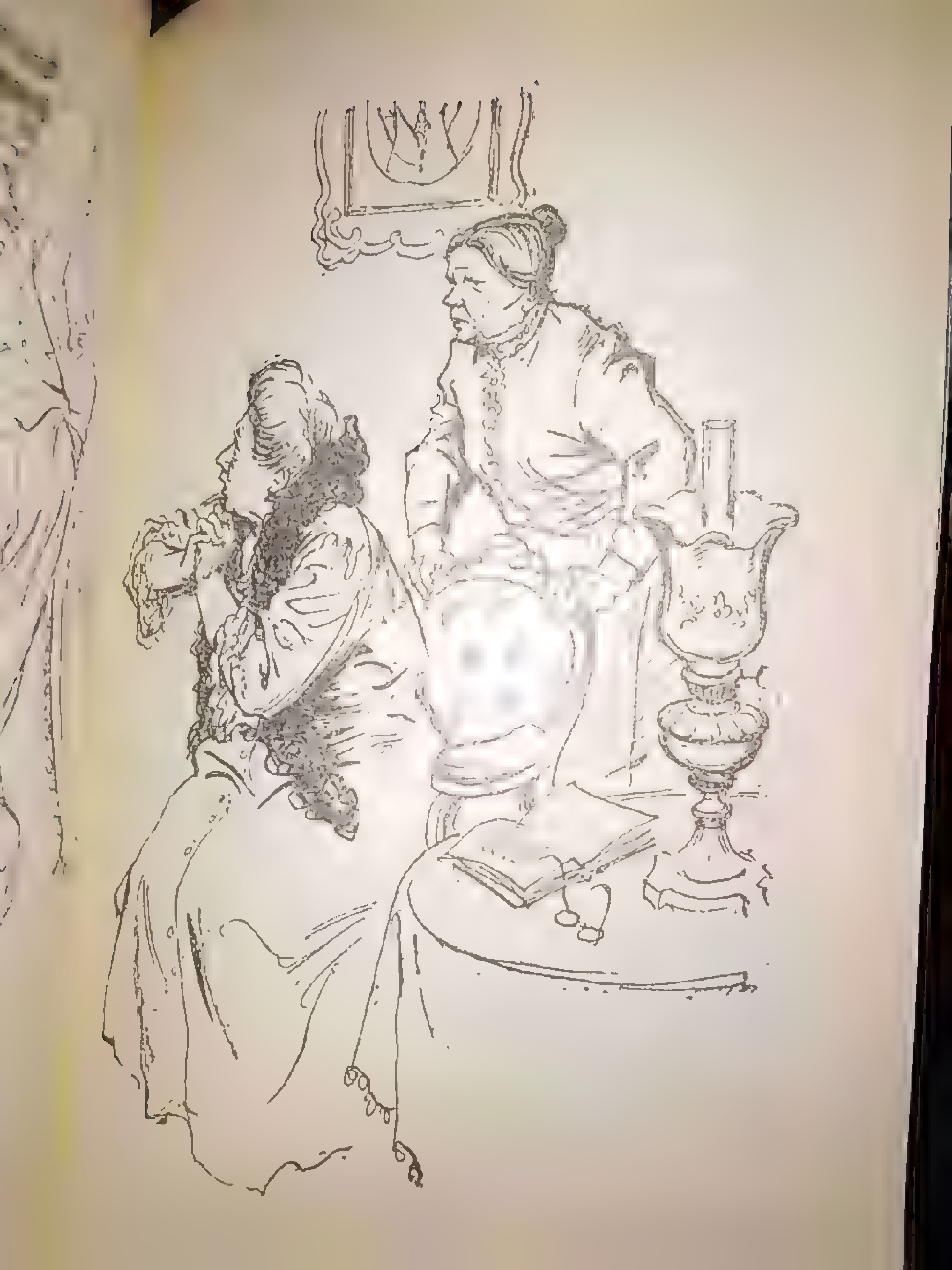
— Там наверху никого нет, — ответила Анна-Стина.

— По-твоему, деревяшки сыплются сами по себе? Уж этому я не поверю.

Держа пистолет наготове, он начал медленно и осторожно подниматься наверх.

Тем временем обезумевший от страха Расмус отполз от балюстрады, а когда на лестнице послышались шаги, он с быстротой молнии забился за цветастый диван. Никогда еще, играя в прятки, он не попадал в такое безвыходное положение. Диван был весьма сомнительным убе-

жищем, но тут уж не приходилось выбирать. Он лежал, притаившись в своем убежище, напряженно прислушиваясь к приближающимся шагам.

Медленные осторожные шаги — во всем свете, наверное, не было более гнусных звуков. На какое-то мгновение наступила тишина: грабители, вероятно, застыли на месте, стараясь угадать, откуда может последовать нападение, предполагая, что невидимый враг где-то поблизости.

Куда там, враг и не собирался нападать! Он лежал за диваном, горя желанием убраться отсюда подальше, раскаиваясь, что ввязался в эту историю, и призывая на помощь Оскара.

Но сейчас бы ему не помог даже Оскар.

И вот снова они, эти гнусные шаги. Они всё ближе и ближе... теперь грабитель уже совсем рядом, и Расмус видит омерзительные ботинки с черным лакированным кантом внизу... и [illegible]

Но помощь пришла с той стороны, откуда он ее не ожидал.

Черненький котенок у окна забавлялся тюлевыми гардинами, весело трепыхавшимися на ветру. Котенку запрещалось вонзать коготки в гардины, но ему нравилась эта игра и он был страшно доволен. Вдруг совсем рядом он увидел мальчишечьи ноги, пальцы на них вздрагивали и боязливо шевелились. Это было поинтереснее гардин. Восхитительный прыжок — и котенок благополучно приземлился на свою жертву. Он выпустил свои острые маленькие коготки, он царапался и кусался, играл с большим пальцем, словно это была мышь, удивляясь глупости мальчика, который не понимал, что возня с пальцами — такая увлекательная игра.

Ну конечно, Расмус не разделял его восторга. Он схватил бедного маленького котенка железной хваткой и безжалостно швырнул его в сторону, так что тот попал прямо под ноги другому человеку, который также не был расположен играть с ним, а лишь выругался: «Чертова тварюга!» — в самом оскорбительном духе — и скользнул вниз по лестнице, прежде чем котенок даже успел его обнюхать.

Расмус остался лежать за диваном, сердце его бешено колотилось. Из всех животных на земле кошка оказалась самым замечательным, а из всех кошек этот чер-

Серенький шустрый зверек был самым лучшим котенком. Котенок спас его. Этот глупый грабитель подумал, что по вине «чертова котенка» на него обрушился дождь из деревяшек — здорово получилось, что он так подумал!

Расмус не отваживался покинуть свое убежище, но он напрягал свой слух до предела, стараясь услышать, что происходит там внизу. Фру Хелберг перестала плакать, она вообще больше не издавала ни звука. Но зато он услышал испуганный голос Анны-Стины.

— Господи Иисусе, старуха, никак, преставилась. Эй вы, послушайте, ей очень плохо. Хильдинг, что мне делать?

— Это уж твоя печаль, — ответил ей тот, в ботинках.

Никогда еще Расмусу не приходилось слышать такой безжалостный, леденящий голос.

А эта Анна-Стина, нечего сказать! Оскар был прав, служанка — настоящая ведьма. Она водится с грабителями, вот, оказывается, чем она занимается.

— Хильдинг, я позову [illegible] — в панике произнесла Анна-Стина.

— Не выдумывай! — [illegible] тот же безжалостный голос. — К тому же я [illegible] телефонный кабель.

— Но ведь она при [illegible] закричала Анна-Стина.

— Да уймись ты! До [illegible] утра ты не приведешь сюда ни доктора, ни [illegible] заруби это себе на носу.

— Но как я все объясню?

— Скажешь, старухе было очень плохо, и ты не посмела оставить ее одну.

— Я так боюсь, — захныкала Анна-Стина. — Я не хочу впутываться в такие дела.

— Вот скотина! — подумал Расмус, — нашла время, когда спохватываться. Какие злодеи бывают на свете!

У Расмуса было маленькое доброе сердце, и оно обливалось кровью от жалости к фру Хелберг.

О, будь он сильным, сильнейшим в мире, он бы схватил этих негодяев за шиворот, а не прятался бы как трусливый заяц!

Теперь они там внизу заторопились, после недолгого бормотания простились и ушли. Он услышал, как за ними захлопнулась дверь и глупая Анна-Стина, оставшись одна, в страхе заголосила.

— Милая госпожа, очнитесь! Очнитесь, милая госпожа!

Немного погодя Расмус с побелевшим носом предстал перед Оскаром.

— Наконец-то,— обрадовался Оскар.— Наконец-то...

— Ты видел их? — горячо зашептал Расмус. — Ты видел грабителей?

Оскар покачал головой.

— Я не видел ни одной рожи после того, как ты исчез. Заставил же ты меня попотеть.

— Так ты их не видел, — разочарованно протянул Расмус. Оскар мог бы все же подглядывать из-за угла, ведь тогда бы он, наверное, увидел грабителей без масок.

— Тебе бы надо было их подстеречь, — сказал Расмус. — Что ты делал все это время?

— Потел — вот что я делал, — в сердцах ответил Оскар.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Что мы теперь будем делать? — тревожно спросил Расмус, рассказав Оскару о своих приключениях.

Оскар в раздумье почесал затылок.

— «Ну что ж, хорошо начинается неделька!» — сказал один чудак, которого должны были повесить в понедельник. Не приложу ума, что нам делать.

Мир был жесток. И они покинули его, уединились в укромном местечке на холме, поросшем сосняком, неподалеку от городка, чтобы поговорить о своих заботах.

Лежа на спине в нагретой [illegible] песчаной яме, Расмус разглядывал проплыва[illegible] облачка и верхушки сосен, которые мер[illegible]лись над его головой. Он содрогнулся пр[illegible]минании о несчастной фру Хедберг. Быть [illegible] в эту минуту она умирает на руках у св[illegible] служанки, а двое в масках скрылись с ее о[illegible] неизвестно куда.

— Пойдем к ленсману, — [illegible]ложил Расмус.

Оскар скорчил гримасу.

— Тогда он наверняка засадит меня в кутузку. Он подумает, что уж во всяком случае, как в Сандё, так и здесь, с этой фру Хедберг без меня не обошлось.

— Ну, а если ты скажешь, что не виноват?

— Ах, ах, ах, фу-ты ну-ты, выходит, стоит мне сказать, что я невиновен, как он раскланяется и отпустит меня. Ты не представляешь себе, что значит быть бродягой. Нет уж, к ленсману пойти я не отважусь.

Он поскреб затылок.

— Но мы, пожалуй, могли бы написать ему. Ты, брат, хорошо умеешь писать?

— Да, ничего себе, — ответил Расмус.

— Тогда постарайся нацарапать несколько строчек, я-то ведь пишу с ошибками.

Оскар извлек огрызок карандаша из кармана жилетки и вырвал листок бумаги из записной книжки, в кото-

рую он обычно переписывал свои песни. У бумаги был истерзанный вид — записная книжка, судя по всему, не раз побывала под дождем, но все же она вполне годилась для письма. И Расмус написал под диктовку Оскара:

> С фру Хедберг из Зеленой Виллы случилось кой-что ужасное. Доктор должен пойти туда и ленсман тоже, но нужно поспешить Просит Вас Друк вдов и сирот. Служанка-сатана тоже замешана.

И вот они покинули свою уютную песчаную яму и направились обратно в город. Еще раз прокрался Расмус вдоль живой изгороди из кустов жасмина к дому ленсмана и бросил в открытое окно бумажку, завернув в нее камень. Где-то там в комнате камень стукнулся об пол, и Расмус помчался назад к Оскару, который ждал его за углом.

Теперь они сделали для фру Хедберг все, что могли, и должны были снова подумать о себе.

— Интересно, долго ли может человек протянуть без еды? — спросил Расмус. Он чувствовал себя так, словно был близок к голодной смерти. Время обеда уже давно прошло, а единственное, что ему досталось в это роковое утро, — был всего-навсего один бутерброд и леденец.

— Ну, теперь придется петь «Невесту льва», если мы хотим немного заработать на обед, — сказал Оскар. — Не потому, что чувствуешь себя такой уж певчей птицей, а просто другого выхода нет.

«Невеста льва» была и в самом деле незаменима, когда надо было раздобыть денег на еду. Несколько часов подряд они ходили по дворам, играли и пели. Монетки в два и пять ёре дождем сыпались на них. Это привело Расмуса в такой восторг, что он позабыл о жестокости мира и о своем голоде. Слушателям, несомненно, нравились песни Оскара. Они охотно подавали мелочь, чтобы послушать, как львы разрывали женщин на куски, как вероломные Альфреды покидали несчастных красоток или хладнокровно убивали их из пистолета, так что они плавали в собственной крови. «Еще одна печальная история. . .» — басил Оскар. И чем печальнее были истории, тем довольнее, казалось, были слушатели.

Они бродили от одного двора к другому, и при первых аккордах гармоники служанки бросали в кухне недомытую посуду и висли на окнах. Они подмигивали Оска-

ру и охотно подавали ему пять ёре, вероятно, потому, что светило солнце, и еще потому, что, когда наступит вечер, они встретятся со своими верными Альфредами. Даже благовоспитанные дамы украдкой выглядывали из-за штор гостиной; улыбаясь, они чуть слышно напевали мелодию и посылали во двор своих детей отнести несколько мелких монеток, аккуратно завернутых в газетную бумагу.

Возбужденный и радостный, Расмус собирал выручку. Какая чудесная профессия быть бродячим музыкантом!

— Я тоже буду ходить по дворам и петь, когда подрасту, — признался он Оскару.

— Да неужто! Тебе так нравится петь?

— Нет, больше всего мне нравятся деньги, — чистосердечно признался Расмус. — В приюте я был беден, как блоха... мне нравятся деньги.

— Но не станешь же ты ра[illegible] этого всю свою жизнь подбирать мелочь. Пожалу[illegible] занятие, которое сможет принести тебе по[illegible]нег.

Расмус опустил по[illegible] медяков в карман Оскара.

— Ну, а мне больше всего нравятся монетки в пять ёре, понимаешь?

По его лицу скольз[illegible]ая тень. По правде говоря, ему вовсе не хотелось [illegible]мать, чем он будет заниматься, когда подрастет, [illegible] тогда он должен подумать и о том, что произойдет, прежде чем он станет взрослым. Что будет с ним, когда он больше не сможет бродяжить с Оскаром. И какая его ждет судьба, если во всем мире не найдется никого, кто захочет взять его в свой дом?

Расмус решил не ломать себе голову понапрасну, а встречать день таким, каким он приходит, и радоваться каждой веселой минуте.

— Если тебе так уж нравятся пятиёрики, то оставь себе парочку, — предложил Оскар и вложил две монетки в руку Расмусу.

Расмус зарделся от восторга. Он крепко пожал руку Оскару и раскланялся по всем правилам, как его учили благодарить, когда ему что-нибудь дарили. После этого он долгое время был нем, как рыба, и наконец неуклюже погладил Оскара по рукаву и произнес:

— Ты, Оскар, самый добрый бродяга на свете.

Ему редко приходилось что-нибудь получать в своей жизни. Каждый подарок был большим событием: если тебе дарят вещи — значит, кто-то думает о тебе. Для Расмуса эти две монетки означали, что Оскар хорошо к нему относится, и это радовало его больше, чем сами деньги. Он теперь ходил себе, не переставая звенеть монетками, которые хранились в глубине кармана его штанов, и чувствовал себя богачом.

— Ну что ты, я такой же, как и все бродяги, — сказал Оскар. — Когда добрый, когда злой. Послушай! Сейчас мы пойдем к Хальтману и купим себе чего-нибудь пожевать.

При мысли о [illegible] в глазах у Расмуса потемнело. И у него чуть не [illegible] ноги, когда они входили в бакалейно-колбас[illegible] у Хальтмана. Там внутри божественно пахл[illegible] вкусными вещами. Розовые и коричневые колбас[illegible] лежали на прилавке, превосходный жирный с[illegible] и копченая на можжевельнике ветчина теснили [illegible] паштет и сыры всевозможных сортов. И еще тут была специальная полка, уставленная банками с карамелью, коробками конфет и плитками шоколада. Над всем этим великолепием царил приветливый торговец, который, едва услышав переливы дверного колокольчика, стремительно вышел им навстречу, готовый предоставить им все, что они пожелают. Пальцы у него были короткие и пухлые, с черной каемкой под ногтями, но зато как ловко нарезал он ломтики чудесной розовой ветчины и кружки колбасы и как проворно выложил перед Оскаром ковригу хлеба, масло и сыр, не переставая при этом дружески болтать. Именно таким представлял себе Расмус образцового торговца.

— Вот теперь-то лето в самом разгаре, — сказал он, предлагая Оскару табак. Затем он повернулся к Расмусу и произнес еще более приятные слова:

— А не попробовать ли нам плиточку шоколада?

Без лишних слов он взял с полки плитку шоколада, пусть хоть и самую маленькую, но все-таки! Она была обернута красной фольгой, которая сверкала и переливалась, точно драгоценный камень, в его маленьких пухлых пальцах.

— Пожалста, на здоровье, — сказал он.

Расмус пожал торговцу руку и снова расшаркался, так что Оскар одобрительно заметил:

— Вот так, верно, у Карла XII[1] двигались ноги. Теперь поглядим, хватит ли нашей казны на пиво и бутылку фруктовой воды. Тогда у нас было бы все, что надо.

Шел уже четвертый час, и они решили как можно скорее возвратиться в сосновый бор, чтобы подкрепиться там в тишине и покое.

Весть о грабеже, вероятно, еще не успела просочиться. Небольшой городок выглядел таким мирным; Расмус и Оскар проходили по улицам, задумчивым и молчаливым, дремавшим на послеполуденном солнце.

— Вот погоди, узнают, что там стряслось, тогда увидишь, какая пойдет кутерьма, — сказал Оскар. — А этот рохля ленсман, наверно, еще и не нашел письма. Забрасывать ему в окна здоровенные булыжники — пустой номер. Пожалуй, надо, чтобы у него под носом разорвалась бомба, иначе его не добудиться.

За городом на берегу речки стояла гостиница, окруженная небольшим красивым [illegible]. Был час послеобеденного кофе, и целое общество людей восседало за белыми круглыми легкими столиками. И Оскар сказал:

— Я знаю, ты здорово [illegible], Расмус, но здесь мы выступим, даже если это будет стоить нам жизни. Нельзя же пройти мимо [illegible] уймы пятнёриков.

Оскар достал гармонику, и они остановились на почтительном расстоянии от зрителей, которые пили кофе, позвякивая чайными ложечками, с аппетитом уплетая слойки с корицей и венские булочки. Больше всего здесь было дам, шикарных дам в кружевах и рюшах, в шляпах с большими полями. Расмусу доставляло удовольствие смотреть на них — они были красивы и богаты, а ему очень нравились красивые и богатые дамы. Вот такую мать ему хотелось бы иметь. Если бы только теперь среди них нашлась хоть одна, которая согласилась бы усыновить его.

Он уже убедился, что не так-то легко найти себе мать. Они с интересом смотрели на него, эти дамы, но только потому, что хотели послушать его пение. Его и Оскара, больше всего Оскара. Однако ни одна из них не подумала: «Я бы хотела, чтобы этот мальчик был моим».

---

[1] Карл XII — шведский король с 1697 по 1718 г. В 1709 г. потерпел полное поражение от Петра I в Полтавском сражении и позорно бежал с поля боя.

Расмус вздохнул. Но в этот момент Оскар растянул гармонику, и Расмусу надо было подпевать.

Послушайте правдивую историю,
Страшнее я историй не слыхал,
Как президент из Северной Америки
Выстрелом убит был наповал.

Расмус легко запоминал слова и мелодии, и после нескольких часов выступлений по разным дворам он уже знал наизусть все душераздирающие песни Оскара, из которых прямо-таки сочилась кровь.

— Чули-хоп-чанг-чанг-фаллера-лан-лей, — пел он, а глаза его искали среди дам ту, которую он взял бы в матери, если бы ему пр[illegible]авили выбор. За ближайшим к ним столиком си[illegible]ная дама, наверное, хозяйка гостиницы, так [illegible] от времени она отдавала распоряжения девушкам-[illegible]анткам. За одним столиком с ней сидело два расфранчённых господина, с которыми она оживленно болтала. Было заметно, что они ей нравились. Склонив голову набок, она не сводила с них глаз и все время смеялась совершенно без всякого повода. Она то и дело потчевала их: «Дорогой господин Лиф, возьмите еще пирожное», «Позвольте, господин Лиандер, я вам подолью немножко кофе». Казалось, больше всего в жизни ей хотелось угодить этим господам.

Да, господа, которых звали Лиф и Лиандер, выглядели очень шикарно. Они были в белых соломенных шляпах, оба с аккуратными маленькими усиками, а у одного из них в петлице даже красовался цветок.

— Чули-хоп-чанг-чанг-фаллера, — пел Расмус, его звонкий голосок так красиво сливался с густым басом Оскара.

Лиф и Лиандер сидели разодетые в летние костюмы в полоску с узкими-преузкими брюками, и у одного из них были ботинки, которые... ботинки, которые...

Как президент из Северной Америки...

Расмус вдруг умолк на середине песни.

На нем были б о т и н к и... ботинки с верхом из светлой кожи и с черным лакированным кантом внизу... на ногах у господина Лифа!

Вновь воскресли все муки утренних часов. Вернулся страх. Расмус вспомнил жалобные стоны фру Хедберг

и зловещие шаги, когда он лежал, схоронившись за диваном. А здесь вдруг ноги, обутые точь-в-точь в такие же ботинки, как и те, что угрожающе приближались тогда к нему в доме фру Хедберг. Мог он разве петь, увидев эти ботинки! Не помогло и то, что Оскар делал большие глаза, недоумевая, что же с парнишкой стряслось. Он все равно не мог петь. Даже если бы господин Лиф был совсем невиновен и по чистой случайности носил эти ужасные отвратительные ботинки грабителя, то Расмус все равно не смог бы петь. Он почувствовал недомогание и слабость во всем теле и даже перестал ощущать голод. И все из-за этих ботинок!

— Послушай, Хильдинг, завтра мы отправимся ловить рыбку с утра пораньше, — сказал второй господин, сосед Лифа.

Хильдинг! Господина Лифа звали Хильдингом! Грабителя тоже звали Хильдингом, и на нем были точь-в-точь такие же ботинки.

— Да, не мешает получше провести оставшиеся дни, — сказал господин Лиф.

И голос был такой же, как у того грабителя!

— Но вы все же останетесь у нас, хотя бы до конца недели? — с тревогой спросила пышная дама.

— Пожалуй, останемся. Здесь мы чувствуем себя отлично.

Но Расмус этого о себе сказать не мог. Он чувствовал себя прескверно. Ему казалось, что он вот-вот упадет в обморок. И как только Оскар допел до конца песню про президента из Северной Америки, он тотчас схватил Расмуса за рукав, чтобы увести его.

— Что мы теперь будем делать? — спросил Расмус.

Они снова лежали в песчаной яме. Мир был по-прежнему жесток. Расмуса только что вырвало за сосной — из-за стольких треволнений еда не приживалась в животе.

Оскар раздумывал, посасывая трубку.

— Пожалуй, ничего другого не придумаешь, как самому пойти к ленсману, хе-хе-хе... и сказать: я, мол, уверен, что вот эти двое расфранченных господ из гостиницы ограбили фру Хедберг. Как я смогу заставить

ленсмана в это поверить, — «это будет вторая пятерка,— сказала бабуся, — написав семерку».

Он выбил пепел из трубки и надел на спину вещевой мешок.

— Ноги сами упираются, когда нужно идти к ленсману. Но придется нам все-таки тащиться туда.

— Да сжалится над нами небо, — сказал Расмус.— Так обычно говорила тетка Ольга, когда в Вэстерхагу приезжала ревизия, а ленсман ведь еще почище ревизии.

— Ну, теперь я сюда не скоро вернусь, — сказал Оскар. — Настоящий Вавилон![1] Нет, уж лучше жить в деревне, где воров и в помине нет.

Жизнь в этом небольшом городке, который Оскар несколько преувеличенно назвал Вавилоном, порядком изменилась в их отсутствие. Теперь люди группами стояли на перекрестках, и волны всевозможных сплетен захлестывали город. Уже издалека бросалось в глаза, что они обсуждали нечто чрезвычайное, и о чем шла речь, догадаться было совсем не трудно.

— Не мешало бы послушать, что они там болтают,— сказал Оскар, — до того как я отправлюсь к ленсману.

Он вложил пять ёре Расмусу в кулак.

— Валяй беги, купи себе пакетик карамели, да не забывай держать ушки на макушке.

— Я развешу уши, авось что-нибудь проведаю, — пообещал Расмус.

Он бежал вдоль улицы, пока не отыскал бакалейную лавку. Через стеклянную дверь он увидел, что там было довольно много народу. Расмуса это устраивало как нельзя лучше. Ему придется изрядно потомиться в очереди, а тем временем он сумеет кое-что разузнать. Да еще купит карамели. Полный надежд, он распахнул дверь.

А несколько минут спустя он в страшной панике помчался назад к Оскару. Лицо его было белым как мел.

— Оскар, нам надо убираться отсюда! Да поскорее!

— Ну чего там еще? Разве на нас шапки горят?

Расмус в отчаянии схватил Оскара за руку.

— Оскар, Анна-Стина наболтала ленсману, что это ты напал на них.

---

[1] Вавилон — по библейскому сказанию — город всяческих пороков и зла.

Широко раскрыв от удивления глаза, Оскар покраснел от возмущения.

— Я! Но ведь мы с ней не знакомы, она даже не знает, как меня зовут.

— Она заявила, что приходил бродяга, играл на гармонике, и парнишка был с ним. И когда он кончил играть, вошел в дом и угрожал пистолетом ей и фру Хедберг, а потом забрал изумрудное ожерелье фру Хедберг...

Оскар ударил себя кулаком по лбу.

— Ведьма, а не служанка! Ну, попалась бы она мне в лапы, я бы всю эту ложь запихал ей обратно в ее грешную пасть, чтобы она там так и [illegible]. Но фру Хедберг! Что говорит она?

— Думают, она умрет. Она [illegible] не может сказать, лежит как мертвая... сердце [illegible] чуть бьется. К ней доктор приходил.

На висках у Оскара [illegible]. Лицо его побагровело от гнева, и он снова [illegible] себя кулаком по лбу.

— Мать честная! [illegible] врать все, что ей взбредет в голову, а ленсман, вишь, верит каждому ее слову.

Расмус потянул его за [illegible].

— Оскар, давай уйдем [illegible]

— Только этого еще не хватало, — со злостью сказал Оскар. — У ленсмана я [illegible] эту врунью к стене, и пусть попробует тогда сказать, что это был я.

У Расмуса слезы навернулись на глаза, и он пробормотал, совсем убитый.

— Оскар, тебя же заберет ленсман. Ты ведь сам говорил, что ленсман не верит бродягам. А если ты попадешь в кутузку, тогда...

Он умолк. Он был не в силах подумать о том, что произойдет, если Оскар попадет в кутузку...

Да и сам Оскар не мог отважиться на этот шаг. Злость его вдруг вся испарилась. Он стоял, опустив руки, расстроенный и озабоченный.

— Нет, уж если я пойду к ленсману, то пиши пропало. Это ты верно говоришь. Если я скажу, что это дело рук Лифа и Лиандера, то ленсмана от смеха кондрашка хватит.

— Да к тому же эта ведьма-служанка будет врать почем зря, — добавил Расмус.

Оскар утвердительно кивнул головой.

— Да и фру Хедберг лежит пластом и ни слова не может вымолвить в мою защиту. Нет, если я пойду к ленсману, то пиши пропало...

Он схватил Расмуса за руку.

— Давай убираться отсюда побыстрее, покуда не поздно. — Он поспешно вышел на улицу, увлекая за собой Расмуса.

— Если еще не поздно, — пробормотал он.

Не так-то просто уйти из этого города, где теперь каждый житель выслеживал бродягу с гармонью.

Но им повезло. По безлюдным улицам, тайком выбрались они из города, торопливо, в полном молчании миновали заставу. А впереди их ожидало пустынное безмолвие дороги.

— Вот спасаемся бегством, точно двое убийц-рецидивистов, — промолвил Оскар, когда он, наконец, решился раскрыть рот.

Расмус замедлил шаг. Он так запыхался, что едва мог говорить:

— А ты-то ведь совсем не виноват, Оскар!

— Невинен, как невеста!

— И я тоже, — сказал Расмус.

— А ты и подавно, — согласился Оскар.

Он обернулся и со злобой посмотрел на город, красные крыши которого выделялись на фоне летней зелени.

— Вавилон, — сказал он. — Как хорошо опять снова очутиться на большой дороге.

Всем сердцем Расмус был согласен с ним. На дороге не было ни воров, ни бандитов, здесь царил покой; у обочины цвели подмаренник и львиный зев, а с полей доносился сладкий и душистый запах клевера. Солнце скрылось, и кругом все затихло, как перед дождем. Величественно, словно корабли, проплывали по небу серые пышные облака, а под ними, насколько хватал глаз, извивалась дорога, одинокая и пустынная. У самого горизонта, где земля сливалась с облаками, дорога уходила прямо в небо.

— Куда мы сейчас идем? — спросил Расмус.

— В одно местечко, где можно спрятаться, — ответил Оскар. — Ручаюсь, такое место тебе навряд ли приходилось видеть.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Опустевший хутор стоит у самого моря. Пять небольших серых домишек забились в расщелины таких же серых скал. Все кругом серо и убого испокон века. Даже море становится серым, когда летний день клонится к вечеру и серые тучи, набухшие от дождя, нависают над хутором, в котором никто не живет.

Сюда и пришли бродяги. Тому, кто хотел скрыться, это было самое подходящее м[illegible]десь не было людей, здесь обитали только безм[illegible]стение и тоскливое одиночество.

— Оскар, куда подевались люди, которые жили в этих домах? — спросил Расмус.

Оскар расположился на уступе скалы. Сняв носки и ботинки, он с наслаждением шевелил пальцами ног, радуясь вечерней прохладе.

— Не иначе как в Америку сбежали всем скопом. Давным-давно.

— Они что, не хотели тут больше жить?

— Э, нет... В домах, поди, стало уж слишком бедно, убого и голодно. Да и рыба, верно, перевелась в море, и пашни-то у них какие — лоскуточки, жалость одна.

Расмус понимающе кивнул головой.

— Ага, по бедности, значит! Но места для купания у них были что надо, — заметил он, одобрительно разглядывая кристально чистую воду, плескавшуюся у подножия скалы. — В Америке-то у них небось таких хороших мест не будет.

— Хо-хо, уж если им приспичит, они смогут искупаться в самом чистом озере в Миннесоте, — предположил Оскар.

Расмус улыбнулся. Самое чистое озеро в Миннесоте. До чего красиво! Вот бы увидеть его хоть разок! И это озеро, да и все другие озера, горы и реки, какие только

есть на земле. Он попытался представить себе, как эти люди бродили по Америке в поисках самого чистого озера в Миннесоте. Наверное, тогда они вспоминали чудесный скалистый берег у себя дома и гадали, живет ли кто-нибудь в серых домишках на берегу моря.

— Пойду погляжу, — сказал он и побежал к ближайшему домику. Ему хотелось увидеть, не осталось ли там каких-нибудь следов от переселенцев в Миннесоту.

Сквозь разбитое ветром стекло он заглянул в крохотную жалкую кухоньку с закопченными потолочными балками и черной от сажи плитой. Подумать только, сколько лет прошло с тех пор, как люди готовили здесь еду! Жаль было домов, в которых никто не жил. Всеми покинутые и одинокие дома, казалось, томительно ждали, что кто-то придет и поселится в них, затопит печь, поставит кофе и сварит кашу для детей.

Расмус вынул несколько разбитых стекол из рамы и влез в комнату. Сухие листья и всякий мусор покрывали пол, который по-старчески заскрипел под его босыми ногами. Он подошел к плите и заглянул в дымоход, — когда же здесь в последний раз горел огонь. Но этого никогда не узнать. Когда-то этот дом был семейным очагом.

Останься он таким и сейчас, можно было бы зайти и пожить в нем. Но будь этот дом населен людьми, Расмусу пришлось бы стоять у порога кухни, как и всякому бродяге. У хозяев были бы свои дети, зачем им еще какой-то мальчишка из приюта? Но ведь можно представить себе, что...

Он подбежал к окну.

— Оскар, мы останемся здесь? — [illegible]кричал он.

— Да, по крайней мере, на ночь, — отозвался Оскар со своей скалы.

Расмусу было весело в пустых [illegible] миннесотских переселенцев. Он обежал вприпрыжку [illegible] лестницы, коридоры, кухни и низенькие [illegible]. Он долго приглядывался и, наконец, выбрал [illegible] был лучше защищен и меньше други[illegible] от ветра и непогоды.

В нем была такая же [illegible] кухонька и тесная маленькая камор[illegible] домах, а шаткая лесенка вела на [illegible] мансарду под крышей. Но все-та[illegible], и даже можно было представить себе, что [illegible] настоящий дом. И уже совсем нетрудно пр[illegible], что Оскар — твой отец. А если продолжить [illegible] же духе, то Оскар из бродяги превращался в богатого торговца. Правда, как ни досадно, а жены у торговца не было.

Но можно было представить, что она ненадолго уехала, ну хотя бы в Миннесоту, и скоро вернется домой с кружевным зонтиком от солнца и в голубой шляпке с перьями. Ей полагается быть нарядной, когда домой едет, и не забыть при этом привезти заморские подарки ему и Оскару. И они втроем будут жить в доме и станут ужасно богатыми.

Но в доме должна быть мебель: столы и диваны, такие же, как у фру Хедберг, а еще ковры и гардины.

Ему так страстно хотелось иметь все это, что мебель, казалось, вот-вот должна была вынырнуть из-под пола. Но представить себе стол из красного дерева и цветастые диваны в этой холодной комнате было непосильной задачей даже для Расмуса.

Тут он вспомнил, что видел свалку у дороги, неподалеку от дома. Туда и отправился Расмус. Чего только не выбрасывают люди на помойку, — может, там найдется что-нибудь подходящее вместо мебели.

Вернулся Расмус оттуда не с пустыми руками. Он принес с собой ящик из-под сахара, несколько ящиков из-под маргарина и другие вещи, которые ему посчастливилось найти. Ящик из-под сахара заменит им стол, но сперва его нужно отмыть в море.

Однако прежде всего нужно подмести в доме. Он наломал веник и, как умел, расчистил пол от мусора и пыли. Потом внес свой стол и поставил на него вместо вазы пустую бутылку с яркой наклейкой — веткой цветущего миндаля; ящики из-под маргарина стали стульями, ну а ковры и гардины пришлось дополнить воображением.

Тем временем Оскар пропал. Он ушел в лес за еловыми ветками, чтобы было на чем спать, и, когда он вернулся, Расмус закричал:

— Неси сюда постели!

Оскар не отличался богатой фантазией, но все-таки он сообразил, что попал в прекрасную комнату. Он стоял на пороге с полной охапкой душистых еловых веток и, шаркая, вытирал ноги.

— Пожалуй, тут перед тем как войти, нужно вытереть копыта. Куда прикажете положить перины из гагачьего пуха, сюда или в гостиную?

— Положи их там, — сказал Расмус и указал на угол комнаты. Оскар послушно соорудил постель из еловых веток, и теперь Расмус был вполне доволен всем. Яркая зелень хвои украсила комнату, придала ей домашний уют, с успехом заменив кровать и ковер.

— Как славно, что ты успел все прибрать, — похвалил Оскар, — дождь того и гляди пойдет.

И только он вымолвил это, как хлынул дождь. Он застучал по треснувшему стеклу и забарабанил по крыше, на улице сразу потемнело. Но Расмусу было хорошо. В дождь он еще острее почувствовал, что значит иметь свой дом.

— Не пожевать ли нам немножко? — робко предложил Расмус.

Утром они наспех поели прямо у обочины, и то не досыта. И, когда появился стол, захотелось воспользоваться им. У Оскара еще осталось многое из того, что они купили у Хальтмана, и он выложил на ящик хлеб, масло,

сыр, ветчину и колбасу. Они сидели каждый на своем ящике из-под маргарина, ели, прислушиваясь к дождю, и Расмус думал:

«Никогда я не забуду этого. Никогда не забуду, как нам было уютно, когда на улице шел дождь, а мы сидели и ели».

Он не решался рассказать Оскару, что он выдумал для них настоящий дом. Но, глядя на своего друга-бродягу, жевавшего бутерброд, Расмус все-таки произнес:

— Представь, Оскар, если бы ты был моим отцом и мы бы жили вместе в одном доме!

Оскар откусил здоровенный кусок бутерброда.

— Да, это было бы великолепно! Отец — бродяга! Зажили бы мы с тобой на славу!

Расмус призадумался. Ему, [illegible], хотелось, чтобы его родители были богатые и [illegible]ые. Все-таки отец-бродяга это не совсем то, [illegible] мечтал, вот если бы Оскар был богатым крас[illegible]м!

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Бродяги закончили ужин и улеглись в углу на своих постелях из еловых веток. Оскар взял обрывок одеяла, в который он заворачивал свою гармонь, и укрыл Расмуса, чтобы тот не замерз.

«Папа, — думал Расмус, — он накрывает меня красным шелковым одеялом. Ведь мама в Миннесоте и не может сейчас позаботиться обо мне. Она купается в прозрачном озере за тридевять земель и пишет домой письма: «Я скоро вернусь и всего, всего привезу с собой. Потеплее укрывай Расмуса по вечерам, не жалей для него красного шелкового одеяла, а я скоро приеду».

За окном сгущались сумерки. С моря подул ветер, затаивший было дыхание во время дождя. Теперь он снова разгулялся и трепал тоненькие березки во дворе. Все настойчивее бились волны о скалистый берег. В домике проснулось много удивительных звуков. Скрипели стены, а из разбитых окон доносились вздохи и стоны. Где-то распахнулась дверь, которая без устали стучала и хлопала, пока не вывела Оскара из себя.

— В этой двери нечистая сила. Тот, кто захочет здесь уснуть, не сомкнет глаз ни на минуту. Это уж как пить дать.

Расмусу было страшно, его беспокоили все эти шорохи и скрипы. С широко открытыми глазами лежал он в углу, уставившись в полумрак, точно маленький испуганный зверек.

— Послушай, а [illegible] тут водятся привидения? — прошептал он [illegible] придут и заберут нас...

Но Оскар был не из [illegible]ливых.

— Увидишь [illegible] передай им от меня, пусть скорее бегут [illegible] явится Праведная Кукушка и устроит им [illegible].

Но Расмус [illegible].

— [illegible] раз увидела бело[illegible]левую соб[illegible] вырывалось пламя.

— Видать, [illegible] не было. Никаких привидений нету.

— Нет, все [illegible], что говорил Стуре Петер? Он расск[illegible] появляется и хватает того, кто в [illegible] ночи двенадцать раз обежит вокруг церкви.

— Чудище, [illegible] чертовски правильно. С чего это человеку [illegible] церкви носиться? Это уж надо быть совсем [illegible].

Оскару не хотелось больше говорить о привидениях, он совсем засыпал. Расмусу тоже хотелось спать, хотя он вздремнул немного, когда они лежали в песчаной яме. Лучше бы ему уснуть сразу, но вздохи и скрипы не давали ему покоя. Оскар уже захрапел, а Расмус еще долго лежал и прислушивался в темноте.

И вдруг он услышал голоса. Да, да, это были голоса!

Серые старые дома, пожалуй, могут вздыхать и скрипеть на ночном ветру, но когда слышишь голоса, то это уже идут привидения. С жалобным криком он бросился к Оскару.

— Оскар, идут привидения, я слышал, как они разговаривали между собой!

Оскар спросонок сел в постели из еловых веток.

— Разговаривали? Кто это разговаривал?

Он окончательно проснулся и напряженно прислушивался. Да, Расмус был прав. Кто-то разговаривал совсем рядом.

— Охо-хо, ну теперь опять попадем к ленсману. — прошептал Оскар.

Он подполз к окну и встал на колени, с беспокойством вглядываясь в темноту. Расмус тоже уставился в окно, стараясь хоть что-нибудь увидеть. Он совершенно обезумел от страха и в отчаянии грыз ногти.

— Я за то, чтобы прихватить добычу да смыться отсюда поскорее, — услышали они чей то голос. Голос принадлежал человеку, стоявшему под окном. Но вряд ли ленсман мог сказать что-нибудь подобное.

— Я беру это на себя,— ответил кто-то другой. И этот голос Расмус сразу узнал. Голос Хильдинга Лифа он различил бы среди тысячи других.

Расмус крепко вцепился в руку Оскара, все сильнее и сильнее сжимая ее. Там, под окном, совсем рядом, находились Лиф и Лиандер. Он [illegible] их гораздо больше, чем ленсмана и всех [illegible] взятых.

И вот они входят! [illegible] в дом, они уже в кухне. Он слышал, [illegible] ногами скрипели половицы. Что им тут [illegible]? Неужто на земле не найдется места, где [illegible] пожить спокойно, без грабителей?

А те продолжали [illegible] в кухне. Дверь, ведущая из комнаты Расмуса на кухню, была неплотно прикрыта, оставалась широкая щель, и оттуда доносилось каждое слово.

— А по-моему, выжидать дальше опасно, — произнес голос Лиандера. — Я хочу улизнуть отсюда побыстрее.

— Не пори горячку, — отрезал Лиф. — Ежели мы начнем паниковать, то все испортим. Не годится нам вдруг ни с того ни с сего уматывать отсюда, как раз когда у старухи пропало ожерелье. Понял? Мы никогда не были в Сандё. Понял? Совесть у нас чиста. Мы поживем в гостинице до конца недели и заметем следы. Ясно? Ну кто станет жить в гостинице в нескольких милях от Сандё, да еще целых две недели, ежели совесть у него нечиста. Понял?

— Да, чего тут не понять? Ты мне об этом сто раз твердил. Но я хотел бы прихватить деньги и смыться, а то мы со своей чистой совестью досидимся тут, покуда не влипнем.

— Сделаем, как я сказал, захватим добычу и в субботу утром спокойненько отправимся на двухчасовом поезде, и ни одна рожа не посмеет болтать глупости про ожерелье или о чем-либо другом.

Было слышно, как они вынули несколько расшата[illegible]ных половиц и довольный голос Лифа тихо прои[illegible]:

— Душа радуется, когда видишь такое богатство!

Некоторое время царила благоговейная тишина. За[illegible]тем Лиф сказал:

— Думаю, ожерелье стоит тысяч пять — шесть. [illegible] меньше.

— А мне все-таки очень хотелось бы побыстрее отделаться от него, — продолжал настаивать на своем Лиандер. — В Санде все сошло хорошо, а вот с этой Анной-Стиной дело дрянь. Ну я понимаю, ходил бы к своим разлюбезным девицам, если уж тебе так хочется, но в компании с бабкой [illegible]ивать д е л и ш к и — все равно что рыть себе [illegible]

— Трусишь? [illegible]ьно бросил Лиф.

— Сам ты трусишь. [illegible]росто чую недоброе. Что будет, ежели старуха вдруг очухается?

— Этому не бывать. [illegible] и так уж зажилась на свете.

— Так я ведь говорю «[illegible]если»! Вдруг она придет в себя и расскажет все как было? А судья вытянет из Стины всю правду об этом бродяге. Вот дуреха эта Анна-Стина, нечего ей было сваливать все на бродягу. Стоит судье понять, что Стина сбрехнула, он в пять минут выудит у нее, кто мы такие. А после — еще пять минут, и нас снова застукают.

— Да успокойся ты, — сказал Лиф. — Каркаешь весь день, слушать осточертело. Стина еще не попалась, да и старуха уж больше не разинет клюв.

Лиандер что-то пробурчал недовольно.

— Наш клад в надежном месте, — продолжал Лиф, — куда удобнее, чем зарывать в лесу. Всегда легко найти, да и притом в этом месте никогда никого не бывает.

— Ежели ты сам не наведаешься сюда до субботы, — кисло отозвался Лиандер.

Лиф разозлился:

— Ты что, не доверяешь мне?

Лиандер разразился коротким сухим смехом.

— «Ты что, не доверяешь мне», — сказал Лис и откусил голову Петуху. Нет, отчего же, я доверяю тебе так же, как и ты мне.

Расмус сжимал руку Оскара — все это было свыше сил человеческих: до смерти любопытно и невыносимо страшно. Бывают же такие злодеи, которые желают смер-

ти другим. Какой ужас находиться рядом с этими грабителями, всего лишь в нескольких метрах от них. Расмусу хотелось быть подальше отсюда; одно его «я» желало убраться из этого дома как можно скорее, а другое хотело остаться и посмотреть, что же произойдет, это «я» жаждало самых необыкновенных таинственных приключений. Он навострил уши и услышал, как грабители снова загремели досками, наверное, прятали деньги обратно. Но пусть только они уберутся.

— Ну что ж, пошли, — сказал Лиандер.

— Потопали, — ответил Лиф.

Расмус был готов облегченно вздохнуть, как вдруг Лиф произнес нечто ужасное.

— Пойду посмотрю, нет ли там моей трубки. Я забыл ее в прошлый раз. Помнится, я оставил ее там на окне.

«Там» могло означать только в той самой комнате, где Оскар и Расмус сидели [illegible] в углу. Расмус еще крепче прижался к Оскару, испуганный до того, что у него закружилась голова. Он почувствовал, как у Оскара напряглись мускулы и как тот приготовился драться... Но ведь у грабителей пистолеты... Теперь-то уж настал их последний [illegible]

Торопливые шаги все ближе, дверь рванули, и карманный фонарик осветил пол. А посреди комнаты стояла великолепная мебель Расмуса. Но конус света не задерживаясь метнулся прочь от ящика из-под сахара. Грабитель, по-видимому, не нашел ничего странного в том, что он там стоял. Он не вскрикнул, не удивился. Но что бы с ним стало, если бы он увидел Оскара и Расмуса! Они еще глубже забились в свой угол и ждали; мускулы на руках у Оскара напрягались еще сильнее. Но вдруг...

— Эй, ты, твоя трубка здесь, — донесся до них из кухни голос Лиандера. — Она лежит тут на окне.

Лиф торопливо повернул назад. Угрожающий конус света померк, и грабитель исчез за дверью, так и не обнаружив их в дальнем углу. И это было диво дивное, потому что даже в самом сумрачном углу не было достаточно темно. Но тот, кто ищет маленькую трубку, может не обратить внимания даже на двух больших бродяг.

— Пронесло, — сказал Расмус, когда грабители ушли. Но он осмелился снова заговорить лишь тогда, когда злодеи вышли из дому и их поглотила штормовая ночь.

— Идем, — сказал Оскар, доставая свой карманный фонарик. — Идем-ка взглянем на этот надежный тайник, который ничего не стоит отыскать. Пресвятой Петр, до чего же интересно!

Они кинулись в кухню, сердце Расмуса отчаянно билось, ему мерещился несметный клад пятиёровых монет.

Свет от карманного фонарика Оскара шарил по гнилым доскам пола. Оскар осматривал каждую доску, пробуя ногой, прочно ли она лежит.

— Нашел!

Он проворно [illegible] доску около плиты, затем еще одну и карманным фонариком осветил углубление под полом. Там была [illegible]льная выемка, в которой лежал большой пакет [illegible]но завернутый в клеенку. Он развернул его.

— Ой! — вскрикнул [illegible].

Длинными рядами [illegible] вплотную нарядные пачки сто- и тысячекроновых [illegible]тов, вся заработная плата с завода в Сандё. Там [illegible] пятиёровых монет, но по изумленным глазам Оскара [illegible]смус мог догадаться, что и это были деньги немалые.

— Неужто на свете бывает столько денег? — произнес Оскар. — Вот уж никогда бы не поверил.

Там лежало и ожерелье — золотая цепь с подвесками из больших зеленых камней. Ничего более красивого Расмусу не приходилось видеть за всю свою жизнь. Правда, и видел-то он не так уж много.

Расмус вздохнул с облегчением.

— Подумай, теперь фру Хедберг сможет получить свое ожерелье назад. Если она жива...

Оскар задумчиво перебирал пальцами золотые звенья ожерелья.

— Я надеюсь, что она жива и я еще спою ей «В каждом лесу свой ручей». И она даст мне пятьдесят ёре.

— Завтра, — радовался Расмус, — завтра мы отправимся к ленсману с деньгами и к фру Хедберг с ожерельем.

Оскар покачал головой.

— Ну уж это дудки.

— А что же нам тогда делать? — спросил Расмус.

— Не хочется мне снова совать нос в это осиное гнездо. Опять брехливые служанки и весь этот шум и гам, и «что Оскар делал в четверг» — нет уж, мы лучше

спрячем все это в другом месте и напишем новое письмо ленсману: «Будьте добры зайти за деньгами, а то вы их прозеваете». А потом мы с тобой — снова в дорогу, и пускай ленсман сам расхлебывает кашу, ему за это платят деньги, а я ему в помощники не нанимался.

Оскар взял вещевой мешок и начал запихивать туда пачки денег.

— Только бы не заявился ленсман и не застукал меня теперь, когда я понесу на себе половину всех запасов государственного банка. Вот тогда меня наверняка засадят на всю жизнь.

Он взял ожерелье и в шутку застегнул его на шее Расмуса.

— Давай-ка сделаем из тебя красавца, хоть раз в жизни. Теперь ты выглядишь как сам царь Соломон во всем своем великолепии. Правда, веснушками ты его перещеголял.

Маленький и худой, стоял «царь Соломон», освещенный светом карманного фонарика, а на шее у него сверкали изумруды.

— Да и волосы у меня прямые, — с огорчением признал Расмус. Он рванул ожерелье. Оно ему было ни к чему. Но времени снять ожерелье уже не нашлось.

Потому что голоса п о с л ы ш а л и с ь снова!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Скорее, — прошептал Оскар. — Скорее отсюда!

Они кинулись в сени. Но слишком поздно. Теперь голоса слышались уже рядом, у самой входной двери. Этот путь был закрыт для них.

— Скорее наверх, на чердак!

Оскар подталкивал Расмуса перед собою по узкой крутой лестнице, где Расмус совсем недавно так весело прыгал. Сейчас он спотыкался, как больной, да он и чувствовал себя больным, больным от страха перед этими двумя грабителями, которые, распахнув настежь входную дверь, только что ворвались в темные сени.

Оскар и Расмус замерли на лестнице. Они не смели пошевелиться. Они едва осмеливались дышать, боясь, как бы шелест дыхания не выдал их. Оцепенев от ужаса, Расмус не мог оторвать взгляда от двух мрачных призраков внизу. Они превратили жизнь в сплошной кошмар. О, как он ненавидел их!

— Да, и вправду, никаких ящиков тут не было, когда мы были здесь в последний раз.

Это был голос Лифа. Тут он нетерпеливо изо всей силы рванул дверь на кухню.

— У тебя-таки мозги набекрень, если ты не сообразил поднять тревогу. Ты же видел, что сюда переехала целая фанерная фабрика, — обвинял Лиандер. — Ящики ведь не сами притопали сюда, уж до этого по крайней мере ты мог додуматься.

— Сразу-то не взял в толк, — оправдывался Лиф. — Знаешь, как другой раз бывает, — смотришь на вещь, и все же её не видишь. А потом, немного погодя, вдруг — бац, словно тебя обухом по голове: и откуда только взялись ящики.

— Смотришь и не видишь! В нашем деле это дорого может обойтись. Но теперь добычу надобно прибрать отсюда!

«Ха, добычу уже прибрали», — подумал Расмус. Несмотря на страх, он почувствовал головокружительную радость торжества. Но его восторг тут же погас, потому что из кухни донесся бешеный вой и яростный крик Лифа.

— Скорее за ними! Далеко уйти они не могли.

Очертя голову выскочили грабители в сени. Разъяренные, как ищейки, ринулись они к дверям, чтобы выследить и настичь неизвестного врага, который отнял у них добычу, и расправиться с ним, как только поймают его. В самых дверях Лиф внезапно остановился.

— Стой! Сперва мы проверим, нет ли их в доме. Здесь внизу никого нет. Но, может, они наверху, на чердаке.

Он помчался вверх по лестнице и с разбегу наскочил на сжатый кулак Оскара. Он взвизгнул и, взмахнув руками, опрокинулся навзничь прямо на Лиандера. Расмус тоже завизжал, прижавшись к широкой спине Оскара. Он завизжал потому, что [illegible] как Лиандер вытащил свой мерзкий пистолет, и [illegible] тот произнес дрожащим от злости голосом:

— Еще один шаг, и я пр[illegible]ю тебя!

А Лиф уже снова б[illegible]х. Свет его карманного фонарика осветил двух б[illegible] на лестнице. При виде «царя Соломона» во всем его великолепии у Лифа захватило дыхание.

— Ожерелье у мальчишки на шее!

Грабители уставились на него, не веря глазам своим.

— Расмус, беги! — крикнул Оскар.

Он стоял, широкоплечий и громадный, загораживая собою узкий лестничный проход.

— Беги! — крикнул он громовым голосом.

И Расмус побежал. Словно загнанная мышь, метнулся он вверх по лестнице, прошмыгнул через маленький убогий чердак и очутился в мансарде, где ветер так сильно раскачивал пустые оконные рамы, что они скрипели. Под окном тянулась крыша кухонной пристройки. Он перемахнул через карниз — лазить-то по крыше он умел, прыгать с такой высоты ему тоже приходилось не раз. От крыши до земли было несколько метров, но, если на то пошло, он прыгнул бы даже с колокольни. Он слегка разбил себе колени, но обращать внимание на боль ему было некогда. Он чувствовал себя обезумевшей от страха мышью, за которой гналась кошка. Он уже слышал, как

Лиф огибает угол дома, чтобы пристрелить его на месте. И Расмус помчался так, словно за ним гналась смерть, да он и сам теперь сознавал, что в самом деле его жизнь висит на волоске.

О далекие переселенцы в штате Миннесота, если бы вы только знали, что происходит сегодня ночью в вашей серой деревне на берегу моря. Там, преследуемый грабителем, мечется как угорелый испуганный мальчуган с изумрудным ожерельем на шее. Вокруг нет никого, кто помог бы ему. Молчат серые домишки, покинутые всеми, их окна мертвы и смотрят в темноту пустыми глазницами. Ни одна добрая рука не откроет ему дверь в эту штормовую летнюю ночь, ни один добрый голос не окликнет его из открытого окна: «Заходи к нам, и мы укроем тебя».

Ничего похожего нет и в помине, он может рассчитывать только на свои ноги, этот босоногий мальчуган в приютской рубашке в голубую полоску, заплатанных домотканых штанах, с изумрудами на шее. И вот он мчится во весь опор, пытаясь укрыться за ближайшим домом. Дом этот некогда принадлежал Перу Андерсу, но об этом не знает парнишка, который пробегает тут, спустя много лет после того, как Пер Андерс уехал в Америку. С бьющимся сердцем Расмус пережидает ровно одну секунду, пытаясь сообразить, в какую сторону ему бежать. Но времени у него в обрез, потому что преследователь уже выскакивает из-за угла. От ветра волосы у грабителя разметались во все стороны. Это уже не расфранченный господин в соломенной шляпе, а оголтелый разбойник, жаждущий во что бы то ни стало поймать паренька.

Дикий страх подгоняет Расмуса. Он бежит быстро, но у преследователя ноги подлиннее, и тот бежит еще быстрее. Грабитель настигает его, он все ближе и ближе. Когда Расмус оглядывается, он видит те же длинные ноги, передвигающиеся необычайно стремительно, и развевающиеся по ветру космы.

Около дома Пера Андерса стоит дом Карла Нильса, весь облепленный пристройками. Забежав за ветхую столярную мастерскую Карла Нильса, Расмус внезапно останавливается. Он неподвижно стоит на месте, со страхом ожидая появления врага. Вот показывается грабитель. Но он проносится мимо. Он не видит мальчугана,

прижавшегося к срубу столярной мастерской. Расмус получает несколько секунд передышки.

Но кошка снова находит мышь: Лиф видит, как его жертва мчится обратно к дому Пера Андерса, и припускается за ней. Расмус бежит, останавливается, чтобы перевести дух, снова бежит; он намного опередил своего врага, но все же состязаться с Лифом в беге ему не под силу. Он должен непременно [illegible] какой-нибудь тайник, и как можно скорее. Дом Пера Андерса... он влетает туда, но, милосердное небо, какие могут быть тайники в совершенно пустом доме?

Там стоит дровяной ларь[1]. Сколько маленьких детей играло в прятки здесь в минувшие годы. Они забирались в дровяной ларь и, довольно ухмыляясь, захлопывали за собой крышку. Но ни разу [illegible] из них так не замирало сердце и ни [illegible] с таким ужасом, как этот малыш, [illegible] там сейчас, ожидая, что вот-вот появятся [illegible] руки и вытащат его из тайника. Мышелов[illegible] за мышью. Если Лиф разыщет его [illegible].

А Лиф тут как ту[illegible], как гулко раздаются его шаги по [illegible] совсем близко, каждую минуту он может [illegible]. Но, наверное, ему никогда не приходилось [illegible] в прятки, он, пожалуй, и понятия не имеет о [illegible] ларях. Иначе он не помчался бы прямо в комнату, [illegible] в сени, оттуда по лестнице на самый верх. И вот сейчас он топает по чердаку. Он прекрасно знает, что мальчишку надо искать где-то в доме, он шлет проклятия и беснуется там наверху.

А Расмус между тем успевает выскочить из дровяного ларя и уже снова на улице. Он надеется, что теперь-то ему удалось обмануть Лифа, он заклинает небо, чтобы его оставили в покое.

Но Лиф из чердачного окна видит, как маленький босоногий парнишка мчится по двору, его худые ноги отбивают дробь, словно барабанные палочки. В два прыжка грабитель спускается с лестницы и устремляется за Расмусом, неумолимый, как судьба.

Теперь погоня продолжается по заброшенной деревенской улице. Бывало, по этой дороге быки тащили на гум-

---

[1] **Дровяной ларь** — дощатый сруб для дров с навесною крышкой.

но возы с овсом Пера Андерса и сеном Карла Нильса, а летними вечерами вдоль всей деревенской улицы дети катали обручи и играли в тишине и покое. Никто до него здесь не мчался так, сломя голову, спасая свою жизнь. А вот сейчас по улице опрометью несется маленький босой мальчуган, преследуемый грабителем. Они бегут через всю деревню и дальше к морю. Неужели малыш собирается прыгнуть в воду? Грабитель припустил еще быстрее. Ему хочется поскорее разделаться с мальчуганом.

В море упираются ветхие мостки, а рядом полусгнивший лодочный сарай.

Расмус вбегает на мостки, они прогибаются под его тяжестью, но они прогибаются еще сильнее, когда Лиф прыгает на них. Грабитель уже скалит зубы в торжествующей улыбке, теперь-то [illegible] мальчишке не уйти от него. Прыгнуть на мостки — [illegible] глупости тот не мог придумать, потому что обр[illegible] для него нет. Теперь-то малышу не уйти от [illegible] только тот не захочет прыгнуть в воду и утонуть.

Мостки идут углом. Возле лодочного сарая они делают поворот.

Расмус мчится по шатким мосткам. Во время дикой погони рубашка вылезла из штанов и, словно парус, надувается за его спиной. Краешек этой рубашки в голубую полоску — последнее, что видит Лиф, прежде чем Расмус скрывается за лодочным сараем.

Мостки трещат, Лиф гонится по пятам. Сейчас... вот, наконец-то этот проклятый мальчишка получит по заслугам! Лиф на полном ходу сворачивает за угол сарая.

И вдруг больше не слышно его гулких шагов. Слышен лишь сильный всплеск. Не успевает господин Лиф выругаться, как соленые морские волны смыкаются над его головой. Правда, он все же пытается излить душу, но получается всего лишь «буль-буль».

Какое-то мгновение Расмус почти счастлив, кой-чему он, во всяком случае, научился в этой старой Вэстерхаге! Как-никак, они там не только окучивали картошку, но и учились ставить подножку.

Отфыркиваясь и изрыгая проклятия, Лиф всплывает. Он не задерживается в воде, хотя здесь такое прекрасное место для купания. Злой, как паук, он выбирается на мостки, и Расмус чуть не плачет при мысли, что ему ни-

когда не избавиться от этого безжалостного человека. Но так просто он врагу не сдастся. Он будет убегать от него, пока не упадет замертво. И этого, наверное, уже недолго ждать, потому что сердце его колотится так, словно готово разорваться на части.

Назад по ветхим мосткам. Потом вдоль деревенской улицы. Через двор Карла Нильса. Все это похоже на кошмарный сон. Расмус опять намного впереди, но по пятам за ним мчится его лютый враг, мокрый, всклокоченный, не знающий пощады: Расмусу не уйти от него!

Вот на пути показывается картофельный погреб Пера Андерса. Расмус заглядывал в него еще раньше, когда выбирал себе дом. Тогда он постоял там несколько минут, представляя себе, что у него целых пятьдесят мешков картошки, из которой он приготовит картофельное пюре.

Совершенно обессиленный, пытается он скрыться во мраке погреба. В отчаянии он надеется, что Лиф все же не так близко, чтобы видеть его убежище, и что ему в голову не придет искать име[illegible]есь. Жалкая, робкая надежда, которая тотчас [illegible].

Он уже слышит, как [illegible] щеколда. Это заявился Лиф. Весь мокрый и зл[illegible]вершенно обезумел от ненависти к этому мал[illegible] плуту, который позволяет себе так долго сопроти[illegible]. Лиф не медля врывается в сарай...

Но ведь, кроме подножки, имеется множество других подвохов, которым можно научиться в Вэстерхаге. Например, подкараулить противника у входной двери и, когда тот опрометью врывается в нее, стремительно выпрыгнуть на улицу за его спиной. Это как раз и делает Расмус. Быстрый, как ласка, он выпрыгивает на улицу, в панике захлопывает дверь и поворачивает ржавый ключ. И только когда он слышит жуткое рычание Лифа за дверью, до него доходит, что он действительно сделал.

Еще полный страха, он испытывает огромную радость победы при мысли, что он запер своего врага в старом картофельном погребе Пера Андерса. Правда, о том, что это погреб именно Пера Андерса, он, разумеется, не знает.

Но теперь ему так хочется видеть Оскара, что он готов расплакаться. Ноги у него дрожат. Он смертельно

устал. Ему так хочется видеть Оскара, что становится невмоготу. А вдруг Оскара убили...

Собрав последние силы, Расмус крадется к своему «собственному дому». Он приближается осторожно: ведь ему не известно, где сейчас Лиандер и где Оскар.

Тем временем забрезжил рассвет. Скоро и солнце взойдет над заброшенной деревней миннесотских переселенцев, где в эту ночь никто не ведал сна.

Расмус ложится в траву и ужом подползает к окну кухни. Он медленно приподнимается на колени и заглядывает в пустую оконную раму, в которой уже давно нет стекол.

Там совсем бли[illegible] к окну стоит Лиандер, а на другом конце комн[illegible] Оскар, с поднятыми вверх руками. В рука[illegible]столет, а у ног вещевой мешок Оскара.

— Давай пали,— [illegible]ар. — Одним бродягой больше или меньше н[illegible] велика беда.

— Уж будь уверен, [illegible] меня так и зудят,— сказал Лиандер. — Ежели [illegible] сразу не пристрелил на месте, то только потому, что не хотел огорчать ленсмана. Он ведь горит желанием засадить тебя за разбой в Сандё, это тебе известно? И за то, что ты ограбил госпожу Хедберг, это тебе тоже известно?

— Господи, бывают же такие свиньи, как ты,— спокойно ответил Оскар. — Ну а если я возьму и расскажу ленсману, что вы с Лифом за птицы?

Расмус заплакал, лежа под окном. Он прекрасно знал, что ленсман ни за что не поверит бродяге, и Оскару это было тоже хорошо известно.

Лиандер зло рассмеялся.

— Во-во, попробуй сунься!

— А ты-то сам разве не трусил только что из-за того,— продолжал Оскар,— что фру Хедберг еще придет в себя и даст кой-какие показания. Что, например, Анна-Стина наговорила на меня небылицы. Представь, что будет, если старуха все-таки придет в себя?

— Этому не бывать,— прошипел Лиандер. — После всего, что произошло сегодня ночью здесь, мы ей уже не дадим очухаться! Провалиться мне на этом месте. Кой черт рисковать из-за нее Анне-Стине, а нам тем более.

Расмус сжал кулаки, лежа под окном. Во всем мире не было других таких мерзавцев, как Лиф и Лиандер. Ясно, что Лиандер задумал что-то страшное, раз он так говорил о фру Хедберг.

— Эка болванище, во всем виноват ты сам, — донесся из кухни голос Лиандера. — Зачем тебе было совать нос в чужие дела? Так тебе и надо, пусть судья засадит тебя в тюрьму. Да, впрочем, ты не очень огорчайся, в тюрьме не так уж плохо.

— Не спорю, ты, поди, не раз испытывал это на своей шкуре и можешь считать себя знатоком. А я постараюсь сделать все возможное, чтобы еще раз доставить тебе это удовольствие.

— Да, ты глупее, чем я думал, — сказал Лиандер. — Неужто ты не соображаешь, что сам с треском влопаешься, лишь только попытаешься [illegible] нас. Ежели у тебя в черепушке есть мозги, ты [illegible] отсюда подальше, постараешься держать язык [illegible] и сторонкой обходить эти края.

— А после всю жизнь [illegible], как только завижу полицейского? Ну уж [illegible] Оскар. — Не могу понять, откуда только [illegible] такие гады, как ты и Лиф. Я бы тебе [illegible] залепил здоровенную оплеуху!

Стоя под окном на [illegible], Расмус утвердительно кивнул головой. Вот было бы здорово, если бы Оскар хорошенько вздул Лиандера. Оскар сильный, как бык, гораздо сильнее Лиандера. Но у Лиандера в руках этот проклятый пистолет, и он все время целится в Оскара, не отходя от окна. Не будь у него этого пистолета...

Под окном на земле валялся обломок старой доски. Не сознавая еще толком, что делает, Расмус подобрал обломок. Он действовал как во сне, не размышляя, просто взял обломок, быстро поднялся и со всего размаху треснул обломком по правому локтю Лиандера. Тот взвыл от боли и злости, а пистолет, описав дугу, упал на пол. Оскар с ликующим ревом бросился на Лиандера, и они кубарем покатились по полу. Расмус со страхом смотрел на них. От волнения он подпрыгивал на месте и грыз ногти. Он и раньше никогда не мог спокойно смотреть на дерущихся людей.

А здесь они дрались так, что вокруг них пыль столбом стояла. Лиандер был тоже не из слабых. Они катались

по полу, скрежетали от злости зубами и каждый из них старался схватить пистолет.

Пистолет... Расмус сразу очнулся. Пистолет! Линдера ни за что нельзя подпускать к пистолету!

Быстро, насколько ему позволяли его дрожащие ноги, он понесся в кухню. Пол там ходил ходуном. Колошматя друг друга, дерущиеся перекатывались по всему полу, так что в кухне не было ни одного островка площади, где бы можно было укрыться от мелькающих рук и ног. На полу лежал пистолет, и рука Лиандера настойчиво тянулась к нему, подбираясь все ближе и ближе.

Расмус поддал ногой эту проклятую черную штуку так, что она отлетела в [illegible]. Потом он поднял ее с таким отвращением, словно [illegible] ядовитая змея. Пистолет казался ему таким м[illegible] что он не мог его больше держать, и к тому же [illegible]ило невыносимо видеть и слышать, как Оскар и [illegible]рались, катаясь по полу.

Зажав в кулаке пис[illegible]мус выбежал в сени. Его сильно тошнило, но [illegible] было не до этого. Он стоял там, жалобно всхли[illegible] и смотрел, как ветер трепал ветки берез. Солнце [illegible] что проглянуло из-за дальних морских островов, [illegible]сверкало и переливалось на гребнях волн, и чайки тоже проснулись. Они летали над серой старой деревней и горланили так, словно их кто-то напугал. Но это ему только казалось. Ведь напуган был он сам. И притом он так устал, что ему больше всего хотелось лечь на землю и умереть. И еще ему хотелось разделаться с пистолетом. Плача пустился он бежать к прибрежным скалам. Ветер налетал на него с такой силой, что он едва удерживался на ногах. Но, наконец, он добрался до лучшего пляжа миннесотских переселенцев. Взглянув с гримасой отвращения на пистолет, он швырнул его в зеленовато-голубую воду.

Сделав это, он сразу же понял, что, возможно, совершил ошибку. Пистолет мог понадобиться Оскару, чтобы защищаться Но его уже не вернешь. Пистолет покоился на десятиметровой глубине в царстве рыб и останется там на вечные времена.

По прибрежным скалам Расмус тащился назад к деревне. Навстречу ему шел Оскар, насупленный и в то же время довольный; одежда и волосы в страшном беспорядке, за спиной вещевой мешок.

Расмус готов был зареветь еще пуще, когда увидел

Оскара, но он проглотил слезы и преодолел комок, подступивший к самому горлу.

— Давай сматывать удочки, — сказал Оскар.

— А Лиандер? — спросил Расмус.

— Лиандер немного прикорнул у плиты на кухне. Ну, а где Лиф?

— Этого я запер в картофельном погребе, — устало ответил Расмус. Оскар посмотрел на него и просиял.

— Король вояк, — сказал он. — Я вижу, ты не из робкого десятка!

— Нет, я так ужасно боюсь, — признался Расмус, и вот тут-то он расплакался: — Лиф скоро вырвется из погреба, ведь дверь там совсем гнилая.

— Куда ты девал пистолет? — спросил Оскар.

— Я бросил его в море, — сказал Расмус и заплакал еще сильнее. Теперь не хватало только, чтобы Оскар разозлился на него: ведь, если Лиф вырвется, Оскару понадобится пистолет.

Но Оскар не разозлился, а только кивнул головой и горько пошутил:

— «Все идет как нельзя лучше», — сказал тот, у кого на голове уже горели волосы. Ну какие уж мы с тобой стрелки из пистолета, ты да я? Прибавим-ка шагу — и айда отсюда.

Расмус тяжело вздохнул. Он совсем обессилел и был не в состоянии прибавить шагу. Он умоляюще посмотрел на Оскара:

— Оскар, сейчас я могу только спать!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Расмуса разбудило привычное кудахтанье кур. Значит, он снова в Вэстерхаге; вот с минуты на минуту появится фрёкен Хёк и погонит его рвать крапиву. Как всегда, по-дурацки монотонно кудахчут эти глупые куры, которых он терпеть [illegible]

Он осторожно [illegible] Ну конечно, вокруг него, топорща перья, [illegible] сколько кур. Но это были не белые приютск[illegible] весьма порадовало его, а совершенно нез[illegible] пеструшки. Сам он лежал на полу в [illegible] рой раньше никогда не бывал. В углу помен[illegible], возле нее восседал Оскар и пил кофе в [illegible] маленькой седоволосой старушки в полосатом переднике. Налив кофе в блюдце, они сидели себе, дули на кофе, [illegible] тихоньку пили и мирно беседовали.

— Ох, и жаль мне бродяг, вечно-то они скитаются по дорогам, — кротко заметила старушка. — И рая им тоже никогда не видать.

— Ой, Крошка-Сара что-то пугает, — сказал Оскар. — Крошка-Сара сидит себе здесь и надеется, что попадет на небо только за то, что всю жизнь торчала у плиты. Но это дело может и не выгореть.

Старушка положила кусочек сахара в свой беззубый рот и с глубокомысленным видом кивнула головой.

— С неба-то, поди, виднее, — возразила она. — Оттуда виднее, что и как тут на земле.

Расмус пошевелился: ему хотелось, чтобы Оскар обнаружил, что он не спит. Но первой это заметила маленькая старушка.

— Ты ведь, голубчик, тоже не откажешься выпить глоток кофе, — предложила она, окинув его приветливым простодушным взглядом. — Кофе и ломоть хлеба. Тебе еще придется съесть ох сколько хлеба, прежде чем ты станешь мужчиной.

Оскар рассмеялся и указал на Расмуса.

— Парнишка-то — настоящий вояка, да будет это известно Крошке-Саре. Король всех вояк, вот кто он такой на самом деле. Но подкрепиться хлебом ему во всяком случае не помешает.

И тут Расмус вспомнил. Вспомнил бесконечно тянувшуюся ночь, когда он был королем вояк; после сражений и подвигов у него до сих пор болело все тело.

Но он совсем не помнил, как попал сюда, в дом Крошки-Сары. У него осталось лишь смутное воспоминание о том, как Оскар нес его на руках, а над ними с криком проносились чайки.

Расмус оглядел комнату: по полу разгуливали куры и воображали, что они здесь хозяева. Это была бедная комната, грязная и захламленная, но какое великое счастье оказаться здесь: в ней было [illegible] уютно оттого, что на огне шипел трехногий кофейник [illegible] балагурил Оскар.

Крошка-Сара налила [illegible] кофе в голубую чашку с отбитой ручкой. [illegible] нож и отрезала ему большой ломоть ржан[illegible]

— Масло получи[illegible]ий раз. Сейчас у меня его нет.

Расмус взял ломо[illegible] прилипал к пальцам, на нем отчетливо выступала [illegible] полоска непропеченного теста, но Расмус любил [illegible] хлеб и не придал этому ни малейшего значения. Он обмакнул ломоть в кофе, откусил; было ужасно вкусно.

— Крошка-Сара добрая. Она всегда печется о бродягах, — сказал Оскар. — Уж она-то, конечно, попадет в рай.

Крошка-Сара одобрительно кивнула головой в знак согласия.

— А теперь о ленсмане, — продолжал Оскар. — Лучше всего, если Крошка-Сара немедля отправится к нему с письмом.

Крошка-Сара озабоченно почесала голову, похожую на маленький пушистый клубок шерсти.

— Но разговаривать я с ним не стану, — испуганно произнесла она. — Ни слова ему не скажу. Только отдам письмо и пойду. А то он поднимет шум, почему я до сих пор не переехала в богадельню.

Оскар ободряюще похлопал ее по плечу.

— Ладно, не говори ему ни слова. Раз он получит

письмо, то все обойдется. По крайней мере, мы будем надеяться.

Крошка-Сара никак не могла успокоиться. Она, как ребенок, страшилась неизвестной опасности.

— Мне страсть как не хочется, но я все же схожу, ведь наш пастор учит: будьте милосердны к бедным, а Оскар беден.

Оскар смеялся. Его вовсе не огорчало, что он беден.

— Эхма, кабы денег тьма. Крошка-Сара, ты должна быть ко мне милосердна. Я беден, как блоха.

Крошка-Сара озабоченно покачала головой.

— Но [illegible] накормить кур, — сказала она.

— Охохо[illegible], к курам тоже надо быть милосердным, — [illegible]р.

Старушка [illegible]рых курочек и скрылась с ними за дверью.

Оскар взгля[illegible]са, который, сидя на груде тряпья, служи[illegible]лью, допивал остатки кофе из чашки.

— Кофе в пос[illegible] да! — сказал Оскар.— Ну, а теперь гляди[illegible], пока ты лежал и храпел. Я сочинил для ленсмана целый роман.

Из кармана пиджака он достал лист бумаги, густо исписанный каракулями, и протянул Расмусу.

— Хочешь, чтобы я прочитал? — удивился Расмус.

— Да, если разберешь, — ответил Оскар.

Расмус взял лист и начал читать. Право же, Оскар писал не очень-то красиво, даже хуже, чем он сам.

«Я этово ни делал, я нивинен как невеста нет я ни виноват и ленсман должен поверить мне Там в Сандё орудовали два фрукта их звать Лиф и Лиандер, а живут они в гостинице если еще не переехали и у фру Хедберг были они же хоть ее служанка врет и говорит Это мол я но я тут ни при чем. Я нивинен как невеста Обратите внимание я только стоял под окном и пел «В каждом лесу свой ручей» если она жива, но может ее уже нет а если все-таки жива уберите от нее Анвастину не то ей будет крышка говорю про фру Хедберг веть у этих людей нет не стыда не совести А ожерелье я пока припрятал и деньги тоже у меня никогда в жизни не бывало такой кубышки с деньгами и прочитайте тут на приложенной бумаге где я спрятал их Ленсман должен за-

брать эти деньги оттуда нето дойдет до нево один звон Сейчас к Вам придет Крошка-Сара с этим письмом я сам не смею веть никто ни верит бродяге Я буду странствовать по дорогам мне хочется быть свободным раз я нивинен как невеста веть я ни при чем.

Остаюсь с дружеским приветом
Рай-Оскар.

Не давайте Аннастине оставаться вдвоем с фру Хедберг».

Расмус сложил бумагу и вернул ее обратно Оскару.

— Где ты спрятал деньги? — спросил он.

— В тайнике, — ответил Оскар. — Но не спрашивай, где. Хотя ты и король всех воик, я не хочу понапрасну впутывать тебя в эту заваруху. Ты узнаешь об этом в другой раз. Но я написал о тайнике ленсману на том маленьком клочке бумаги, который я вложил в письмо.

«В другой раз мне расскажут про тайник, в другой раз дадут хлеба с маслом, в[illegible] другой раз», — подумал Расмус.

Они грелись на солнышке у подножия холма за домом Крошки-Сары в ожидании известий. Оскару не хотелось отправляться в дорогу до тех пор, пока он не узнает, что ленсман действительно получил его письмо. Но Крошка-Сара где-то замешкалась. Она отсутствовала уже четыре часа, и Оскар начал тревожиться.

— Ох, эти мне бестолковые старушки с бедняцких хуторов, какие из них почтальоны! Никогда толком не знаешь, что они выкинут.

Но Расмус был не прочь полежать в тишине и отдохнуть. Он немножко поспал, а потом они еще раз перекусили. Припекало солнце, и от сосен, охранявших домишко Крошки-Сары от буйных ветров, доносился запах смолы. Прибежал беленький котенок Крошки-Сары и доверчиво ластился к нему. Расмус блаженствовал, предаваясь покою.

Увидев котенка, он вспомнил свой сон. Ему снилось, что у него был свой собственный котенок, такой же черненький, как котенок фру Хедберг.

Всю свою жизнь Расмус, да и Гуннар тоже, мечтал иметь хоть какую-нибудь собственную животинку. Они с Гуннаром не раз толковали об этом. Но у малышей

в Вэстерхаге не было никакой живности, кроме «бекасов» в голове, — так утверждал Гуннар. Да, впрочем, их тоже не очень-то разрешалось заводить, потому что тут же заявлялась фрёкен Хёк с частым гребешком да еще с острыми зубьями.

Но сегодня ночью на полу в домике у Крошки-Сары ему приснилось, что у него был свой собственный черненький котенок. Он давал ему есть, кормил селедкой с картошкой. Понятно, только во сне котята могут лакомиться такой едой. Он заулыбался, вспомнив, каким хорошеньким был этот котенок.

— Ты чего лежишь и посмеиваешься? — спросил Оскар.

— Знаешь, я видел во сне, что мой кот на окне, — охотно отозвался Расмус.

— Я видел во с[illegible] мой кот на окне, — подхватил Оскар. — Складно по[illegible]сь, ты что, лежишь и сочиняешь стихи?

— А знаешь, что [illegible]л, мой котенок? — спросил Расмус.

— Надо думать, по[illegible]к,[1] — ответил Оскар.

— Нет, он ел селедку с картошкой. И до чего же хорошенький!

— Но котята не едят селедку с картошкой, — удивился Оскар.

— Ну, а мой вот ел.

Некоторое время они лежали молча, разглядывая макушки сосен; Расмус — в обнимку с беленьким котенком Крошки-Сары.

Я увидел во сне,
Что мой кот на окне, —

вполголоса запел Оскар.

Ел из плошки селедку с картошкой, —

подтянул Расмус и залился звонким смехом.

Оскар чуть призадумался и снова запел:

Хочешь верь, хочешь нет,
Но мой кот на обед
Ест всегда только сельдь и. . .

---

[1] Полёвка — полевая мышь.

— ...и картошку! — радостно воскликнул Расмус. — Оскар, получилась почти что песня.

— Так ведь это и **есть** песня, — сказал Оскар и достал гармонь. Он задумчиво наиграл мелодию, которую только что напевал.

И в ожидании Крошки-Сары они играли и пели свою кошачью серенаду много раз подряд.

Я увидел во сне,
Что мой кот на окне
Ел селедку с картошкой из плошки.
Хочешь верь, хочешь нет,
Но мой кот на обед
Ест всегда только сельдь и картошку.

Вот здорово, до чего же легко сочинять песни! Расмус сразу решил сочинить превеликое множество песен. О котятах и щенятах, а может, и о ягнятах. Что и говорить, его песни не будут такими душещипательными, как «Из-за тебя я убила [illegible]» или «Послушайте печальную историю», но ведь совсем не обязательно, чтобы постоянно проливалась кровь! После кошмаров прошлой ночи Расмус сыт по горло всякими ужасами.

И тут пришла Крошка-Сара. Вид у нее был очень довольный.

— Я не застала ленсмана дома, — просияла она кроткой беззубой улыбкой. — Он ушел по делу, кого-то арестовывать. Я подумала, может, он не скоро придет, и не стала его дожидаться.

— Но Крошка-Сара все-таки передала письмо? — с беспокойством спросил Оскар. — Может, оставила кому-нибудь из полицейских?

Крошка-Сара виновато покачала своей пушистой головой.

— А мы-то сидели здесь и ждали тебя сто лет, — сетовал Оскар. — Где только Крошка-Сара пропадала все это время?

— Я так торопилась, — уверяла Крошка-Сара. — Я всего-то одну чашечку кофе выпила у Фиа Карл-Исаак.

— Одну чашечку четыре часа?

— Но ведь у нас было о чем поговорить, — ответила

старушка с достоинством, — она не собиралась выслушивать упреки.

— Верни мне письмо, — сказал Оскар. Оскар был явно сердит на Крошку-Сару, Расмус это сразу заметил.

У Крошки-Сары на лице снова появилось виноватое выражение.

— Ой, письмо-то, его я забыла у Фиа Карл-Исаак, — сказала она. — А в нем было что-нибудь важное?

Она стояла простоволосая, в своей клетчатой шали и полосатом переднике, около куста смородины, пощипывая и обирая с него высохшие листья, всем своим видом желая показать, что она занята делом и вообще думать о каком то письме у нее нет времени.

Оскар вздохнул.

— Нет, Крошка-Сара, ничего особенного. Крошка-Сара все равно попадет на небо. «Что ни делается, все к лучшему!» — воскликнул тот, у кого на голове уже горели волосы.

— Но я своей кровью писал это письмо, — признался он позднее Расмусу, когда они уже шли по дороге к дому Фиа Карл-Исаак, чтобы заполучить назад потерянное послание. — Я не в силах написать два таких романа в один день. Надеюсь, что письмо у Фиа.

Но они так и не добрались до Фиа. Им оставалось пройти совсем немного, ее маленький домик уже показался вдали, как вдруг дорогу им преградили будто выросшие из-под земли двое полицейских. Те же самые полицейские, что и в прошлый раз. Те же самые вездесущие полицейские.

Оскар был разъярен как никогда. И ничего удивительного. Полицейские обращались с ним так, словно теперь они не сомневались, что он опаснейший и первостатейный бандит на всем свете, а не просто добродушный бродяга.

— Отбери у него пистолет! — крикнул один из них, и они набросились на Оскара, обыскивая все карманы и ощупывая каждую складку.

— Нет у меня пистолета, — ругался Оскар. — Его у меня никогда и не было. У меня не водилось даже пугача, когда я был мальчонкой, хотя я плакал и умолял родную мать купить его.

Итак, их отправили в полицейский участок к ленсману, и вот один из полицейских сидел и строчил на них

бумагу, а второй стоял и держал Оскара за руку, будто опасался, что иначе он может сбежать.

Расмуса никто не держал. Незачем было, он и сам жался как можно ближе к Оскару. Ну что у них за собачья жизнь: ни минуты покоя, только и бойся все время то грабителей, то ленсмана, то полицейских — всех бойся.

Но Оскар не боялся. Он был разъярен как никогда.

— Я хочу поговорить с ленсманом, — заявил он и ударил кулаком по барьеру перед самым носом у полицейского, который сидел и писал.

— Ленсман сейчас в гостях, он придет на службу только завтра, — ответил полицейский, который держал его.

— В гостях! — завопил Оскар. — А я стою здесь невинный, как невеста.

— Мы уже слышали об этом, — сказал тот, который писал: его, собственно, звали Бергквист — во всяком случае, так называл его второй полицейский.

— Ты врешь и сам [illegible] вранью, — продолжал Бергквист. — Но в [illegible] уж сядешь за решетку, и поделом. Такие, как [illegible] опасны для общества.

Оскар даже застонал от [illegible], он повернулся к полицейскому, который держал его, и указал на Бергквиста:

— Можно назвать его бараном в мундире, или за это налагается наказание?

— Конечно, налагается, черт возьми. Не придуривайся! — ответил полицейский, который его держал. — А теперь постой спокойно и скажи нам твое полное имя, чтобы Бергквист мог записать его.

— Оскар, — ответил Оскар. — А как зовут тебя самого?

— Моя фамилия Андерссон, но это к делу не относится. Тебя называют как-нибудь еще, кроме как Оскар?

— Это к делу не относится. Называй меня запросто Оскаром, за это тебе штраф платить не придется.

Андерссон осклабился. Казалось, он был более мирно настроен, чем тот, который писал. А Бергквист скорчил кислую мину и пробурчал:

— Не забывай, с кем говоришь. Будь любезен, поубавь спеси!

— Сделай милость, отвяжись от меня, — сказал Оскар. Затем он еще раз обратился к Андерссону.

— Что, я и в самом деле не могу называть Бергквиста бараном в мундире, неужели за это налагается наказание? Ну, а ежели я встречу самого настоящего барана и назову его Бергквистом, за это меня, надеюсь, никто не засадит в тюрьму?

Мысль так понравилась ему, что он захохотал громко и заразительно, и, облокотясь на барьер, посмотрел в упор на Бергквиста и с ударением произнес:

— Бергквист, настоящий Бергквист, вот кто ты есть!

Бергквист весь побагровел и приказал Андерссону:

— Посади его во вторую, а завтра ленсман задаст ему жару.

Андерссон бросил [illegible] на Расмуса.

— А с этим что [illegible] делать?

И тогда Бергк[illegible] нечто совершенно ужасное:

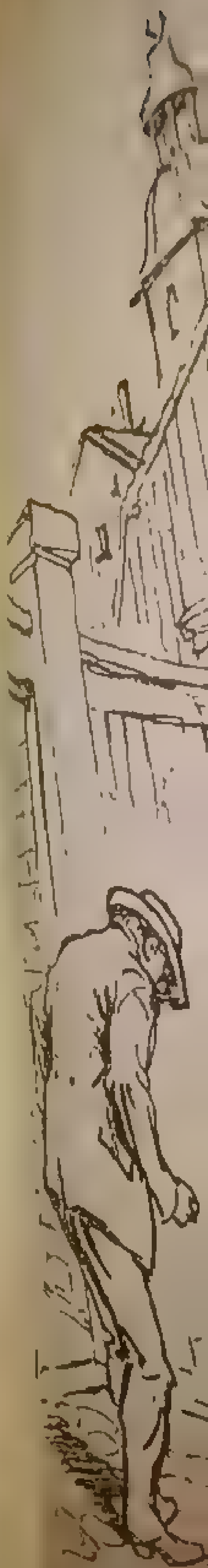
— Он сбежал из [illegible], и мы должны направить его туда обратно.

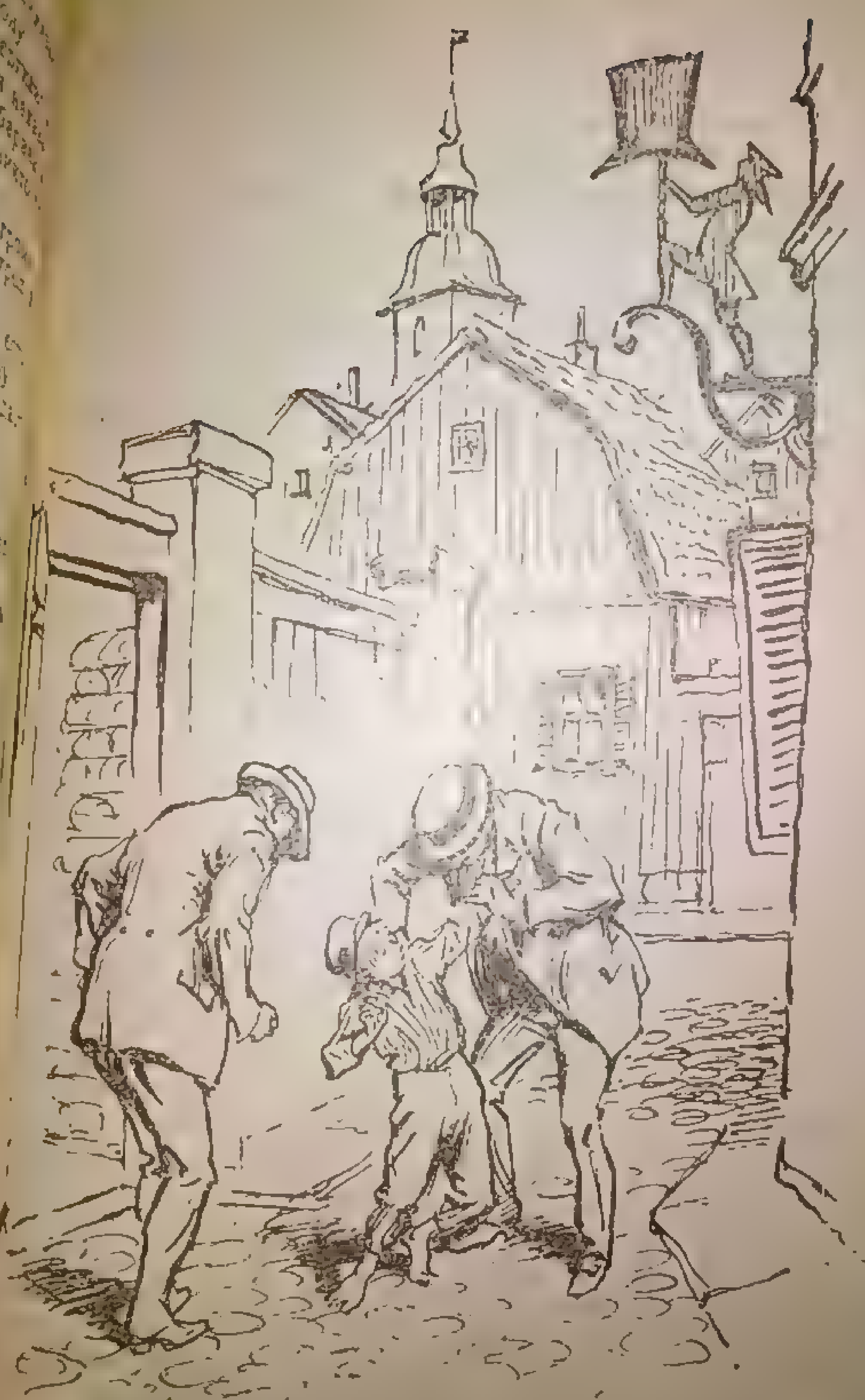
Перед Расмусом разверзлась бездна, и все несчастья и горести мира свирепым потоком обрушились на его голову. Его снова отправят в Вэстерхагу, а для него это означало конец жизни. Да, жизнь кончена! Оскар был для него потерян, Оскара они засадят в тюрьму, а его самого они затолкают в приют, в котором он не хотел жить. Он не хотел там жить, все его существо протестовало против возвращения в Вэстерхагу.

Какое-то мгновение Расмус стоял неподвижно, уставясь на Бергквиста огромными испуганными глазами. Но от такого нечего было ждать пощады, и Расмус судорожно стал искать помощи в другом месте: должен ведь он найти хоть какой-нибудь выход!

Через открытое окно в комнату вливалось солнце, широкой золотой полосой падая на пол и освещая комнату. Солнечный свет открывал путь к свободе.

Расмус не раздумывал, он бросился бежать со всех ног, как маленький зверек, которому угрожала неволя. Он слышал, они что-то кричали ему вслед, но он не остановился, он не прислушивался к их словам. С быстротой молнии выскочил он на пустынную улицу. Еще вчера утром он ехал по ней на повозке с молочными бидонами,

но сейчас он не помнил об этом. Ни одной связной мысли не было у него в голове, он лишь несся вниз под гору к молочному заводу, словно перепуганный кролик, прыгал по раскаленным от солнца булыжникам, не успевая даже взглянуть направо или налево. Он несся опрометью, не разбирая дороги.

К счастью, улица была пустынна. Но у самого молочного завода из боковой улицы внезапно вынырнуло два типа. Расмус не видел их, пока с разбегу не налетел на них. Он даже чуть не [illegible] головой в живот одного из них. Но тот [illegible] его за плечи и осадил на месте.

— Полегче на [illegible] — сказал Лиф. — Как раз с тобой-то мы и хотели [illegible].

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Теперь-то мы с тобой немного потолкуем, — произнёс Лиф и мгновенно затащил Расмуса за высокий забор, окружавший молочный завод. Во дворе завода не встретишь ни души в такое время дня, и Расмус оказался беспомощным заложником в руках врага.

Лиф основательно встряхнул Расмуса.

— Живо отвечай, а то тебе несдобровать. Где твой приятель, ну, этот бродяга?

— Оскара забрала полиция, — устало ответил Расмус. Он уже больше не [illegible] был бояться, а убивать его они вроде не собира[illegible]

В немом ужасе Лиф [illegible]ндер остолбенело уставились друг на друга, они [illegible] сдрейфили, да еще посильнее Расмуса.

— Значит, он влип, — [illegible]казал Лиандер. — Ты понимаешь, Хильдинг, на кого он будет валить всю вину. Нам надо сию же минуту сматывать удочки.

Лиф держал Расмуса железной хваткой.

— Эй ты, живо отвечай. Деньги у Оскара были при себе, когда его забрали?

Расмус не мог решить, отвечать ему да или нет, и в нерешительности молчал. Лиф тряханул Расмуса еще раз, словно надеялся, что ответ застрял у того в горле и его можно вытрясти силой.

— Куда он девал деньги?

— Он их спрятал, — ответил Расмус. — В потайном месте. Но я не знаю, где оно.

— Хильдинг, нельзя ли побыстрее? — нервничал Лиандер.

— Заткнись, — бросил Лиф. — Ясно, что парень всю вину начнет валить на нас, и если мы сейчас улизнем, то это то же самое, что расписаться перед ленсманом в своей виновности. Умерь свою горячность, в этаком положении нам нельзя терять голову!

Он обернулся к Расмусу.

— Ты был, когда ленсман допрашивал Оскара?

Расмус отрицательно покачал головой.

— Ленсман еще и не принимался за Оскара. Он же сегодня пирует. Целый день.

Лиф присвистнул, и лицо его просветлело на какое-то мгновение.

— Понятно, он приглашен в гости к фру Розен по случаю ее пятидесятилетия. Он проторчит в гостинице весь вечер, и у него не будет времени допрашивать кого-либо, слава и хвала богу! Да и допрос может вообще не состояться — завтра, чего доброго, будет поздно.

Он наклонился к Лиандеру и что-то зашептал ему на ухо, но Расмус не мог разобрать слов. Тайные переговоры над его головой продолжались довольно долго, и потом Лиф сказал:

— Послушай, малыш, что ты скажешь, ежели мы для тебя вызволим Оскара из тюрьмы?

Расмус удивленно вскинул на него глаза. Он жаждал видеть Оскара на свободе так же страстно, как жаждал жить, но то, что Лиф и Лиандер собирались ему в этом помочь, было непостижимо. Неужели у них остались хоть какие-то человеческие чувства? Может, они просто пожалели Расмуса, ведь он был так одинок. Внезапно он сам почувствовал к себе жалость, когда подумал, до чего он одинок без Оскара. На глаза у него навернулись слезы, и он тихонько пробормотал:

— Вы были бы очень добры, если бы высвободили Оскара.

Пальцы Лифа впились ему в шею.

— Да, мы уж и так добры, дальше некуда. Ну, открывай теперь шире уши, слушай внимательно и запоминай, что я скажу. Ведь тебе потом придется пойти и пересказать все это Оскару.

Расмус со страхом посмотрел на него:

— Нет, я не могу, не то я сам влипну, и они снова загонят меня в приют.

У Лифа лопнуло терпение.

— Делай, что тебе говорят. Как только вечером стемнеет, ты тайком проберешься к Оскару. Тюрьма помещается в маленьком домике во дворе у ленсмана.

— А если там сторожат полицейские? — спросил Расмус.

— Даже и не думают. Раз они засадили Оскара, ему надо о себе самому позаботиться. Ты можешь поговорить с ним через решетчатое оконце с глухой стороны тюрьмы.

Расмус кивнул головой в знак согласия. Хуже не будет — ради Оскара он готов был пойти в огонь и воду.

— Ты ему скажешь, что мы придем и высвободим его сегодня ночью. Папаша Лиандер имеет колоссальный опыт по взлому замков.

— Чего зря болтаешь, — сердито рявкнул Лиандер. — Мы придем и вызволим его из тюрьмы, но, разумеется, при одном условии.

— Да, я как раз и подошел к этому, — прервал его Лиф. — Видишь ли, мы хотим получить обратно, ну, эти деньжата. Нам необходимо в ближайшее время переменить климат, а это чего-нибудь да стоит. Поэтому мы и хотим получить деньги.

— Ну, а если Оскар не согласится? — с опаской спросил Расмус.

— Он получит ожерелье, — заявил Лиф. — Так что ему останется только признать, что мы порядочные люди.

Они, конечно, совсем не знали Оскара, это сразу было понятно. Они думали, что Праведную Кукушку можно подкупить ожерельем. Они нисколько не сомневались, что Оскар стянул у них деньги и ожерелье, чтобы завладеть всем сокровищем самому. Нет, они совсем не знали Оскара.

— Ну, а если он все-таки не захочет? — настаивал Расмус.

Лиф разозлился.

— Я уверен, что Оскар парень недалекий, но не так уж он глуп, чтобы отказываться от нашего предложения. Спроси его, неужто он захочет отсидеть несколько лет? Ведь за все эти аферы он влипнет сам, а не мы, передай ему это. Я уж сумею заговорить ленсмана до одури. И потом мы не спрашиваем, чего хочет Оскар. Один пистолет вы, правда, стянули у нас, но мой остался при мне, его я прихвачу с собой сегодня ночью, можешь также передать ему это.

Расмус получил еще несколько наставлений. Ему нужно было промаяться в своем укрытии за поленницей во дворе молочного завода до самого вечера и ни в коем случае не появляться в городке, где его могли схватить.

Кроме того, Расмусу и Оскару вменялось раз и навсегда зарубить себе на носу, что они и знать не знают Лифа и Лиандера.

— Ты отправишься туда, как только немного стемнеет, — сказал Лиф. — Когда ты выполнишь, что тебе велено, возвращайся сюда и жди нас. Мы зайдем за тобой ровно в полночь.

— Но я хочу есть, — сказал Расмус. Он засунул руку в карман штанов и вынул две пятиёровые монетки, подарок Оскара. — Можно мне пойти и купить себе пару булочек на эти деньги?

— Здесь ты не купишь, — сказал Лиф. — Гони сюда деньги!

Он выхватил у Расмуса пятиёровые монетки и ушел вместе с Лиандером.

Расмус сидел за поленницей, возмущенный до глубины души. Что за проклятые бандиты, им только грабить, грабить и [illegible], час от часу не легче! Ограбить заводскую кассу в Сёдё было отвратительно, украсть у фру Хедберг ожерелье — еще того хуже, но отнять у него пятиёровые монетки — это уже вовсе подло!

Однако в этот раз он возвел на Лифа напраслину. Тот вернулся через пять минут, поспешно швырнул кулек Расмусу и мимоходом бросил:

— На, лопай! Сиди себе тихо за поленницей и не рыпайся, покамест не наступит время.

И тут он скрылся. Расмус долго смотрел ему вслед, — у мошенников тоже свои странности. То они тебя травят, как дикого зверя, то приносят тебе булки! Он нетерпеливо открыл кулек и заглянул в него. И тогда он еще больше удивился. В кульке было пять булочек с корицей, каждая стоила по два ёре, а все вместе — десять. Но в кульке было еще полным-полно маленьких сахарных сухариков и пряников, уж их-то Лиф купил на свои деньги. Какой-то миг Расмус подумал о нем почти хорошо. Во всяком случае, голодная смерть не угрожала ему в его тюрьме.

Да, место, где он сидел — тесный проход между поленницей и забором, — чем-то походило на тюрьму. Или скорее на узкий длинный тюремный коридор. Хотя он был открыт с двух сторон, ничего хорошего в этом не было. Тюрьма должна быть основательно замкнута со всех сторон так, чтобы узники не могли из нее выбрать-

ся. И коль уж ему теперь придется сидеть в тюрьме, то пусть все будет как полагается.

Он снял клепки с поленницы и забаррикадировал вход с обоих концов, потом он представил себя узником в тюрьме Эльвсборг, как тот парень из песни Оскара.

Сижу, словно зверь, за железной решеткой,
Безрадостны дни моей жизни короткой, —

пропел он. По правде говоря, в тюрьме совсем не так уж страшно сидеть, как многие себе представляют. Он чувствовал себя здесь вполне сносно.

В одной из досок забора имелась небольшая дырка от бывшего здесь когда-то сучка. Он припал к ней глазом, чтобы, как в песне, увидеть разукрашенные цветами гондолы, скользящие по воде. Лысые булыжники мостовой — было все, что он увидел. Тогда от нечего делать он начал исследовать поленницу и услышал нечто такое, от чего у него вдруг потеплело в груди. Из поленницы донеслось до него слабое, чуть слышное попискивание, и, заглянув туда, он обнаружил птичье гнездо, притулившееся в небольшом [illegible] между клепками поленницы.

— Ой, ой, ой, — [illegible] Расмус. — Ой, ой, ой!

В гнезде копошились [illegible], три маленьких беспомощных птенчика, они пищали и были самые что ни на есть взаправдашные. Они представляли собой хоть и необычное, но совершенное чудо природы. Пораженный своим открытием, Расмус замер на месте, не сводя с них глаз. Долго, долго стоял он так, не шевелясь, и любовался птенчиками. Это был самый счастливый из всех узников. Но понемногу он пришел в себя и вспомнил, что голоден. Усевшись на землю под самым гнездом, Расмус раскрыл свой кулек с едой. Вот если бы еще напиться воды. Его так мучила жажда.

Очевидно, все-таки есть на свете люди, которые пекутся о здравии и благе узников. На столбе у ворот при въезде в молочный завод стояла кринка с молоком: приходила какая-нибудь растяпа служанка, купила молоко и забыла его здесь.

Несколько мгновений Расмус советовался со своей совестью: как сильно человека должна мучить жажда, чтобы он имел право взять немного чужого молока. В такую жару оно только стояло и кисло. Он был уверен, что хо-

зяин молока ничего не будет иметь против, если он употребит с пользой хоть часть молока, прежде чем оно превратится в простоквашу.

До чего вкусны булочки с молоком! Сахарные сухарики с молоком тоже объедение, а из пряников с молоком получилось просто роскошное блюдо. Это были чудесные минуты в его затворнической жизни за поленницей. Он налил молока в крышку от кринки и макал туда хлеб, а порою он прикладывался к ней губами и пил. Он взял молока ровно столько, сколько ему было необходимо, чтобы запить булочки, и все же совесть его была не очень чиста. Правда, в то же время ему казалось, что поскольку два опасных негодяя заточили его сюда против воли, то жители городка были обязаны хотя бы подкармли[illegible] в тюрьме молоком.

Он и птенцов [illegible] размоченной булкой. На кончике указательно[illegible] соорудил башенку из размоченного пшенич[illegible] и протянул ее птенцам. Они щипали его паль[illegible] крошечными клювами, но это только забавляло е[illegible] Птенчики были такие хорошенькие, а он был узником, томившимся за железной решеткой, и птицы были его единственными друзьями. Все остальные на свете уже давно покинули его в несчастье, и лишь птенчики подбадривали его своим щебетанием и тем, что были преданы ему. И в неволе они будут неразлучны с ним до самой его смерти.

Он слегка прослезился, когда подумал о смерти. Но потом он перестал быть узником, а снова был только Расмус, и тогда он расплакался еще сильнее с тоски по Оскару.

И позднее, когда уже стоял около тюрьмы и слышал знакомый голос Оскара из-за тюремной решетки, он совсем расстроился и плача шептал в темноту:

— Оскар, ты должен позволить им высвободить тебя. Ведь у меня, кроме тебя, никого нет.

— Охохонюшки, хо-хо, — тяжело вздохнул Оскар, — но ты же понимаешь, что нельзя водить компанию с ворами, разве тебе невдомек, мальчуган?

Расмус только всхлипывал и причитал:

— Но ведь мы тогда опять сможем бродяжить; у меня, кроме тебя, никого нет, Оскар!

— Я-то знаю, что ты сирота, — сказал Оскар. — А этот чертов ленсман пирует себе. Ну уж теперь я до-

Брусь до него, если мне даже придется перевернуть кутузку! — Он заревел, как бык: — Идите сюда, все Бергквисты и все бараны в мундирах, какие только есть поблизости, если вы меня слышите! Идите сюда, пока я не перевернул кутузку! Я хочу говорить с ленсманом!

Расмус даже подскочил от ужаса, когда Оскар так разбушевался. Он огляделся вокруг, пытаясь отыскать какое-нибудь убежище. Между живой изгородью и сами дом ленсмана петляла пересохшая канава, и через нее был перекинут мостик, чтобы ленсман мог ходить напрямик в контору из своего дома. Расмус залез под мостик и, сидя там, слушал, как кричит и беснуется Оскар в тюрьме.

— Подавайте сюда ленсмана, что я сказал! Вы слышите меня или нет, глухие тетери! Я хочу дать показание, тащите ленсмана, но только чтоб мигом!

Дом ленсмана был погру[illegible] мрак, и в конторе царил мрак: возможно, Берг[illegible] Андерссон тоже отправились пировать. Во вс[illegible], никто не явился на зов Оскара, и под конец [illegible].

— Пеняйте тогда на [illegible] я сбегу сегодня ночью!

Расмус весь затреп[illegible] слышав эти слова. Оскар все же собирается [illegible], какое счастье! Расмуса мало заботило, что будет с деньгами, ожерельем и всем прочим, только бы он и Оскар могли снова шагать вдвоем по дороге.

Спустя два часа они и оказались там, на дороге. А за ними, словно мрачные тени, двигались Лиф и Лиандер, и Лиф держал в руке пистолет.

Лиф не соврал, утверждая, что Лиандер был мастак открывать замки. Ему понадобилось не больше четверти часа, чтобы высвободить Оскара. Лиф тем временем стоял на стреме. Расмус был тоже на стреме, пришпиленный за шиворот твердой рукой Лифа. Но ни полицейские, ни ленсман так и не появились.

— Теперь пусть пеняют на самих себя, — повторил еще раз Оскар, когда они под покровом ночи тайком выбирались из городка, который спал так безмятежно, как будто на белом свете не было никаких негодяев. И только в гостинице веселье было в полном разгаре. Оттуда доносились переливы гармоники, когда они на цыпочках крались по тихой улице, ведущей к заставе.

И вот они снова были в пути, шли к домику Крошки-Сары.

— Оскар, где ты спрятал деньги? — шепотом спросил Расмус.

— Скоро сам увидишь, — угрюмо ответил Оскар.

Вот и домик Крошки-Сары. Он чуть выступал в сумраке летней ночи из кустов черной смородины и замшелых яблонь. Крошка-Сара, наверное, сладко спала, не ведая, какой удивительный караван в эту минуту прокрался через ее калитку и, миновав дом и задворье, скрылся в густом лесу за хутором.

Неподалеку в лесу находилась огромная каменистая гряда. Почему она расположилась там, никто не знал; как она попала туда, т[illegible]то не знал. Если это и была морена, то она [illegible]ла ни на одну из морен. Это была лишь огром[illegible] камней и ничего больше.

Подойдя к кам[illegible]яде, Оскар остановился. Тут он обернулся и [illegible]смотрел на Лифа и Лиандера.

— Ага, и вы здес[illegible] ангелы-хранители. А я-то струхнул, что рас[illegible] дороге.

— Напрасно волн[illegible] — сказал Лиф. — Нас не так легко потерять.

В руке Лиф держал пистолет наготове, и Оскар скорчил гримасу, увидев направленное на него дуло.

— Ты ведь не думаешь из него стрелять, мне не нравится, как он бабахает.

— Зачем я стану, если ты откопаешь сокровище и распрощаешься с ним, — спокойно ответил Лиф.

— Охохонюшки, хо-хо, — протянул Оскар, — где это я его спрятал?

Он надвинул кепку на лоб и почесал затылок.

— Где-то здесь, — сказал он и широким жестом указал на всю огромную россыпь камней.

— Ты что думаешь, мы сюда пришли играть в искателей клада? — процедил сквозь зубы Лиф. А Лиандера от волнения колотила дрожь.

— Давай откапывай быстрее, нам некогда, понимать надо, бычья твоя голова!

Небо побелело над макушками деревьев, и в бледном утреннем свете лицо Лиандера выглядело испитым и порочным. Он судорожно затягивался сигаретой и не мог спокойно устоять на одном месте.

— Ну, ты разродишься, наконец, — прошипел он. Оскар вздохнул и вопрошающе посмотрел на Расмуса.

— Пусть ленсман пеняет теперь на себя. Ты можешь засвидетельствовать, что я сделал все, что мог.

— Конечно, — сказал Расмус.

Ему было жаль Оскара. Какое все же несчастье, что деньги достанутся грабителям. Одно утешение, что Оскар получит ожерелье, и они снова отправятся бродяжить, когда весь этот ужас останется позади. И если даже фру Хедберг больше так никогда и не поправится, то, во всяком случае, ее дочь в Америке получит прекрасное изумрудное ожерелье своей матери, в этом тоже было утешение.

Оскар вскарабкался на верхушку россыпи. Лиф и Лиандер следовали неотступно по его стопам. «Впрямь два шакала», — подумал Расмус.

Расмус тоже последовал за ними. Он уселся на камень как можно ближе к Оскару. Ему было так холодно, что его бил озноб, но он не спускал с Оскара глаз.

— Вот в этом месте, — сказал Оскар и начал разгребать камни. Он отбрасывал булыжники, и они, словно шары, скатывались во все стороны; отвратительный грохот сталкивающихся камней жутко ухал в лесной тиши. Лиф и Лиандер вплотную стояли за спиной Оскара и наблюдали за каждым его движением; их глаза горели недобрым огнем, и они задыхались от нетерпения. И вот знакомый сверток в клеенке снова появился на свет. Лиф и Лиандер разом набросились на него.

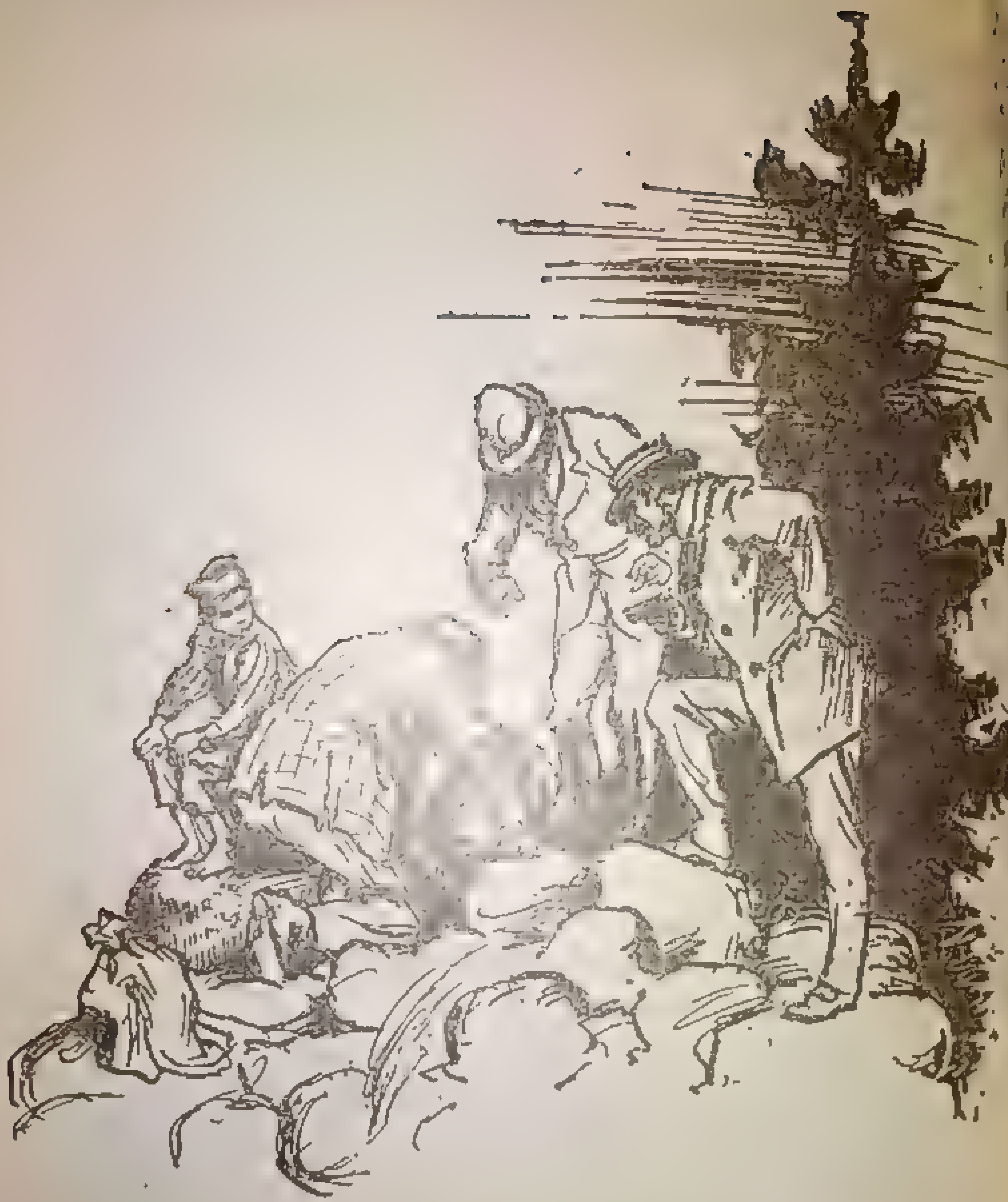
— Берите ваши грязные деньги, — презрительно бросил Оскар.

— Пересчитай их! — крикнул Лиандер. — Он, наверно, стибрил порядком.

— Ты — вошь, — бросил ему в лицо Оскар и снова сплюнул.

Лиф передал пистолет Лиандеру и начал считать. Он сидел там на кургане среди камней и всё считал и считал сотенные и тысячные ассигнации, пока у Расмуса не зарябило в глазах. В свертке было также ожерелье, и его Лиф засунул себе в карман.

— Эй ты, послушай, — сказал Оскар. — Ожерелье — это не твоя забота, о нем я как-нибудь побеспокоюсь сам.

— Сперва мы так и предполагали, — ответил Лиф. — Да, видишь ли, я передумал и решил, что ты его не получишь.

Но Лиандер завопил, как одержимый:

— Отдай ты ему ожерелье, пустая твоя голова. Неужели ты не понимаешь, что это единственное средство заткнуть ему рот, — тогда ведь он станет соучастником. Отдай ему ожерелье, будь я проклят, если не прав!

— Соучастником... катись ты к чертям, — разозлился Оскар. — Я не собираюсь быть соучастником воров и

бандитов. Но мне нужно ожерелье, чтобы вернуть его фру Хедберг, можете вы уразуметь это своими воровскими черепушками?

Лиф и Лиандер взглянули друг на друга, и на каменистой россыпи воцарилась зловещая тишина.

— Слышал, что он сказал? — спросил Лиф. — Этому ты не заткнешь рот, сделав его соучастником.

— Нет уж, намотайте себе на ус, — сказал Оскар. — Я не стану вашим соучастником, покамест жив.

— Покамест ты жив — ну что ж, — прохрипел Лиандер и бросил на Оскара такой взгляд, от которого Расмуса прошиб холодный пот. — Не согласишься, покамест жив! Но есть и получше средство заткнуть тебе рот, ты меня понимаешь!

Он поднял пистолет.

— Не смей, не стреляй, — закричал Лиф. — Сумасшедший, ты, Лиандер, что ли.

— Я буду сумасшедшим, если я этого н е с д е л а ю, — сказал Лиандер. — Здесь налицо два лишних свидетеля, и я предоставлю им случай навсегда остаться на этом могильном кургане.

Он снова поднял пистолет. Но Расмус издал пронзительный крик.

— Не стреляй! — [illegible] он и в беспамятстве бросился к Оскару. Он обхватил руками его ноги и в отчаянии продолжал кричать:

— Не стреляй, не стреляй!

Но выстрел раздался. Выстрел все-таки р а з д а л с я совсем рядом. Но не из пистолета, который своим дулом угрожал Оскару смертью. Он раздался из другого оружия, пуля с невероятной силой выбила пистолет из руки Лиандера, и черная штуковина перелетела через всю каменистую гряду.

— Оскар, ты убит? — не своим голосом закричал Расмус.

— Нет, я не убит, — ответил Оскар.

Он пристально всматривался в сторону леса. Там за частыми елями должен находиться тот, кто стрелял.

Лиф и Лиандер стояли бледные, тоже вглядываясь вдаль. И они побледнели еще больше, когда из леса появились полицейские. Те вынырнули из-за елок с пистолетами в руках. Они приближались бегом, перепрыгивая через пузатые камни и неумолимо продвига-

лись к маленькой группе на самой вершине каменистой россыпи.

— Я протестую! — кричал Лиф, когда ему на руки, уже не в первый раз, надели оковы. — Я протестую... вот перед вами бродяга, это на него надо надеть наручники. Пожалуйста, взгляните на этот клеенчатый пакет, который он прятал здесь в камнях...

— Кончай заливать, — оборвал его ленсман, который вдруг тоже очутился на кургане, смерив Лифа и Лиандера суровым взглядом.

Оскар в отчаянии сх[illegible]ил ленсмана за рукав.

— Ленсман, клянус[illegible] я невинен, как невеста.

Ленсман кивнул го[illegible]

— Да, Оскар, я стоял вон за той елью последние полчаса и знаю, что ты н[illegible], как невеста.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Интересно, как это получилось? — спросил Оскар. Он сидел в кресле для посетителей в главной конторе ленсмана, и ленсман самолично только что угостил его дорогой сигарой, вынув ее из ящика письменного стола.

— Как ленсману удалось прибыть на место тютелька в тютельку?

Дымя сигарой, Оскар вопросительно посмотрел на ленсмана. За спинкой его стула притаился Расмус. Он втягивал носом ароматный запах сигары и старался выглядеть совсем маленьким и незаметным. Ему хотелось, чтобы ленсман позабыл о его присутствии.

Правда, ленсман был ужасно добр к ним обоим. Он явился и спас им жизнь, и остаток ночи они скоротали у него в доме, потом служанка ленсмана накормила их завтраком на кухне, а теперь он собственной персоной сидел за столом и записывал все, что Оскар рассказывал о Лифе и Лиандере, да еще угостил Оскара сигарой. Ясное дело, он был добрый, но в его власти отсылать мальчиков в приют, не спросив, хотят они этого или нет. И поэтому-то Расмус отводил глаза и старался выглядеть совсем маленьким и незаметным.

— Но я ведь получил письмо Оскара, — ответил ленсман. — А без этого письма нам бы не удалось упрятать Лифа и Лиандера под замок.

— Письмо? — удивился Оскар. — Да неужто ленсман получил письмо...

— Ну да, — сказал ленсман. — Я получил его вчера поздно вечером. Дома меня не было, я пировал в гостинице, и как раз когда мы пили кофе с пуншем, мне сообщили, что кто-то хочет меня видеть и ожидает возле гостиницы. Я попросил передать, что занят и не могу выйти,

но тут к нам и ворвалась маленькая ядовитая старушка Фиа Карл-Исаак.

— Фиа Карл-Исаак, — протянул Оскар, — ну да, так я и знал, что Крошка-Сара не пойдет к вам.

— Нет, ее зовут Фиа Карл-Исаак, это маленькая ядовитая особа, которая, я бы сказал, знает, чего хочет. Она вошла и прямо за праздничным столом вручила мне письмо: «Ты вот тут сидишь сложа руки, а такое большое жалованье получаешь», — упрекнула она. После она объяснила, что нашла письмо на полу в сенях своего дома...

— Ох уж эта мне Крошка-Сара, — буркнул Оскар.

— Она разобрала твои каракули и смекнула, что речь идет о чем-то важном. «А теперь уж, ленсман, дело за тобой, изволь [illegible]ливайся», — заявила она.

— Фиа [illegible] медалью, — посоветовал Оскар.

— Да, но Оскара [illegible] надо наградить медалью, — сказал ленсман. — [illegible]ю, был неправ и дурака свалял, когда поверил [illegible], что служанка фру Хедберг наговорила про [illegible] столетом. Но, как только я прочел письмо, я сразу понял, что Оскар не виноват, и я не стану глупее, если признаю свои ошибки.

Оскар, довольный, кивнул головой.

— «Ну вот, теперь-то я прозрела», — сказала баба, обрезав себе оба века. Хорошо, что наконец все проясняется.

Он выпустил большую струю дыма, и Расмус втянул носом запах. Сигары пахли солидным мужским обществом и чем-то ароматным и вкусным. Расмус не мог не смотреть на ленсмана, так же как он не мог не думать о приюте, хотя рассказ ленсмана был занимательным и интересным.

Ленсман поблагодарил Оскара, за то что тот предостерег его в отношении Анны-Стины.

— Я бросился к дому фру Хедберг, как только прочел письмо, и подоспел вовремя. Ведь как раз вчера вечером она снова пришла в сознание. Анну-Стину арестовали еще вчера и не потому что я считаю эту глупую служанку главной виновницей, а чтобы полностью обеспечить успех дела.

— А как думает ленсман, поправится фру Хедберг? — взволнованно спросил Оскар.

— Надеюсь, что да, — ответил ленсман. — Я только приносил ей ожерелье, и надо было видеть, как она обрадовалась.

— Значит, в следующий раз она даст мне пятьдесят эре, — пошутил Оскар. — Так Анна-Стина уже в тюрьме?

— Ну, конечно, — ответил ленсман. — Ведь когда мы собирались засадить ее за решетку, мы и обнаружили, что Оскар собрался дать тягу. Мы следовали за вами неотступно все время, Бергквист, Андерссон и я.

— Этот Бергквист — баран, — спокойно заметил Оскар.

— Может быть, — сказал ленсман. — Но он один из лучших стрелков из пистолета во всей стране, в чем Оскар, вероятно, сам мог убедиться прошлой ночью.

— Точно, никогда ни один баран не был так кстати.

Он поднялся со стула.

— Ну, теперь я, стало быть, свободен и могу отправляться куда глаза глядят?

— Конечно. Ну, а как быть с этим маленьким удальцом из Вэстерхаги?

Ленсман посмотрел на Расмуса.

Расмус не стал ожидать, что он скажет дальше. Несколько секунд потребовалось ему, чтобы очутиться за дверью, и он понесся так, словно спасался от смерти. Но он слышал, как Оскар кричал ему вслед:

— Расмус, обожди меня!

Он обернулся. К нему во весь опор мчался Оскар, так что мешок подпрыгивал за его спиной.

— Оскар, не позволяй ему забрать меня, — лепетал Расмус прерывающимся голосом, когда Оскар, наконец, догнал его. — Я хочу быть с тобой!

— Охохонюшки, хо-хо, — сокрушался Оскар. — Зато меня скоро посадят в тюрьму за кражу детей. Таким пацанам, как ты, нечего бродяжничать по дорогам.

— Ну хотя бы ненадолго, пока я не найду, у кого поселиться, — умолял Расмус. — Скоро я разыщу кого-нибудь, кто согласится взять меня к себе.

Но в глубине души он мало верил в это чудо. И у него было такое чувство, словно он пытался обмануть Оскара. На самом деле он не верил, что сможет отыскать кого-нибудь, кто захочет взять его к себе.

Но на этот раз он ошибался.

Весь долгий день они все шли и шли, и Расмус начал уставать.

— Как ты думаешь, Оскар, где мы сегодня переночуем?

Оскар безмятежно шлепал босыми ногами по мягкой пыли проселочной дороги. Ему-то любое расстояние было нипочем.

— Закуток, где можно переспать, мы всегда отыщем, — обнадежил Оскар.

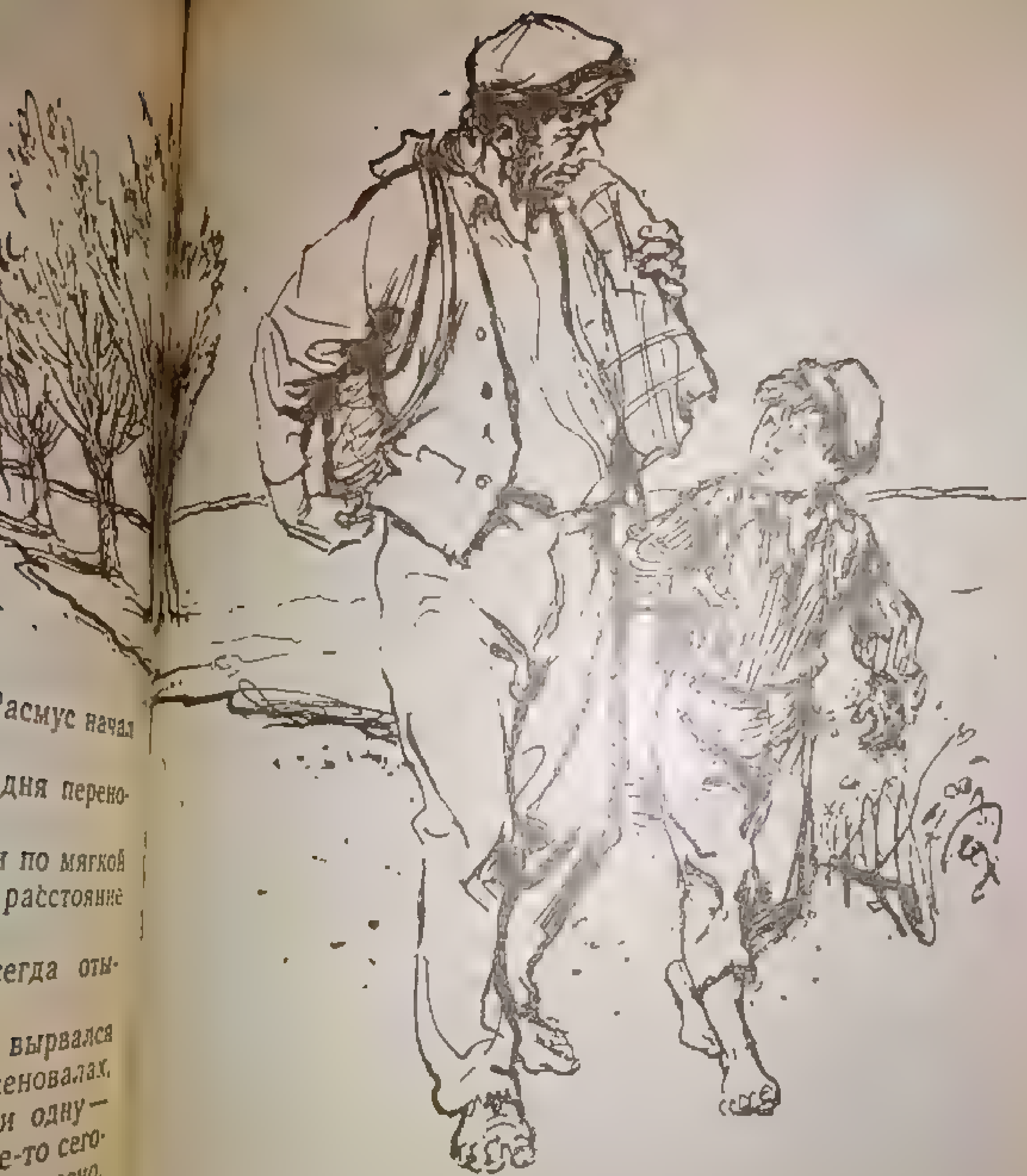
— Где я только не ночевал, с тех пор как вырвался из приюта, — сказал Расмус. — Две ночи на сеновалах, одну ночь на полу в том заброшенном доме и одну — у Крошки-Сары, а последнюю — у ленсмана. Где-то сегодня мы проведем ночь, ведь правда, страшно интересно, когда ничего не знаешь об этом заранее.

— Охохонюшки, хо-хо, — вздохнул Оскар.

Некоторое время они шли молча. Дорога, узкая и ухабистая, вилась змейкою, и ее часто перегораживали ворота.

— За сегодняшний день я отворил шестнадцать ворот, — сказал Расмус. — Сосчитал их. И вот там еще одни, хотя они уже открыты.

— Да, на этой дороге всегда было много ворот.

— Откуда ты знаешь, ты бывал здесь раньше?

— Ну как же, много раз, — ответил Оскар.

Они прошли через отворенную околицу. На столбе у ворот была приколочена дощечка с надписью. Расмус остановился и прочел:

Закрой ворота, я это делаю всегда,
А ты, скотина, никогда.

— Видно, что последним прошел здесь скотина,— сказал Оскар.— Давай-ка посидим немножко. Погляди, какая красота вокруг.

Сразу за околицей раскинулась нарядная лужайка, ее мягкая сочная трава пестрела яркими цветами. Расмус старательно затворил за собой ворота, уж он-то не будет вести себя как скотина. Оскар растянулся в траве среди колокольчиков и ромашек, и Расмус плюхнулся рядом с ним. Какое блаженство вытянуть натруженные усталые ноги.

— Будь я коровой, остался бы на этой лужайке и ни за что не согласился бы уйти отсюда,— сказал Оскар.

Он задумчиво поч[illegible] себе голову.

— Интересно, поч[illegible] не сидится на одном месте, а ты все идешь впер[illegible] ни придешь, везде почти одно и то же. Трава, [illegible] деревья, небо, лес, солнце, луна и дома, которы[illegible] понастроили для себя. Просто удивительно, что [illegible]ешь долго засиживаться на одном месте.

— Ну да, так при[illegible] все идти и идти вперед. По крайней мере, летом. А зимой вот приятнее жить в доме.

— Зимой ногти на ногах трескаются,— сказал Оскар,— тогда лучше жить в доме.

Вдалеке послышался топот копыт и скрип колес, и Расмус бросился со всех ног, чтобы вовремя открыть ворота. Кто знает, может быть, ему дадут монетку.

Скоро он увидел подъезжающий экипаж. Это была дорожная коляска с передним и задним сидением, впереди в одиночестве восседал возница.

— Вот едет Нильссон из Стенсэтра,— провозгласил Оскар.— Рачительный хозяин.

Расмус распахнул ворота настежь и глубоко поклонился, когда хозяин хутора Стенсэтра проезжал мимо.

— Какой вежливый парнишка,— заметил хозяин Стенсэтра, попридержав лошадь. И тут он увидел Оскара, сидящего на траве у дороги.

— А вот и Оскар к нам пожаловал. Снова в наших краях, и в самую пору!

Оскар кивнул головой.

— Да, как видишь, я опять тут. Нельзя ли нам с тобой малость проехаться?

— Само собой,— ответил хозяин Стенсэтра.

Оскар и Расмус стремглав забрались на заднее сиденье, и коляска покатила дальше.

— Тебе, верно, надо дать монетку за услугу, — сказал хозяин Стенсэтра и сунул Расмусу пять ёре.

Расмус порозовел от удовольствия. Он только диву давался, как это ему всю последнюю неделю пятиёровые монетки прямо в руки сыплются, начиная с того дня, когда он нашел первую из них у ледника.

Он украдкой покосился на хозяина хутора Стенсэтра. У него было доброе, загорелое лицо, синие-пресиние глаза, и выглядел он совсем не старым.

— И где это Оскар откопал такого молодца? — спросил хозяин хутора Стенсэтра и большим пальцем через плечо указал на Расмуса.

— На дороге выловил, — ответил Оскар. — А пока он бродяжит вместе со мной.

— Разве у него нет отца с матерью? И некому позаботиться о нем?

— Чего нет — того нет, бедный малец!

Расмус сидел молча, делая вид, что старательно разглядывает закат солнца. Он испытывал смущение, ему было странно, что о нем говорили в его присутствии.

— Если Нильссону хочется знать правду, то я могу сказать, что пацан сбежал из детского приюта. И теперь он странствует, чтобы отыскать кого-нибудь, кто согласится взять его к себе.

Хозяин хутора Стенсэтра понимающе кивнул головой.

— Ах, вот оно как, я сразу подумал, что это, верно, тот парнишка из Вэстерхаги, о котором вчера сообщалось в газете.

Он повернул голову и окинул лицо Расмуса дружелюбным взглядом.

— Почему ты сбежал из приюта? — спросил он.

Расмус не ответил, продолжая изучать закат солнца. Но когда хозяин Стенсэтра повторил вопрос, он тихо сказал:

— Не хочу там жить.

Наверное, хозяин хутора Стенсэтра счел этот ответ достаточным объяснением, поскольку он не стал больше расспрашивать.

Дорога петляла и извивалась, взбегала на пригорки и спускалась с них. На ней повстречалось еще не мало

ворот, которые Расмус охотно отворял. Наконец они подъехали к подножию горушки; подъем на нее был такой крутой, что Оскар и Расмус постеснялись дольше оставаться в коляске. Они выпрыгнули из нее и пошли рядом с экипажем.

— Теперь мы скоро будем в Стенсэтра, — сказал Оскар.

Они въехали на пригорок и увидели хутор. Красный дом возвышался на самой вершине холма. Освещенный лучами заходящего солнца, он казался необычайно гостеприимным и обжитым.

— Мы не можем попроситься здесь переночевать? — зашептал Расмус Оскару на ухо.

Но, когда они подъехали к развилке, от которой шла дорога к хутору, сам хозяин Стенсэтра предложил им:

— Не хотите ли заехать к нам и немного перекусить?

— Ну, что скажем, Расмус, хотим мы или нет? — фыркнул Оскар.

— Да, с удовольствием, — поторопился ответить Расмус. Оскар грешным делом сам научил его, что не следует отказываться, когда тебе предлагают еду, потому что бродяга не знает наперед, когда он сможет поесть в следующий раз.

— Тут, пожалуй, одной едой дело не обойдется, — сказал Оскар и взглянул на хозяина хутора Стенсэтра. — Наверное, на закуску будет что-нибудь вроде увещевательной проповеди?

Но ответа на свой вопрос он так и не дождался.

Немного позднее они сидели за большим столом на кухне в усадьбе Стенсэтра и вместе с хозяином ели колбасу домашнего приготовления и шпик, а жена его налила Расмусу молока и подала бутерброд, густо намазанный маслом. Потом она усмехнулась и сказала:

— Ты самый маленький бродяга из всех, что сиживали у меня на кухне. А здесь их побывало немало.

Расмусу понравилась хозяйка дома. Светлые пушистые волосы и доброе серьезное лицо. Красивая.

Расмус ел и слушал рассказ Оскара о Лифе и Лиандере и об ожерелье фру Хедберг.

— Об этом наверняка напишут в газете со дня на день, — горделиво заявил Оскар. — Тогда вы прочитаете обо мне и Расмусе, короле всех вояк.

Фру Нильссон сидела и смотрела на Расмуса. Она так долго смотрела на него, что он в конце концов не выдержал и отвернулся от нее.

— Бедняжка ты горемычный, — сказала она. — Худо тебе было в Вэстерхаге?

Расмус уставился в тарелку, не произнеся ни слова.

— Ну, как там живется ребятишкам в Вэстерхаге? — продолжала фру Нильссон. — Сколько раз мы думали поехать туда, чтобы взять себе ребенка на воспитание, но всегда что-нибудь нам мешало. Этой зимой совсем уже было собрались поехать, да рука у меня вдруг сильно разболелась.

— Все как-то было трудно решиться, — сказал ее муж.

Расмус поднял глаза от тарелки и посмотрел на фру Нильссон.

— Вы, наверное, хотели девочку? — осторожно спросил он.

Фру Нильссон улыбнулась.

— Нет, мы думали о мальчонке. Ведь у нас хозяйство и своих детей нет. Некому будет позаботиться о хуторе, когда мы состаримся.

— Да, мы думали взять мальчика, — подтвердил хозяин Стенсэтра.

— С вьющимися волосами? — спросил Расмус.

Фру Нильссон удивленно посмотрела на него и рассмеялась.

— Как это ты угадал? Я прямо-таки видела его перед своими глазами, такого кучерявенького.

Расмус утвердительно кивнул головой.

— Угу, — ответил он, усердно пережевывая кожурку шпика.

— Хотя, о чем говорить, нас вполне бы устроили волосы и другого сорта, — сказал хозяин Стенсэтра и шутливо дернул Расмуса за вихор.

— Да, такие лохмы не совсем под стать царю Соломону, — заметил Оскар. — А все-таки на вашем месте я взял бы Расмуса и с прямыми волосами. Если он сам, конечно, захотел бы.

Фру Нильссон улыбнулась Расмусу.

— Ты хотел бы?

Внутри у Расмуса что-то дрогнуло. Неужто это правда? Неужто они хотели бы усыновить его? Значит, на-

шлись-таки люди, которые в самом деле хотели бы усыновить его!

— Ты хотел бы? — спросила его красивая хозяйка так, словно речь шла о каком-то пустяке. Теперь ему стоило только захотеть. Они ведь были такие красивые и добрые, сам Нильссон и его супруга, и видно, что богатые. В кухне было так чисто и уютно, жестяные банки кругом на полках и домотканые ковры на полу, дом большой, много комнат, свой скотный двор. Да еще держали двух служанок. Уж, точно, они богатые.

Богатые, добрые и красивые... и хотели бы его усыновить.

— Для начала ты побудешь тут несколько дней — поглядим, уживемся [illegible] вместе, — сказал Нильссон.— Все же такое дело [illegible] с ходу.

— Я-то бы [illegible] хотел, — смущаясь признался Расмус.

— Да, уж [illegible] вам ни в жисть не сыскать, — сказал Оскар.

Фру Нильссон серьезно взглянула на Расмуса.

— Да, я думаю, что полюблю его, — сказала она.

Потом на веранде она подала им кофе. Хозяева ушли, и Расмус остался наедине с Оскаром.

И тут впервые до него вдруг дошло, что ему придется расстаться с Оскаром. Внезапно он ощутил острую боль, словно его пырнули ножом в грудь.

— Оскар, — спросил он, — ты хочешь, чтобы я остался здесь?

— А то как же? Конечно оставайся. Лучшего дома тебе не найти.

Расмус стоял и молчал. Он надеялся отчасти, что Оскар скажет ему совсем другое... скажет, что он не может обойтись без Расмуса... скажет, что они не могут жить друг без друга. И все потому, что Расмус както обуза для того, кто бродяжит по дорогам.

— Теперь без меня ты сможешь идти гораздо быстрее, — сказал Расмус слегка дрожащим голосом. — Ты сможешь проходить в день много, много миль...

— Ясное дело, смогу, — согласился Оскар. — Только ведь мили повсюду примерно одинаковые, и они не уменьшатся оттого, что я пройду длиннее путь.

— Хорошо бы тебе больше не встретились воры, теперь, когда меня нет с тобой.

— Да уж, конечно, не каждый день попадаешь в такую переделку. И поверь, я-то изо всех сил постараюсь держаться от них подальше.

Расмус помолчал немного, потом сказал:

— Ты останешься один, когда сегодня отправишься спать на сеновал.

Оскар взял его руки в свои.

— Я опять один, и бродяге Оскару это нелегко. Но зато я буду рад, что ты спишь в маленькой уютной комнате в Стенсэтра и нынешней ночью и все другие ночи твоей новой жизни, а не мыкаешься по дорогам.

К горлу Расмуса подкатил комок.

— Оскар, а вдруг мы больше не увидимся?

Оскар не выпускал его рук из [illegible]

— Ясно, встретимся. В один [illegible] асный вечер, когда ты будешь сидеть на кухне [illegible] месте с отцом и матерью, кто-то постучит в [illegible] а пороге появится Праведная Кукушка и [illegible] стите ли меня переспать одну ночь в сенник [illegible] там сидишь сытый, толстый и веселый и отвеча [illegible] Ну конечно, Оскар, какие могут быть разговор[illegible] Разве не забавно?

Но Расмус не находил в этом ничего забавного. На глазах у него заблестели слезы, а Оскар продолжал:

— Увидишь сам, я появляюсь здесь гораздо чаще, чем ты думаешь. Обещаю, мы снова увидимся.

— Оскар, ты придешь?

— Так же непременно, как аминь в церкви. А теперь лучше подумай, как тебе будет весело со всеми лошадьми, коровами, телятами и поросятами тут на хуторе.

— Не знаешь, нет ли в доме кошки?

Фру Нильссон, которая зашла к ним, чтобы забрать поднос с пустыми чашками, услышала его вопрос и сказала:

— Знаешь, малыш, у нас нет кошки, я их не очень жалую, но у нашей собаки родились вчера пять маленьких щенят, и мы с тобой пойдем их завтра смотреть.

Ради пяти щенков можно забыть все горести, когда тебе девять лет. Расмус даже подскочил от радости — завтра его ждет столько интересного, это будет по-настоящему веселый день!

— У тебя совсем слипаются глаза, — сказала фру Нильссон. — Я сейчас приду и покажу тебе, где ты будешь спать.

И она вышла, захватив поднос.

— Лучше всего, если мы сейчас с тобой попрощаемся и обнимемся перед разлукой, — сказал Оскар. — Я буду ночевать в сеннике и рано поутру отправлюсь в дорогу.

— Но ведь ты скоро вернешься и навестишь меня? — испуганно спросил Расмус.

Но в душе было смятение, и внутренний голос шептал, что он, может быть, [illegible] больше не увидит Оскара и что он не [illegible] этого. Но именно сейчас Расмусу не хотелось [illegible] думать. Ему безумно хотелось спать... И, [illegible] хозяина хутора были щенята, которых [illegible]

Он взял Ос[illegible]

— Спасибо, [illegible] мне бродяжить с тобой. И спасибо за [illegible]

— И тебе спас[illegible]ал Оскар. — Ты мне всегда нравился, хотя у те[illegible] волосы.

Тут Оскар повернулся и пошел. Расмус остался стоять на веранде, провожая его печальными глазами, полными слез. Оскар шел в сумерках с вещевым мешком за спиной. Он поднялся по мосткам к сеннику. Расмус видел, как он отворил огромную дверь. Потом он исчез и мальчик больше уже не видел Оскара.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На следующее утро он проснулся рано. Он чувствовал, что было рано. Солнце, проникавшее в комнату из-за неплотно завешенной синей шторы, было раннее, утреннее, и звуки, раздававшиеся в доме, были утренние. Кто-то гремел на кухне у плиты, кто-то молол кофе.

Сонными глазами он оглядел комнату. О, как здесь было уютно и красиво. А какая мягкая постель! На такой ему никогда не приходилось спать!

Внизу в кухне слышались [illegible], там, наверное, ходили его новые отец и мать. Р[illegible] попытался представить себе хозяина хутора Сте[illegible] его жену, и сразу же вспомнил их приветли[illegible]. Сколько раз в Вэстерхаге он мечтал о таких р[illegible]! Да, случилось большое чудо... теперь у не[illegible]ный дом и собственные отец и мать.

Почему же это его не радует? Отчего ему так грустно? По мере того как проходил сон, Расмус становился все печальнее и, наконец, почувствовал себя таким несчастным, каким ни разу не был после побега из Вэстерхаги. Казалось, что-то сжимало ему сердце, и на душе было так тяжело — хоть умри с тоски. Он подумал о щенках, которых ему обещали показать сегодня, но разве до щенков, когда на сердце так тоскливо.

Оскар! Это Оскара не хватало ему до боли в груди, и от этой боли было только одно средство: он должен найти Оскара, должен поговорить с ним, попросить его, хорошенько попросить, чтобы тот снова взял его с собой бродить по дорогам.

Но сейчас, конечно, слишком поздно. Оскар, наверное, давно отправился в путь. Расмус представил себе, как где-то далеко в лучах утреннего солнца Оскар один шагает по дороге. Нет, этого нельзя пережить, теперь уже все потеряно.

Вскрикнув, он вскочил с кровати и начал одеваться.

Он так спешил и чувствовал себя таким несчастным, что у него все валилось из рук, пальцы дрожали, когда он застегивал рубашку, и ему никак было не попасть ногой в штанину.

Он уже совсем оделся, когда дверь отворилась и вошла фру Нильссон. З а ч е м ей понадобилось приходить сейчас, у него совсем нет времени для длинных объяснений.

— Мне надо пойти сказать Оскару одну вещь, — пробормотал он и бросился мимо нее к двери.

— Знаешь, мне кажется, Оскар уже ушел! — крикнула она ему вслед. — Я видела, как он выходил из сенника с полчаса тому назад.

Ослепленный слезами, Расмус бегом спустился с лестницы и выбежал во двор. Он понимал, что Оскар ушел, но он должен увидеть это своими глазами. Он должен убедиться, что никакой надежды нет. Словно безумный, он промчался по двору к сараям. Вчера он видел, как в одном из них скрылся Оскар. С трудом отворил он тяжелую дверь и вошел в сенник. После яркого света на улице там, казалось, было совсем темно. Еще ничего не видя, он стал кричать.

— Оскар! — позвал он. — Оскар!

Не получив ответа, он начал громко всхлипывать. Теперь его глаза привыкли к темноте, и он оглядел пустой сенник. Сено в Стенсэтра еще не начинали свозить, в сеннике было голо, как в пустыне, и никакого Оскара там не было.

Расмус застонал, ему было так больно, что он уже не мог больше сдерживаться. Жалобный стон отчаяния вырвался из его груди. Он прислонился лбом к стене и залился слезами.

Но вот дверь за его спиной отворилась. Это, наверное, фру Нильссон пришла за ним. А ему так хотелось побыть одному. Она не должна видеть, что он плачет. Он сделал отчаянную попытку сдержать слезы, но безуспешно. Все его тело сотрясалось от плача. Ему стало совсем стыдно, он закрыл лицо руками и стоял прислонившись к стене. Слезы ручейками бежали между пальцами.

— Это что еще за грустный напев с утра пораньше, — услышал он голос позади себя.

Голос не фру Нильссон... а Оскара! В дверях стоял Оскар.

Расмус опрометью бросился к нему и крепко уцепился за его руку.

— Оскар, я хочу быть с тобой, ты должен разрешить мне остаться с тобой!

— Так... так... так... — произнес Оскар. — Сейчас мы сядем вон там на солнышке и потолкуем.

Он вывел Расмуса на свет, и они сели на мостик спиной к двери сенника. Оскар обнял Расмуса за плечи.

— Ну-ка, Расмус, посмотри, — сказал он и показал рукой на хутор. — Посмотри, какой красивый хутор, и здесь ты можешь остаться жить. Вот сейчас повезут молоко, и ты поедешь, будешь править лошадьми, а когда вернешься домой, — пойдешь смотреть щенят, поболтаешь со своей матерью и отцом.

— Я хочу с тобой, Оскар, — ответил Расмус, всхлипывая.

— Ведь ты же [illegible]ешься со своими собственными родителями, [illegible]олько, — повторил Оскар. — Ты их так долго [illegible].

— Но я хочу б[illegible] с тобой. Разве ты не можешь быть моим отцом?

Ответ Оскар[illegible] почти сердито.

— Отец — бр[illegible] Разве такое бывает! Неужто ты хочешь, чтоб [illegible] был бродяга!

— Да, такой бродяга, как ты, — пробормотал Расмус.

— Но ведь ты все время говорил, что хочешь кого-нибудь красивого и богатого.

Расмус повернул голову и исподлобья взглянул на Оскара.

— А ты и есть красивый!

Оскар засмеялся.

— Да, я красивый, что твоя невеста. И богатый тоже. Ленсман дал мне десять крон, вот я и богатый.

— Зачем много денег, когда бродяжничаешь, — пробормотал Расмус. — Подумаешь, если зимой на ногах потрескаются ногти, все равно я хочу с тобой, милый, дорогой Оскар...

Больше он ничего не прибавил, потому что снова расплакался.

Оскар долго молчал, потом похлопал Расмуса по плечу и задумчиво произнес:

— Ладно, пусть будет так, как ты хочешь. «Что ни

делается, все к лучшему», — сказала старуха, когда ее старик пошел и повесился. Пусть уж будет, как ты хочешь.

Расмус вздохнул глубоким счастливым вздохом. Понемногу на его заплаканном лице проступила улыбка. Он потянул Оскара за рукав.

— Тогда пошли, прямо сейчас...

— Нет, сначала сходи и скажи фру Нильссон, что ты передумал.

На лице у Расмуса появился испуг.

— Я? А ты не мог бы [illegible]

— Нет, братец, тебе придется уладить это самому.

Не так-то легко [illegible] сказать людям, что ты не хочешь, чтобы они [illegible] родителями. А для того, кто застенчив, это [illegible] трудно. Но Расмус готов был пройти через любые [illegible]тания, лишь бы остаться с Оскаром.

Он подошел к [illegible] дой, стоявшему посреди двора, и смыл с лица [illegible]з. Потом помахал Оскару, чтобы подбодрить [illegible], и только тогда решительно направился на ку[illegible]

Хозяин Стенсэтра и его жена сидели за столом и завтракали. Расмус остановился у порога, как это обычно делают бродяги. Он весь трепетал — сейчас надо им все объяснить. Но что они скажут? А вдруг рассердятся?

— Я хочу уйти с Оскаром, — пробормотал он.

Сначала в кухне наступила тишина, потом фру Нильссон сказала:

— Садись поешь, а потом расскажешь, почему тебе хочется уйти с Оскаром.

Расмус нерешительно топтался на месте.

— Я больше привык к нему, — тихо сказал он.

Фру Нильссон хотела подтащить его к столу, но он упирался. Он расставил ноги и отбрыкивался, словно упрямый козленок. Он так боялся, что они захотят помешать ему уйти с Оскаром.

— Надо поесть, если собираешься в дорогу, — сказал хозяин Стенсэтра и засмеялся.

— Поторапливайся, ведь тебя ждет Оскар, — добавила фру Нильссон.

Было непохоже, чтобы они собирались удерживать его силой. Он перестал сопротивляться и позволил подвести себя к столу. Осторожно присел он подальше от

них, на самый краешек стула, с беспокойством поглядывая на людей, которые должны были бы стать его отцом и матерью.

— Так вот, значит, какое дело. Стало быть, некому будет ухаживать за щенятами, — сказала фру Нильссон.

Расмус опустил глаза.

— Мне больше хочется уйти с Оскаром, — пробормотал он.

Фру Нильссон потрепала его по щеке.

— Да ты не горюй, — сказала она. — Ничего не поделаешь, придется нам самим поехать в Вэстерхагу посмотреть, не найдется ли там малец, который любит собак.

Расмус внезапно оживился и в один миг забыл свою робость.

— Я знаю, кого вы должны взять! — закричал он. — Вы должны взять Гуннара. У него прямые волосы, но зато он хороший, лучше всех. Я знаю всех ребят, правда, Гуннар лучше всех...

— А ему не захочется бродяжить? — насмешливо спросил хозяин Стенсэтра.

— Нет, больше всего ему хотелось бы жить на хуторе, он так любит животных. И он не ругается, как Стуре-Петер и Эмиль и почти все остальные. Гуннар лучше всех.

— Ну что же, тогда нам придется поехать и посмотреть на этого Гуннара, раз он такой хороший, — сказала фру Нильссон, подавая Расмусу полную тарелку каши.

После завтрака — когда он уже собрался уходить — он торжественно пожал им обоим руку на прощанье. Он посмотрел на фру Нильссон большими серьезными глазами.

— Не берите девочек с кудрявыми волосами, — умоляюще сказал он. — Пожалуйста! Гуннар самый хороший.

Ночью прошел дождь. А утром после дождя особенно ярко светило солнце. Они шли по дороге. Длинноногий Оскар перешагивал через лужи, а Расмус бороздил их напрямик, так что брызги летели.

— Как весело ногам, — сказал он, глядя, как между пальцами просачивается кашица из глины.

— И вообще я такой счастливый.

Оскар засмеялся,

— Да, наверное, хорошо себя чувствуешь, когда отделаешься от большой усадьбы с лошадьми, коровами и всем наследством.

Расмус с довольной улыбкой бороздил следующую лужу.

— Знаешь, Оскар, о чем я думаю?

— Нет, но, наверное, это что-нибудь умное и дельное,— так мне кажется.

— Я думал, что когда бродяжишь, то все, что видишь, — твое.

— Ну что ж, тогда ты не прогадал,— сказал Оскар. — Ты не прогадал, если все это твое, — сказал он, указывая на окрестность, омытую дождем и освещенную утренним солнцем.

Он на минуту остановился и поглядел вокруг.

— Господи, до чего же зелено и красиво в эту пору! Неудивительно, что хочется уйти из дому и бродить.

Расмус весело прыгал вокруг него.

— И все это наше. Все березы наши, и озеро наше, и роща, и все колокольчики, и дорога наша, и лужи наши.

— Лужи все твои, — сказал Оскар, — с меня хватит и одной, да и ее я могу отдать, если надо.

— А вот дома не наши, — сказал Расмус, — ведь в них живут чужие люди.

— Ну, об этом мы не станем печалиться, — сказал Оскар. — Дома наши, по крайней мере, один-то дом у нас будет.

Расмус задумался. Он с тоской смотрел на серые домики торпарей,[1] мимо которых они проходили.

— Да нам всего один дом и нужен, тебе и мне,— сказал он с легким вздохом. — Дом, где можно было бы жить зимой, а то ведь ногти на ногах могут расколоться.

— Охохонюшки, хо-хо, — сказал Оскар.

Но светило солнце, и зима была так далеко, что заботиться сейчас о жилище не стоило.

Они отправились дальше. Расмус шел по дороге: все зеленые рощи, и все зеленые луга, и все сверкающие на солнце речки и озера, на которых останавливался его взгляд, — все было его. И дома тоже.

Между тем открытая местность осталась позади.

---

[1] Торпарь — крестьянин, арендующий небольшой участок земли у зажиточных хуторян.

Теперь уже не попадались домики торпарей, дорога шла лесом. Между высокими прямыми стволами сосен просачивались лучи солнца и, падая на землю, освещали зеленый мох и разбросанные по нему маленькие розовые колокольчики, которые своим звоном возвещали о чудесном летнем дне.

— Сейчас мы идем через лес Стенсэтра, — сказал Оскар. — Все эти деревья и вправду могли бы стать твоими.

— Но я хочу быть с тобой, — сказал Расмус, с любовью посмотрев на Оскара.

Оскар взглянул на него. Расмус шагал рядом с ним босой, искусанный мошкарой, худой, с отросшими волосами, но веселый, в рубашке в голубую полоску и залатанных штанах из домотканого сукна, которые давно нуждались в стирке, — бродяга с головы до ног.

— Тогда я тебе вот что скажу, — признался Оскар, — я-то ведь тоже хочу быть с тобой!

Расмус покраснел и ничего не ответил. В первый раз Оскар всерьез сказал, что он хочет быть с ним. Расмус почувствовал себя еще счастливее. Теперь он мячиком перелетал через лужи, и ему казалось, что он мог бы идти бесконечно долго.

Но лес скоро кончился. Теперь дорога, плавно извиваясь, спускалась к озеру. И там внизу, на краю озера, стоял домик торпаря, такой же серый и неприметный, как и все дома бедняков, с несколькими яблонями перед окнами и завалившейся изгородью.

Оскар остановился у калитки.

— Ясное дело, дома тоже наши. А то как же! Ну хотя бы вот этот дом. Я думаю, мы так и порешим, что он наш.

Он отворил калитку.

Расмус засмеялся.

— До чего же ты смешной, Оскар! Мы будем здесь петь?

— Нет, я думаю, что здесь нам надо петь как можно меньше.

Он направился к дому, и Расмус последовал за ним. И тогда он увидел, что там стояла женщина и вешала белье. Она стояла к ним спиной и вешала полотенца на веревку, натянутую между двумя яблонями.

— Мартина, — позвал Оскар. Женщина обернулась.

Ее простое, широкое лицо нахмурилось, как только она увидела Оскара.

— Ах, вот как, явился наконец, — сказала она.

Расмус остановился на расстоянии нескольких шагов. Это, конечно, был кто-то, кого Оскар знал. Но тогда она не очень-то вежлива с ним, вид у нее был прямо-таки злой. Но вот она указала на Расмуса.

— А это кто с тобой?

Оскар ободряюще взглянул на Расмуса.

— Понимаешь, я шел, шел и нашел на дороге мальчика, хотя он такой маленький, что его не сразу и заметишь. Зовут его Расмус.

Вид у женщины был по-прежнему сердитый, и Расмусу захотелось, чтобы они поскорее ушли отсюда.

— Как ты тут жила без меня на этот раз? — спросил Оскар, и в его голосе послышалась тревога.

— А как ты думаешь? — ответила женщина. — Работала с утра до ночи, терпела нужду и недостатки, так что с ума можно было сойти. Но ведь для тебя самое главное, чтобы ты мог уходить и шататься по дорогам.

— Ты очень на меня сердишься, Мартина? — смиренно спросил Оскар.

— Да, очень, — сказала женщина. — Я так зла, что дала бы тебе по башке...

Она замолчала. А потом ни с того ни с сего обняла Оскара за шею, засмеялась и сказала:

— Да, я сержусь. Но как я рада, что ты опять дома!

Расмус стоял совершенно растерянный и ничего не понимал. В самом деле Оскар здесь живет. Разве вообще есть такое место, где бы он ж и л? Это Расмусу даже во сне никогда не снилось. Оскар — человек, который шагает по дорогам день-деньской, зимой и летом, но он нигде не живет. Но если он все-таки живет здесь, кто же тогда эта Мартина? Может быть, его жена?

Расмус стоял около яблони и пытался уяснить себе, как все это надо понимать. От радостного настроения не осталось и следа. Он сразу почувствовал себя таким одиноким.

Там стояли Оскар и Мартина, смотрели друг на друга и смеялись. А Расмуса словно совсем не существовало — на него они не обращали никакого внимания.

Но вдруг Мартина отпустила Оскара и подошла к нему. Она стояла перед ним, уперев руки в бока, большая

и широкая, почти такая же, как Оскар. Теперь ее взгляд был и добродушным, и веселым, и лукавым. Она рассмеялась, глядя на него, но это был добродушный смех, словно она увидела что-то забавное.

— Так, значит, Оскар, ты шел, шел и нашел на дороге мальчика? — сказала она, оглядывая Расмуса с ног до головы.

— Да, маленького, странного мальчугана — подумай только, он хочет, чтобы бродяга стал его отцом. Ему больше хочется, чтобы я стал его отцом, а не Нильссон из Стенсэтра. Что мне будет за это?

— Если он хочет, чтобы ты стал его отцом, то это не очень разумно с его стороны.

— Так-то оно так. Но если бы ты стала ему матерью, с ним не случилось бы никакой беды.

— Все это так неожиданно, — сказала Мартина. — Но твои выдумки, Оскар, всегда сваливаются как снег на голову. У тебя нет родителей, мальчик?

— Да, — сказал Оскар. — У него нет других родителей, кроме тебя и меня.

Мартина взяла Расмуса за подбородок и приподняла его лицо, чтобы заглянуть ему в глаза. Она смотрела на него долго и испытующе, а потом сказала:

— Ты хотел бы этого? Ты хотел бы жить здесь?

И неожиданно Расмус почувствовал, что это было как раз то, чего он хотел. Он хотел жить с Оскаром и Мартиной вот в этом маленьком сером домике возле озера. Оскар и Мартина не были ни богаты, ни красивы. У Мартины не было голубой шляпки с перьями, но это ровно ничего не значило. Он хотел бы жить здесь.

— Но захочет ли Мартина взять мальчика с прямыми волосами? — робко спросил Расмус.

Тогда Мартина обняла его и посадила к себе на колени. Никто не обнимал его с тех пор, как у него было воспаление уха и он сидел на коленях у фрёкен Хёк. Руки у Мартины были крепкие и сильные, но все же они были нежные, да, гораздо нежнее, чем у фрёкен Хёк.

— Захочу ли я взять мальчика с прямыми волосами? — смеясь переспросила Мартина. — Сейчас я тебе объясню. Понимаешь, мне не нужен кудрявый малец, раз у меня самой волосы совсем прямые, как гвозди. Достаточно одной курчавой кудели в семье, — сказала она, взглянув на Оскара.

Оскар сидел на крыльце. Он играл с маленьким черным котенком, который подошел к нему и терся о его ноги.

— Мальчика с прямыми волосами или вовсе никакого, — сказал Оскар. — Так мы всегда говорили, Мартина и я.

Глаза Расмуса заблестели, все его лицо засветилось.

— Послушай-ка, Расмус, — сказал Оскар, — видел ты вот эту животинку?

Расмус подбежал к Оскару и сел рядом с ним. Он ласково погладил кота, посадил его к себе на колени и прижал к себе.

— Как раз вот такого котенка я видел во сне, — сказал он.

— Ну тогда этот котенок твой, — сказал Оскар. — Знаешь, Мартина, Расмус и я сочинили песню о коте, который ест селедку и картошку.

— Селедка и картошка у меня есть, стоят на плите; будете есть? — спросила Мартина.

Оскар кивнул в знак согласия.

— Спасибо, — сказал он и запел громовым голосом: — Хочешь верь, хочешь нет, мой малыш на обед ест всегда только сельдь и картошку.

Он положил руку на плечо Расмуса:

— Ну что ж, пошли в дом.

Быть может, он когда-то был рожден вот в таком сером домике торпаря. Быть может, первое, что он увидел в своей жизни, была как раз вот такая бедная кухня с выскобленным добела деревянным полом, выдвижным диваном, складным столом и геранью на подоконниках. Быть может, именно поэтому у него было такое чувство,

словно он пришел домой, когда переступил этот высокий общарпанный порог.

Он сидел с Оскаром и Мартиной за кухонным столом и ел селедку с картошкой. На душе у него потеплело — он был дома. Мартина болтала без умолку, смеялась и шутила. Трудно было поверить, что это та самая Мартина, которая сначала казалась такой сердитой. При ней исчезала робость — она разговаривала с вами, хотели вы этого или нет. Но у вас не было такого чувства, которое иногда бывает, когда взрослые разговаривают с детьми: что они это делают только из вежливости. Мартина, она разговаривала с вами, потому что сама находила, что это приятно.

— До чего же нелепо, — сказала она, когда они рассказали о Лифе и Лиандере. — Хотела бы я поговорить с этими негодяями.

— Ого! — сказал Оскар. — Но они и так получат по заслугам. Зато я знаю, с кем ты должна поговорить. Тебе надо пойти и договориться с полицией, чтобы Расмус мог остаться у нас. Я не умею разговаривать с властями, да и не стоит мне идти туда, ведь тогда они спросят у меня: «Что ты делал в четверг, Оскар?»

— Это мне тоже очень бы хотелось знать, — сказала Мартина. — Интересно, что ты делал в четверг, когда я, не разгибая спины, до поздней ночи стирала белье в прачечной у священника?

И пока она резала хлеб и накладывала им селедку, она рассказывала Расмусу, как трудно быть женой такого лентяя, как Оскар.

— Понимаешь, Расмус, просыпаешься в одно прекрасное утро — Оскара нет, а на столе в кухне лежит записка: «Я опять ушел». Всего маленькая записка, что он «опять ушел». Что ты на это скажешь?

Оскар нисколько не смутился. Продолжая отправлять в рот кусок за куском, он добродушно отозвался:

— Ну, поругай еще, Мартина, поругай еще!

— Я не знаю, что мне еще придумать, когда я уже сказала «лентяй», — ответила Мартина.

Но тут вмешался Расмус, защищая Оскара:

— Оскар совсем не такой уж лентяй. Он говорил мне, что он не хочет работать все время. Но когда он работает, то работает как вол.

Мартина утвердительно кивнула.

— Да, это правда. Знаешь, Оскар, что сказал на днях Нильссон из Стенсэтра? Он сказал так: «Оскар — мой лучший торпарь, когда он только этого захочет».

— А теперь я не прочь, — сказал Оскар. — Я буду молить небо, чтобы оно взяло у меня бродяжью кровь и подлило туда побольше торпарской.

Он взглянул на Расмуса и лукаво улыбнулся.

— Хотя следующей весной мы все же совершим небольшую прогулку вместе с Расмусом.

Расмус с обожанием смотрел на него. Как чудесно, когда отец у тебя бродяга, как чудесно, когда отец у тебя Праведная Кукушка.

— Теперь надо решить, что будем делать завтра, — сказала Мартина. — Ты должен починить забор и окучить картофель. А послезавтра т[illegible] надо пойти в Стенсэтра возить сено.

Оскар кивнул.

— Да, я уже знаю, Нил[illegible]говор[illegible]. Но завтра мы с Расмусом встаем пор[illegible] идем удить окуней. Понимаешь, Расмус, у нас [illegible]трая лодка здесь на озере, так вот мы возьмем [illegible]дем на нашу окуневую отмель. Удить ты, конечно, любишь?

Лицо Расмуса просияло.

— Я никогда не удил, — ответил он.

— Тогда как раз пора начинать, — заметил Оскар.

Да, чудесно, когда отец у тебя бродяга, а мать Мартина. До чего же чудесно иметь отца и мать. Разве он не говорил Гуннару, что надо самому идти и искать, не захочет ли кто-нибудь взять тебя!

Словно удар грома поразил его — Гуннар. Кусок селедки чуть-чуть не застрял у него в горле, когда он вспомнил о своем друге.

Если бы Гуннар в самом деле стал жить в Стенсэтра, — вот было бы здорово, — тогда они могли бы видеться! Лесом это не больше полумили, и он мог бы ходить туда с Оскаром, когда тот будет работать в усадьбе. Он мог бы играть со щенятами Гуннара, а Гуннар мог бы приходить сюда и играть с его котенком. И, быть может, Гуннар мог бы иногда ходить вместе с ними удить окуней.

— Ну, конечно, конечно, — подтвердил Оскар, когда он спросил его об этом. — Гуннар может приходить и вместе с нами ловить окуней.

— И играть с моим котенком, — сказал Расмус.

Оскар кивнул.

— Ну, пусть играет с твоим котенком.

Расмус не мог сидеть спокойно. Невозможно сидеть спокойно, когда чувствуешь себя таким счастливым.

— Подумайте, — сказал он, — в Вэстерхаге, нет, вы только подумайте, там не разрешается иметь других животных, кроме «бекасов» в голове.

Мартина засмеялась.

— Нет, «бекасов» в голове нам здесь не надо. Да, кстати, вы же грязные, как поросята, — идите-ка искупайтесь в озере.

Оскар вздохнул.

— Ну, начинается.

Расмус вскочил. Какое счастье, что озеро у него тоже есть... Это был ну просто день чудес, самый замечательный день.

Расмус остановился на крыльце, ожидая Оскара. Там, во дворе, пригревшись на солнышке, спал его котенок. Да, это был день чудес! У него было озеро, и отец, и мать, и котенок. И родной дом. Этот маленький серый домик был его. Бревна были старые, отполированные временем почти до блеска шелка. Какой красивый, какой прекрасный дом! Он осторожно погладил толстые бревна. Маленькой, грязной, худой рукой Расмус гладил бревна своего родного дома.

АСТРИД ЛИНДГРЕН И ЕЕ ПОВЕСТЬ «РАСМУС – БРОДЯГА»

Имена авторов иностранных книг запоминаются не всегда. Зато хорошо запоминаются полюбившиеся читателям имена героев этих произведений.

Ребята, даже в самых отдаленных уголках мира, хорошо знают литературных героев, подаренных им замечательной шведской писательницей Астрид Линдгрен: Карлсона, Мио, Пеппидлинныйчулок, Калле Блумквиста, Эмиля из Леннеберги, малышку Червен и многих других.

Астрид Линдгрен - самая знаменитая женщина современной Швеции, автор более тридцати пяти книг. «В наши дни, - писали в Германии, - чудес, можно сказать, в литературе не бывает. Но шведка Астрид Линдгрен - это чудо. Ее детские книжки полны такой чистой, такой чарующей прелести, которую крайне редко встретишь в современных романах и рассказах». Поэтому, может быть, шведская писательница одной из первых удостоилась в 1958 году Международной Золотой медали Ханса Кристиана Андерсена. Жюри особенно подчеркнуло значение повести «Расмус-бродяга».

* * *

«Начнем с самого начала, - пишет в своей автобиографии Линдгрен, с ноября 1907 года, когда я родилась в старинном красном доме, окруженном яблоневым садом. Я была вторым ребенком в семье землевладельца Самуэля Августа Эриксона и его жены Ханны Эриксон, урожденной Янсон. Усадьба, в которой мы жили, называлась - да и сейчас так называется - Нес, и находится она совсем близко от небольшого городка Виммербю, в Смоланде... Нас было четверо братьев и сестер. Мы посещали школу в Виммербю, и я с детства хорошо узнала быт крестьян и быт жителей провинциального городка».

Да, 14 ноября 1907 года близ городка Виммербю, в восточном Смоланде, в крестьянской семье родилась девочка, которую еще в школьные годы шутливо называли «Сельма Лагерлеф нашего городка Виммербю». Этой девочкой была Астрид

Анна Эмилия Эриксон, которую весь мир знает под именем Астрид Линдгрен. А называли ее Сельмой Лагерлеф потому, что, пристрастившись еще в раннем детстве к чтению книг Марка Твена, сказок Андерсена, Топелиуса и других писателей, Линдгрен сама придумывала сказки и страшные истории о разбойниках и о войне. Богатая фантазия девочки проявилась и в ее школьных сочинениях, рано обративших на себя внимание и снискавших ей славу «Сельмы Лагерлеф». Важно то, что материал для своих рассказов, точно так же как и для будущих произведений, Линдгрен черпала из окружающей ее жизни. «Все наши переживания и игры отразились в моих книгах», - писала впоследствии о себе, своих сестрах и брате Линдгрен. А действительность ее детства была сказочно чудесна и в то же время сурова.

Высокое ка[illegible] плоскогорье, чуть прикрытое глинистой почвой. [illegible] озера, лесистые холмы. Темные сосновые боры [illegible]. Яркий багрянец березовых и осиновых рощ осе[illegible] Смоланд, край, где трудолюбивые крестьяне, пр[illegible] Линдгрен, терпеливо удаляя с поля огромные камн[illegible] возделать бесплодную почву. «До сих пор видится [illegible]нная стена из камня, сложенная руками моей бабушки», писала Линдгрен.

Смоланд - обиталище шведских умельцев, искусных стеклодувов и столяров. Край, где башни Кальмарского замка, куполы старинных церквей и поросшие травой развалины полны воспоминаний о далеком прошлом Швеции. Край легенд, преданий и сказок!

Став взрослой, Линдгрен продолжала сочинять сказки и занимательные истории. Большинство позднее составили основу многих ее книг. Сама Линдгрен объясняет свое обращение к литературному творчеству случайностью чисто «метеорологического характера».

День 28 марта 1944 года навсегда запомнился писательнице. Снежный буран, оледеневшие дорожки; внезапное падение и боль в поврежденной ноге. В те дни, когда Линдгрен пришлось пролежать в постели, ее «лучшим оружием против скуки стали карандаш и блокнот». Вот тогда-то и родилась озорная девочка Пиппидлинныйчулок, историю которой Линдгрен записала во время болезни.

«Эта необычная рыжеволосая девчонка, - рассказывала Линдгрен, - была давней знакомой нашей семьи. Она появилась на свет еще в 1941 году, как-то вечером, когда моя дочка, которой в ту пору было семь лет, лежала с воспалением легких и все время просила:

- Мама, расскажи мне что-нибудь.

- Что же мне тебе рассказать? - спросила я.

- Расскажи мне что-нибудь про Пиппидлинныйчулок.

Это имя было придумано ею в ту самую минуту, и я, даже не спросив, кто такая Пиппидлинныйчулок, стала рассказывать. Когда три года спустя болезнь приковала меня к постели, я записала историю о Пиппи. Но не с целью издать ее, а лишь для того, чтобы подарить дочери ко дню рождения».

Все же Линдгрен предприняла попытку издать книжку, но безуспешно. И неизвестно, увидела бы свет история столь знаменитой в будущем Пиппи, если бы новая книжка «Бритт-Мари облегчает сердце», написанная Астрид Линдрген в 1944 году, не получила второй премии на конкурсе, объявленном одним из издательств. В 1945 году веселая «Пиппи» была также представлена на конкурс, получила первую премию и была издана со многими дополнениями.

С тех пор Линдгрен создала, по ее собственному выражению, целую «лавину» книг.

В чем секрет успеха книг Линдгрен? Почему ее герои стали спутниками миллионов детей?

* * *

Когда вышла первая книга Линдгрен в шведской прессе писали, что она «нарушила традиции морализирования, сентиментальности и слащавости, которые многие десятилетия царили в детской литературе». Линдгрен стала преемником лучших традиций детской литературы Швеции, и не только Швеции. В ее творчестве заново расцвела и приобрела оригинальные формы сказка. Линдгрен, в отличие от других современных шведских писателей, слащаво повествующих о мелких горестях детей, об их играх и развлечениях, - затрагивает серьезные проблемы, заставляет задуматься.

Кроме книг, в которых сказочные, фантастические черты сочетаются с элементами действительности и современности, у Линдгрен есть чисто реалистические произведения. Наиболее известным является повесть «Расмус-бродяга».

***

Вэстерхага - приют, где покорно и кротко играют одетые в казенные рубашки сироты и дети бедняков. Чисты уши и старательно вымыты руки приютских детей, которых сегодня даже не наказывают. Но так бывает не всегда. Покорность и кроткость, особые приютские голоса - это для разговора с на-

чальством, с наставницей и пастором. А опрятно одевают, умывают и не наказывают детей только, когда в приюте ожидают чужих!

Но это внешнее благополучие в Вэстэрхаге не может обмануть. И женщина, приехавшая взять на воспитание ребенка, сразу замечает, что дети - «несчастные».

Да, дети несчастны! В Вэстерхаге сироты батрачат на приютском поле и делают все то, что их воспитательница фрекен Хек называет полезной работой. Дети зарабатывают себе на хлеб, и Линдгрен сравнивает их с черными рабами на плантации. Но если у черных рабов, по словам писательницы, случаются какие-то радости, то в Вэстерхаге они крайне редки.

Дети не знают привета и ласки. Они жаждут вырваться из приюта, где все построено на лицемерии и издевательствах. И даже самый веселый из них, Расмус, думает, что приютскому мальчику, которого никто не хочет взять к себе в дом, все равно, «жить или умереть». И когда Расмусу удается бежать из Вэстерхаги, - он счастлив.

Обо всем этом рассказывает нам Линдгрен в своей повести «Расмус-бродяга», действие которой относится к началу XX века. И это очень важно помнить для того, чтобы правильно оценить содержание книги и резкую критику приютской жизни, данную Линдгрен.

Начало XX века. В Швеции угрожающие размеры принимает детская беспризорность и бродяжничество. В целях борьбы с ними создаются детские «дома трудолюбия», или приюты. Газеты широко рекламируют эти учреждения как проявление заботы о сиротах и детях бедняков.

А между тем жизнь приютов далека была от идеала. И это прекрасно показала Линдгрен. Повесть «Расмус-бродяга», обращенная к детскому читателю, свела на нет все слащавые фразы, в которых воспевались детские приюты.

В тоже время, может быть вопреки своему желанию, Линдгрен, выступает здесь также против ложной романтики странствий по большим дорогам.

Подтверждая свое отрицательное отношение к шведским приютам, говоря, что во времена ее детства хорошо жилось отнюдь «не приютскому ребенку», писательница не отказывается от детски восторженных воспоминаний о бродягах.

«Жила я в крестьянской усадьбе, - пишет она, - и в то время, совсем непохожее на наше, мне довелось видеть, как к нам частенько захаживали бродяги и просились ночевать на скотном дворе либо на сеновале. Мне, моим сестрам и брату мерещилось в этих бродягах что-то сказочное, и они столь много для нас значили, что сделать такого бродягу главным геро-

ем книги «Расмус-бродяга» представлялось мне делом совершенно естественным».

Однако оценка бродяжничества в повести Линдгрен совсем иная и столь же отрицательная, как и приютской жизни.

Рассвет! Чудесное солнечное утро, ликующее пение дрозда, серебристые капли росы. По дороге устало бредет мальчик в приютской одежде. Он только что избавился от самого страшного - подневольной серой сиротской жизни в приюте! Заманчивым и счастливым представляется ему свободное существование бродяги. Маленький сарай посреди лужайки гостеприимно раскрывает свои двери. Свежее душистое сено, так и манит прилечь. Казалось бы, вот она, чудесная жизнь бродяги, которая представлялась такой сказочной маленькому Расмусу!

Но что это? Пробуждение от холода. Страшное ощущение одиночества, голода и [illegible]

Такова пропасть между [illegible] мечтой и действительностью, которую без [illegible] писательница! Линдгрен считает, что детям нуж[illegible]зывать правду и только правду, даже если реч[illegible] сложных вещах. И не даром отмечает шведск[illegible], что сказочный мир этой писательницы «существ[illegible]ной действительности».

Постепенно жизнь разве[illegible] мечту ребенка о бродяжничестве. Сначала Расмус видит настоящего взрослого бродягу Оскара, оборванного, небритого, живущего случайным подаянием. Но с Оскаром так весело! Он знает столько чудесных шуток и песен! И, хотя в мальчике еще жив недавно пережитый страх голода и одиночества, Расмус не может сразу отрешиться от своей мечты. Он готов бродить с Оскаром по дорогам.

Но вот начинается жизнь, о которой мечтал Расмус, и мальчик узнает, что бродяга частенько остается без ночлега, что масло дадут ему «в другой раз». И главное: бродяга - самое бесправное в мире существо. Ведь любой может заподозрить его в чем угодно, схватить и с пристрастием допросить о том, «что он делал в прошлый четверг». Расмус узнает: мнение «бродяга на все способен» разделяют и подневольные служанки. А жизнерадостный Оскар с горечью говорит мальчику: «Собачья жизнь у бродяг в этой стране, - ведь все, что ни случись, валят на них», «Ленсманы всех бродяг считают мошенниками». К великому удивлению Расмуса, никто не верит бродягам, даже если они говорят правду. И оболгать бродяг может всякий. Доброе дело - попытка вступиться за фру Хедберг - и то оборачивается против них. Никакие заверения Оскара в том, что он невиновен, не помогают. Честные

бродяги вынуждены скрываться как воры.

«Мир жесток», - вот к какому выводу приходит Расмус. Мечты мальчика о счастливой, свободной жизни, несмотря на доброту Оскара, разлетаются в прах. В действительности жизнь бродяги оказалась «собачьей». И, прощаясь со своей мечтой, разочаровавшись в ней, мальчик говорит: «Ни минуты покоя, только и бойся все время то грабителей, то ленсмана, то полицейских - всех, кого попало».

Книга Линдгрен близка по своим традициям к лучшим произведениям Диккенса и Марка Твена. Но важно то, что даже традиционный «счастливый конец» под пером талантливой писательницы приобретает в этой книге несколько особый и своеобразный характер. Расмус, попав в богатый дом, бросает названных родителей и снова уходит с Оскаром, нищим бродягой. Правда, дабы вознаградить мальчика, писательница тут же, довольно неожиданно, наделяет Оскара домиком и женой, а Расмуса, следовательно, - отцом и матерью. Но мальчик счастлив, и счастье его, как показывает Линдгрен, не становится меньше от того, что он живет не на зажиточном хуторе, а в небогатом домике.

* * *

Дети должны быть счастливы, считает писательница. Дети должны играть, радоваться жизни, есть досыта, наслаждаться материнской и отцовской лаской. Дети не могут жить без солнца, леса и травы, берестяных лодочек и игрушечных шалашей.

Хотя писательница отнюдь на это не претендует, книги ее по-хорошему воспитательны и совершенно лишены назойливой поучительности. «Я надеюсь, - писала Линдгрен, - что, быть может, книги мои внушат маленьким читателям большую человечность, лучшее понимание людей».

Книги ее оказали влияние уже на несколько поколений детей всего мира. Те, кому сейчас 25-30 лет, тоже пережили увлечение произведениями этой писательницы. Они учат правдивости, доброте, честности, гуманности. Учат не только детей, но и взрослых. Им они подсказывают вдумчивое, серьезное отношение к ребенку, уважение к нему, умение видеть в нем хотя и маленького, но человека.

Людмила БРАУДЕ

Содержание

Репринтное издание

Астрид Линдгрен

Расмус-Бродяга

Перевод со шведского

Подписано к печати с готовых диапозитивов 21.10.91. Формат 84 X 108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,2. Уч.-изд. л. 8,23. Тираж 200 000 экз. Заказ № 2349.
Цена договорная.

„Лик". 101898, Москва, Центр, Хохловский пер., д. 10.
Для корреспонденции 121248, Москва, а/я 512.

Отпечатано в ордена Ленина типографии „Красный пролетарий".
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

«ЛиК»

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190